

БЕРЕГ ЖИВЫХІ

НАСЛЕДНИКИ ИМПЕРАТОРА

АННА СЕШТ

Берег ЖИВЫХ

Анна Сешт

**Берег ЖИВЫХ.
Наследники Императора**

«Автор»

2020

Сешт А.

Берег Живых. Наследники Императора / А. Сешт — «Автор», 2020 — (Берег Живых)

Империя Таур-Дуат – дар Великой Реки, благословлённый сиянием Солнечной Ладьи, драгоценный самоцвет в оправе песков пустыни Каэмит. Нет в мире равных мудрым жрецам и могучим воинам народа рэмеи, легендарным мастерам, некогда воздвигшим среди песков свои города и пирамиды Планарных Святилищ. Лишь потомки фэйри могут сравниться с рэмеи, но их вотчина – далёкие зачарованные чашобы севера, охотничьи уголья совсем иных Богов, вверенные заботам кланов высокорождённых. Тридцать лет минуло после окончания жестокой войны между двумя великими державами континента. Столицу Империи потрясает весть о гибели наследного царевича Хэфера, и вновь на границах Таур-Дуат раздаётся тяжёлая поступь Отца Войны. Император Секенэф должен выбрать нового наследника. Молодой воинственный царевич Ренэф, стремящийся отомстить за гибель брата, и не по годам мудрая царица Анирет – кто из детей Владыки, оставшихся на Берегу Живых, способен принять из его слабеющих рук непосильное бремя власти?

© Сешт А., 2020

© Автор, 2020

Содержание

Часть 1	5
Пролог	6
Глава 1	11
Глава 2	17
Глава 3	24
Глава 4	32
Глава 5	43
Глава 6	52
Глава 7	63
Глава 8	73
Конец ознакомительного фрагмента.	81

Анна Сешт

Наследники Императора

Часть 1

Воистину, Мы сотворили человека из сухой звонкой глины, из ила, отлитого в форме. А до того Мы сотворили джиннов из палящего огня.
Коран, сура «Аль-Хиджр», аяты 26–27

На северных островах земли были племена богини Дану и постигали там мудрость, магию, знание друидов, чары и прочие тайны, откуда не превосили искусных людей со всего света.
Ирландские сказания, «Битва при Маг Туиред»¹

39-й год правления² Императора Секенэфа Эмхет³

---

¹ Эпиграфы выбраны неслучайно. В обеих цитатах говорится о земных расах, предшествовавших человеческой. (*Здесь и далее – прим. авт.*)

² Как и древние египтяне, жители Таур-Дуат начинают отчет лет с начала правления каждого нового правителя. Год включает три сезона: сезон Половодья, сезон Восточных ветров, сезон Жары. В каждом сезоне – по четыре месяца, в каждом месяце по три декады, итого 360 дней. Последние пять дней года и несколько часов не относятся ни к одному из сезонов и посвящены Богам.

³ Пояснения к именам, названиям и терминам, специфическим для мира повествования, можно найти в Глоссарии в конце книги.

Пролог

2-й месяц Сезона Половодья

– Это – проклятие Богов... Проклятие Ваэссира... Безликие тени пожрут нас... Видишь, они уже кружат рядом...

– Заткнись, Метджен! – прошипел Павах, дернувшись в своих оковах. – Или хочешь, чтобы *он* вспомнил о нас и вернулся?

– Нет... прошу... нет... Но глаза ша⁴... жгут больно, как угли...

От безумного бормотания друга воину становилось не по себе. Рассудок покидал Метджена, и всё чаще он видел в окружавшей тьме то, чего там не было. Иногда тени начинали мерещиться и самому Паваху, но воин знал: они были здесь одни, наедине со своими мыслями и страхами.

Метджена нельзя было винить – за несколько дней от него осталось лишь подобие того, кем он был ещё недавно.

Несколько дней... Как сложно удерживать контроль над разумом и считать время! Раз за разом Павах воспроизводил в сознании недавние события – просто чтобы не сойти с ума. Нападение лебайских наёмников. Приход огнегривых чудовищ из пустыни. Крики и хруст костей под колесницей. Пронзительное ржание перепуганных до полусмерти коней, мчавших во весь опор, унося двух телохранителей прочь, к безопасности. Несколько ша преследовали их, визгливо рыча и клацая челюстями у самых ног. Метджен был искусным колесничим, но несколько раз они едва не перевернулись, настолько обезумели кони. Друг кричал, что чудовищ нужно отпугнуть, но Павах не мог заставить себя ни пустить стрелу, ни метнуть копьё. То были не просто чудовища, а священные звери Сатеха. Владыка пустыни и без того гневался на них. Он не принял кровавую жертву и хотел получить больше.

Но почему-то воинам позволено было уйти. В какой-то миг ша прекратили преследование и замерли, провожая колесницу насмешливыми взглядами алых глаз-углей.

Оставшийся путь телохранители проделали в безопасности. Они не говорили о том, что произошло – просто двигались к назначенному месту. Здесь их встретили, и воины рассказали всё как было. Лишь день был дан им на отдых...

Но не покой ждал друзей в дальнем поместье лорда Тремиана Ареля, а плен. Их взяли без боя – опоили чем-то во время дружеского застолья, а проснулись оба уже здесь, в вязкой темноте. Не помогали ни угрозы, ни просьбы – никто не отвечал. А потом появился *он* – тихий, учтивый и не ведавший милосердия. Мягко *он* попросил ещё раз рассказать о том, что случилось в песках. *Его* магия отравляла разум и сердце, ввинчиваясь всё глубже в разум, не оставляла в покое, вводила сознание в обманчивый сладкий экстаз, а после возвращала в парализующий липкий кошмар. *Его* руки искусно терзали живую плоть. Но цель *его* оставалась скрыта от пленников, и это пугало даже больше, чем *его* темное колдовство.

Под *его* руководством эльфы аккуратно спилили Метджену рога и отрубили хвост – участь унижительная для рэмеи, но, увы, распространённая во время войны. Потерять сознание от боли телохранителю не дали. Павах не мог сказать, что больше пугало его – смех друга в навеянной Колдуном эйфории или вой ужаса и муки Метджена после того, как морок рассеивался. Он не знал всего, что сделали с другом. Просто, когда тот возвращался, на нём оставалось всё меньше плоти... Сейчас в цепях рядом с Павахом сидел изуродованный стонущий полутруп. И воин был благодарен непроглядной тьме, что не позволяла ему разглядеть увечья

---

⁴ Зверь ша – чудовище из древнеегипетской мифологии с условно собачьей головой и раздвоенным хвостом. Иероглиф зверя ша был связан с понятиями «свирепый», «злой».

друга и в полной мере осознать собственную близкую участь. Сам Павах пока лишился лишь небольшой части правого рога, а хвоста – всего на треть.

– Шакалы Ануи не придут за нами... не укажут путь... – захныкал Метджен. – Останутся только тени... вечные тени и многоликая шепчущая темнота... – Его тихий голос вдруг зазвучал осмысленно и твёрдо. – Убей меня, друг. От меня так мало осталось.

Павах сглотнул. Он чувствовал пронзительный взгляд Метджена даже сквозь завесу темноты, до боли ясно помня мутные гноящиеся глаза и гладкую белую кость переносицы над обожжёнными губами.

– Прости, – прошептал он. – Я не могу освободиться, ты же знаешь...

– Знаю... – Метджен засмеялся тихо и жутко, а потом забился в цепях и пронзительно завыл. – Заберите меня! Заберите!

– Заткнись! – рявкнул Павах не столько от злости, сколько от страха, что Колдун вернется раньше положенного. – Тише ты, умоляю!

– Будь ты проклят... – вздохнул Метджен. – А впрочем... мы уже прокляты... прокляты Богами... – он тонко захихикал.

Павах был бы и рад отодвинуться от друга, но оковы не позволяли.

Наверху скрипнула дверь. Оба воина замерли, боясь вздохнуть. Раздался знакомый звук шагов – кровь от него стыла сильнее, чем от воя пустынных чудовищ. Отблески светильника разогнали мрак, и из темноты проступила фигура.

Колдун остановился напротив пленников. *Его* лицо было довольно красивым, располагающим, с приятными аристократичными чертами. Светло-серые глаза смотрели мягко и внимательно. Чёрные волосы были коротко подстрижены, на одном из рогов посверкивало золотое узорное украшение, сочетавшееся с изысканным браслетом на его хвосте. Облачался он неизменно в длинное чёрно-красное одеяние, стянутое золочёным поясом.

Приветливая полуулыбка осветила лицо Колдуна. Он кивнул Паваху и повернулся к Метджену, приподнимая светильник, чтобы лучше рассмотреть. Потом маг опустил на одно колено рядом с пленником.

– Нет... не надо... пожалуйста... – воин отпрянул, и голос его звучал жалко и надломленно.

Павах не испытывал презрения – только ужас: Метджен всегда был сильнее его, храбрее, яростнее. Сам Павах был, скорее, осторожным тактиком. Нет, он совсем не хотел знать, почему его друга удалось сломать так быстро.

– Не бойся, – мягко проговорил Колдун. – *Я делаю из тебя героя.*

Эта фраза гулко отдалась в висках Паваха. В последние дни он слышал её слишком часто.

– Нет...

– Посмотри, Метджен из вельможного рода Эрхенны, у меня для тебя подарок.

Павах не выдержал и тоже посмотрел, стараясь при этом не видеть изуродованного лица и тела друга. Колдун держал перед собой тонкий нож эльфийской работы – из тех, что благородные леди Данваэннона иногда маскировали в причёсках, а благородные лорды с лёгкостью прятали в одеждах. Серебристое лезвие маняще поблескивало, отражая золото огня в светильнике.

Метджен счастливо улыбнулся, и от этой улыбки сердце Паваха глухо стукнуло о рёбра.

– Смерть... – выдохнул измученный воин.

– Да, – кивнул Колдун, и его голос полился завораживающе, почти гипнотизируя. – В дебрях зачарованных лесов Данваэннона, по которым когда-то бродили сами фэйри, растёт удивительный цветок. Он носит поэтичное имя *Аэнну Глайи*, «Звёздные искры». Лепестки его белоснежны и словно наполнены мерцанием. В ночи распускается он, отгоняя тьму и услаждая взоры. Эльфийский народ издавна восхищается его совершенством. Нектар *Аэнну Глайи* сладок... и смертелен. Но смерть от этого редкого яда легка, как белоснежные лепестки, и скоро –

не дольше нескольких глубоких вдохов. Такую смерть наследники фэйри считают драгоценным подарком.

Взгляд Метджена, обращённый к кинжалу, светился тоскливым вожделием. Он надеялся и вместе с тем не мог поверить, что всё это не было лишь очередной мучительной игрой.

– Твоё время пришло. Твоё имя запомнят, – мягко заверил его Колдун. – Ты – герой, Метджен из рода Эрхенны.

С этими словами неуловимым движением он вонзил кинжал в тело пленника. Метджен не вскрикнул – только дёрнулся и коротко вздохнул. Кажется, он был счастлив, несмотря на свой страх перед грядущим судом Стража Порога.

Колдун закрыл ему глаза и некоторое время созерцал истерзанное тело. Потом он обернулся ко второму воину. Взгляд его серых глаз был почти ободряющим.

– У тебя другая судьба, Павах из вельможного рода Мерха, – произнёс он.

Воин почувствовал, как холодеют его кости. Нет, он не мог позволить страху завладеть собой. Он был сыном знатного рэмейского рода, избранным, телохранителем самого наследника трона Таур-Дуат. Но как он мог противостоять тому, чьё существование даже не было возможным? Не мог ходить по земле тот, кто в равной степени умел обращаться и к магии демонов, и к магии фэйри. Слишком разная кровь, разная энергия. Однако проклятый маг был здесь, перед ним.

– Чего ты хочешь? – обречённо спросил воин.

– Я всего лишь исполняю то, на что все мы согласились.

– Но мы исполнили свою часть уговора... Мы сделали всё, что могли!

– Знаю. Но история должна быть достоверной. Тебе потребуется немного... измениться.

Колдун подался вперед, окидывая Паваху оценивающим взглядом. Воин невольно отпрянул, насколько позволяли оковы.

– Как интересно, – промурлыкал Колдун, поводя носом. – И правда, Проклятие Ваэсира... Ну что же, приступим. У нас не так много времени, чтобы сделать из тебя героя.

Дальнейшее Павах не хотел помнить.

Потом пришли рэмейские солдаты, но освобождение казалось не больше чем сном. Даже в полузабытьи он помнил слова, болезненно ввинчивавшиеся в его сознание: *«Ты никому не расскажешь»*.

Тремиан остановился и отдышался. В груди у него кололо от непривычно долгого и быстрого бега. Воздух пустыни, сухой и горячий, вторгался в лёгкие и обжигал их. Но времени на отдых не было. Преследователи были упорны, и участь его казалась неотвратимой, как Дикая Охота в Последний День Года. Точно свора гончих Каэрну, рогатые воины шли по его следу. У Тремиана не было возможности ни добраться туда, где ему могли помочь, ни даже послать весть. А его семья... семья... Нет, нельзя было думать о них. Это иссушало и без того оскудевшие силы.

Прищурившись, он огляделся. Сумерки сгущались. Его окружали лишь недружелюбные красноватые скалы, среди которых кое-где пробивались тощие деревца, словно желавшие проверить, смогут ли они выжить на голом камне. Здесь, на этой земле, ему предстояло умереть.

В отличие от большинства представителей своего народа, Тремиан Арель не боялся смерти. В конце концов, Великая Река Апет тоже несла свои воды к Малахитовому Морю, как и реки Данваэннона. Если повезёт, однажды она отнесёт его в Страну Вечного Лета. К тому же Тремиан любил Таур-Дуат больше, чем свою родину, любил даже своенравную пустыню Каэмит. Владыка песков, говорили, покровительствовал чужестранцам. Данвейн и Каэрну вряд

ли отзовутся ему здесь, так далеко от тенистых лесов Данваэннона. Но кто знал, возможно, его услышит хозяин этих песков.

– О Ты, чья могучая поступь заставляет содрогнуться самих Богов, дай мне немного времени – вот все, о чем прошу Тебя... И сохрани моё тело, – прошептал Тремиан по-рэмейски и бессильно опустил на песок. – Моя жизнь – единственное, что я могу принести Тебе в жертву.

Он не знал, был ли услышан, но хотел в это верить.

Тремиан вслепую нащупал ножны и достал кинжал. Другого оружия не уцелело. Надежда была совсем слабой, но он должен был попытаться.

Арель рассёк и без того истрёпанную тунику и, морщась, вырезал на своём теле небольшой знак – эльфийскую руну, переплетённую с рэмейским иероглифом. Ещё несколько таких знаков последовали за первым. Тремиан шипел от боли, но продолжал. Несведущему взору эти знаки не сообщили бы ничего – просто ритуальный узор, наносимый на собственное тело тем, кто отчаялся получить достойное погребение и надеялся, что Боги всё же услышат его. Но Тремиан верил, что хотя бы в таком виде его весть достигнет старого друга. Тот сумеет прочесть знаки, сумеет понять всё правильно...

Когда воины нашли его, он успел закончить своё дело и сидел, прислонившись спиной к скрюченному деревцу. Кровь заливала его одежду, дыхание ослабело.

– Помер, что ли? – услышал он голос одного из солдат.

– Может, и к лучшему... для него.

– Делай, что должен! Не время для слабости.

Тремиан с усилием открыл глаза и посмотрел на окруживших его рогатых воинов со всей величественностью высокорождённого аристократа Данваэннона. Голос его был хриплым и тихим, но звучал твёрдо.

– Вы ведь знаете, *что* моя смерть повлечет за собой? – спросил он.

– То, что нужно, – с непроницаемым лицом пояснил один из солдат – похоже, глава отряда.

– Ты действительно в это веришь? – усмехнулся Тремиан и покачал головой. – Столько лет... и всё зря...

– Хочешь сказать что-нибудь напоследок?

– Хочу, но не тебе, – вздохнул Арель, устало закрывая глаза. – Мне не просто так отказано в справедливом суде... хотя мне есть что сказать Владыке Секенэфу, да будет он вечно жив, здоров и благополучен.

«Надеюсь, ты получишь мою весть, друг... – подумал Тремиан, собирая остатки сил для последнего рывка. – Прими мою жертву, о Сатех, Владыка Первородного Огня. Ты дал мне время... сохрани моё тело...»

Он не стал подниматься навстречу своей смерти. Прежде, чем воины накинлись на него с мечами, Тремиан Арель, высокорождённый аристократ Данваэннона, вонзил в себя кинжал, обрывая и без того истончившуюся нить своей жизни. Обескураженные солдаты остановились над его телом. Кто-то обронил негромкое ругательство.

– Оставим его здесь? – неуверенно спросил один из воинов.

Командир повёл плечами, глядя, как сумеречные тени понемногу опускались на скалы. Из глубины пустыни уже доносились голоса хищников, выходивших на охоту. Солдаты тревожно зашептались. Им явно было не по себе, как, впрочем, и главе отряда. Тот не мог объяснить смутную тревогу, хотя чувствовал, что она как-то связана со смертью этого эльфа.

– Нет, – резко ответил он. – Мы должны доставить его во дворец. Это единственное доказательство того, что допросить его и доставить на суд не удалось. Так даже лучше. Не придётся увечить тело, доказывая, что он сражался до последнего.

Солдаты одобрительно загудели. Они соорудили нехитрые носилки из пары плащей, водрузили на них мёртвого и двинулись в город.

Владыка Каэмит принял жертву.

Глава 1

2-й месяц Сезона Половодья

Отряд, присланный Императором, был совсем небольшим, чтобы не привлекать ненужного внимания. Несколько воинов с парой рыжих охотничьих псов прочёсывали места, указанные единственным выжившим телохранителем царевича – Павахом из рода Мерха. Но со времени нападения на наследника прошло около полутора декад. Нэбвен сомневался, что они найдут достаточно. Скорее всего, мародёры растащили остатки оружия и доспехов. То, что осталось от колесницы и пары запряжённых в неё лошадей, солдаты нашли чуть дальше.

Удивили всех аккуратные захоронения в песках на месте нападения. Нэбвен из рода Меннту, немолодой уже военачальник⁵, пользовавшийся доверием Владыки, не колебался, отдавая приказ. При всём уважении народа рэмеи к умершим это должно было быть сделано. Они пришли не разорять гробницы, но узнать правду.

– Копаем, – велел Нэбвен воинам и сам подал им пример. – Боги на нашей стороне. Приказ Владыки – вернуть тело... что бы от него ни осталось. Наследник трона должен получить достойное погребение.

Солдаты, хоть и воодушевлённые словами командира, раскопали свежее захоронение с опасением. Но к общему разочарованию, всё, что они нашли там, – несколько сильно повреждённых падальщиками трупов и лебайское оружие. Луки и стрелы были явно эльфийской работы – мародёры не успели разграбить захоронение.

Нэбвен внимательно изучил останки. Отвращения к пиршеству смерти он, прошедший через долгие годы жестокой войны, уже давно не испытывал.

Тела, без сомнения, принадлежали людям. На чьём-то черепе уцелели светлые волосы, отличавшие народ Лебайи. У другого даже сохранились ритуальные татуировки. Рассказ Паваха получил подтверждение. Но не было ни следа двоих рэмеи. Те, кто успел прибыть раньше, чем отряд Нэбвена, забрали их, живыми или мёртвыми, а растерзанным наёмникам воздали последние почести.

Солдаты искали долго и тщательно, но больше не обнаружили ничего – ни единого следа, ни одной нити, что могла бы помочь исполнить приказ Императора. Пустыня Каэмит похоронила в себе страшную тайну, и Сатех не спешил делиться ею со смертными.

Нэбвен тщетно отгонял от себя подозрения, одно мрачнее другого. Тело наследника украли и осквернили? Или он чудом выжил, но оказался в плену? Неизвестно, что было хуже...

Велев солдатам засыпать останки песком, военачальник со вздохом развернул карты. Когда-то здешние земли были густо заселены, но война разорила деревни. Рэмеи и люди предпочли перебраться вглубь страны. Ближайший город лежал в нескольких днях пути, и столько же занимал путь до гарнизонов приграничной стражи, расположенных севернее. В окрестностях сохранился лишь древний заброшенный некрополь, при котором всё ещё обитала пара жрецов Ануи, приглядывавших за гробницами. «Возможно, они видели что-то, – подумал Нэбвен, устало потирая основания своих рогов. – Возможно даже, что именно они похоронили наёмников – из своего почтения к смерти... а мёртвых рэмеи перенесли в храм».

---

⁵ Военачальник – здесь и далее: воинский чин, аналогичный понятию «офицер». Соответственно, старшие и младшие военачальники – старший и младший офицерский состав. Так, Нэбвен из рода Меннту – один из старших военачальников (генералов), подчиняющихся лично Императору. Данная иерархия основывается на военной иерархии Древнего Египта времён Нового Царства: фараон – Главнокомандующий, Верховный Военачальник; Генералы, подчиняющиеся фараону, – старшие военачальники (делились по роду войск или по регионам); командиры полков (около 1000 воинов); командиры гарнизонов (размер варьировался в зависимости от размера гарнизона); командиры рот (250 воинов); командиры взводов (40–50 воинов); десятники (в Египте младшие командиры руководили отрядами не из десяти, а из семи воинов). Номархи (здесь – управители сепатов) могли иметь своих генералов в войске, принадлежащем определённому ному. Существовали также «функциональные» титулы, близкие по смыслу к офицерам снабжения и прочим.

Ах, как он надеялся на это!

– Куда дальше, господин военачальник? – спросил подошедший к нему солдат. – Мы бы хотели разбить лагерь подальше отсюда.

– Оно и понятно – негоже живым спать рядом с мёртвыми, – кивнул Нэбвен. – За три-четыре часа успеем добраться до храма.

– Здесь есть храм? – удивился воин.

– Храм Стража Порога. Он пришёл в запустение, как и некрополь, но ещё стоит. Надеюсь, мы застанем там кого-нибудь из жрецов в добром здравии.

Воодушевлённые грядущим ночлегом под защитой Божества, воины поспешили вслед за командиром. Близость заброшенного некрополя не внушала им такой тревоги, как свежие захоронения на месте трагедии.

Отряд добрался до места, когда сумерки уже начали сгущаться. Вопреки ожиданиям, встретило их не запустение. Храм явно знал лучшие дни, но он был обитаем. Стены его кое-где начали осыпаться, а краски на рельефах сильно потускнели. Но земля вокруг всё ещё возделывалась, пусть и далеко не полностью, а сады выглядели ухоженными. Сейчас, в конце второго месяца Сезона Половодья, Апет уже возвращалась в свои берега, и земли более не были затоплены.

«Здесь явно больше обитателей, чем просто пара доживающих свой век жрецов», – подумал Нэбвен, прикидывая, сколько рук нужно, чтобы ухаживать за садами и полем.

Воины обрадовались неожиданной возможности отдохнуть и перебрисывались оживлёнными фразами. За разговором они пытались поскорее забыть тревогу перед ночной пустыней и мрачное настроение от неудачных поисков. В начале дороги, ведущей к храму, по обеим её сторонам два диоритовых⁶ шакала возлежали на Ларцах Таинств. У подножия статуй горели светильники. Самоцветные тёмно-зелёные глаза шакалов казались живыми и заглядывали прямо в душу, точно сам Страж Порога смотрел сквозь них на гостей храма. Поистине, дух Его не покинул эти места.

Ануи не был злым Божеством, но иной раз рэмеи боялись его пуще, чем Сатеха, Отца Войны, повелителя пустыни. Страж Порога был бесстрастным Судией душ, воздававшим каждому ровно то, что было отмерено по деяниям. Ануи нельзя было умиловить обещаниями и даже щедрыми жертвами – только твёрдыми намерениями и воплощением оных в действие. Он был абсолютен и совершенен в своей справедливости. А его жрецы были мрачными тенями, существовавшими где-то на границе между мирами живых и мёртвых.

Об этом думал Нэбвен, идя по разбитым, но тщательно выметенным плитам дороги ко входу в храм. Охотничьи псы возбуждённо пританцовывали, натягивая поводки. Им явно не терпелось изучить территорию как следует. Ануи покровительствовал собакам – неудивительно, что они так остро чувствовали Его присутствие здесь.

Утробный лай заставил всех вздрогнуть. Гончие наострили уши, вопросительно коротко потягивая. Огромный чёрный пёс из тех, что обычно жили при храмах Стража Порога, выбежал им навстречу. Следом за ним появились ещё несколько. Точно бесшумные тени Западного Берега, они обступили маленький отряд.

Нэбвен медленно поднял руку, отдавая солдатам безмолвный приказ остановиться. На лай вышли трое – дряхлая жрица, молодой послушник и средних лет жрец. Судя по большой пекторали⁷ с шакалом Ануи на его груди, именно он был главным здесь.

---

⁶ Диорит – горная порода, тяжело поддающаяся обработке. Диорит, как правило, имеет очень тёмный цвет – чёрный, тёмно-зелёный, коричнево-зелёный.

⁷ Пектораль – вид нагрудного украшения. В данном случае имеется в виду древнеегипетская модель: с рельефным изображением на металлической пластине, инкрустированной камнями или покрытой эмалью.

Верховный Жрец заброшенного храма отозвал псов, и те отступили в тень храма. Послушник ласково успокаивал животных, по очереди глядя каждого, и с интересом поглядывал на рыжих гончих.

«Стало быть, здешним жрецам всё же есть, кому передать своё учение», – удивился Нэбвен, а вслух провозгласил:

– Привет вам, мудрые хранители знания!

Верховный Жрец склонил голову в знак приветствия и внимательно оглядел отряд, задерживая взгляд на каждом из прибывших. Ни Нэбвен, ни его солдаты сейчас не носили знаков различия имперской армии.

– Простите, у нас редко бывают *живые* гости, – произнёс он, чуть улыбнувшись. – Кто вы? Военачальник приблизился к Верховному Жрецу и показал ему императорскую печать.

– Я и мои воины здесь по приказу самого Владыки Секенэфа, да будет он вечно жив, здоров и благополучен, – тихо произнёс он. – Согласно тому же приказу, наше прибытие должно сохраняться в тайне.

Верховный Жрец кивнул без особого удивления. Бальзамировщики⁸ вообще редко проявляли понятные окружающим эмоции.

– В другое время я сказал бы, что для нас честь и радость принимать у себя воинов самого Императора, – так же тихо проговорил жрец. – Но сейчас недобрые тени бродят по этим пескам, и потому мы стережём врата нашей обители теми немногими силами, которые у нас ещё остались. Однако же по Закону мы, как и всякий храм, должны предоставить кров и пищу тем, кто несёт печать Владыки. Добро пожаловать! – последние слова он произнёс громче, уже обращаясь к солдатам. – Насладитесь нашим гостеприимством! И можете отпустить псов. Кто, как не сам Ануи, лучше приглядит за ними здесь?

– Благодарю, – искренне проговорил военачальник и кивнул солдатам, удерживавшим гончих.

Те отпустили собак, весьма, казалось, довольных таким положением вещей. Псы-стражи храма не нападали на них: священные звери Ануи были куда разумнее простых животных.

Верховный Жрец велел накрыть столы и сам проводил отряд во внутренние помещения, попутно объясняя, где гости могли совершить омовение, и куда следовало пройти к общей трапезе. Воины были рады, но всё же медлили. Жрец понял их неуверенность и сказал:

– Нет малодушия в том, чтобы трепетать перед дыханием Западного Берега. Однако пусть ваши сердца будут спокойны. Как и вы, мы обитаем на Берегу Живых, хоть и служим Стражу Порога. Наши тела так же нуждаются в пище и питье, и потому наша еда самая что ни на есть обыкновенная, вопреки народной молве. Холодное пиво не обратится в туман, а свежий хлеб не рассыплется прахом в ваших руках.

В ответ на доброжелательную шутку среди солдат раздались смешки – с суевериями было покончено. Нэбвен одобрительно кивнул.

Сумерки сменились звёздной ночью, когда Перкау, Верховный Жрец храма, и старший военачальник Нэбвен вышли на одну из террас храма, чтобы поговорить без свидетелей. Ветер шелестел в ветвях старых раскидистых сикомор⁹, подступавших к каменному парапету, сглаженному не знавшим милосердия временем. Плиты из потемневшего песчаника, истоптанные многими поколениями жрецов, тоже были неровными, местами покатыми, но без трещин. Военачальник даже не решался предположить, сколько веков видел этот храм.

---

⁸ Бальзамировщики – здесь: жрецы, отвечавшие за мумификацию.

⁹ Сикомора – вечнозелёное плодовое дерево, известное с древнейших времён, видом, размером и прочностью напоминающее дуб. В Древнем Египте считалась священной.

Со стороны некрополя слышалось завывание шакалов, которому вторили чьи-то голоса в песках, но в храме, под защитой Ануи, было удивительно спокойно. Сложно было представить, чтобы кто-то посмел посягнуть на это спокойствие – даже чудовища Сатеха, чьи владения простирались совсем рядом.

– С чем послал тебя Владыка, достойный Нэбвен из вельможного рода Меннту? – спросил Перкау, первым нарушив молчание.

Нэбвен не видел смысла в недомолвках. Он пришёл с определённой целью и не мог рисковать успехом похода.

– В окрестностях вашего храма, ближе к границам с нейтральной территорией Лебайи, произошло нечто страшное, – ответил он. – Возможно, недавно вы заметили что-то необычное?

Служитель Ануи посмотрел ему в глаза без тени улыбки.

– Мы привыкли к песням призраков, к вою шакалов Ануи, охраняющих некрополи, к голосам ша, охотящихся в песках. Жизнь здесь, на вкус многих, может представляться странной и даже жуткой, но нам уже давно перестала казаться таковой.

– Наследник трона был убит в песках во время охоты, – сухо прервал Нэбвен. – Это не было случайностью. Немногие знали о его передвижениях по Таур-Дуат. Его *предали*.

Перкау помрачнел и посмотрел куда-то в сторону реки. Один из узких притоков Апет отделял территорию храма от некрополя. Берега заросли тамарисками¹⁰ и акациями, но некрополь находился на возвышенности, и далёкие тени гробниц в ясную ночь были видны даже отсюда.

– Поистине чёрные вести. Так вот откуда взялись мертвецы.

– Ты и твои жрецы похоронили лебайских наёмников?

– Да. Обет заставляет нас уважать всех мёртвых, – коротко ответил бальзамировщик. – Разумеется, напавшие на кровь от крови Ваэссира не заслуживают ни памяти, ни погребения, но мы не знали, *что* произошло там. Их тела были истерзаны ша, а на доспехах и колеснице мы не нашли никаких знаков различия. Мы не сумели понять, что там произошло. Если бы не псы Ануи, то и вовсе бы не узнали.

Нэбвен подавил вздох облегчения.

– Стало быть, тела рэмеи вы перенесли к себе? – спросил он. – Мы должны доставить останки царевича в столицу. Такова просьба Владыки. Вы будете щедро вознаграждены!

Перкау опустил голову и промолчал. Тяжёлое предчувствие зародилось в сердце воина.

– Что? Что не так? – встревоженно спросил он.

Только сейчас Нэбвен заметил, что рядом возник большой пёс, чёрный с проседью, и теперь внимательно изучал обоих рэмеи. От осмысленного взгляда его тёмно-зелёных, как у статуй, глаз становилось не по себе. Жрец посмотрел на священного зверя, и лицо его чуть смягчилось.

– Мне жаль печалить и тебя, и нашего Владыку, – произнёс он. – В нашем распоряжении тело только одного рэмеи... то, что осталось от него. Сейчас его готовят к вечности. В обычных обстоятельствах никому, кроме жрецов-бальзамировщиков, в это время не позволено смотреть на него и прикасаться к нему... но я пропущу тебя, чтобы ты убедился сам и рассказал Императору об увиденном. От его лица мало что уцелело, но изгиб рогов позволяет мне судить, что их обладатель – не из рода Эмхет.

Нэбвен с усилием сглотнул, не в силах скрыть разочарования. Надежда на удачу растаяла. Но он должен был сообщить Владыке всё, что узнал здесь.

– Да, я прошу тебя отвести меня к нему, мудрый, – хрипло согласился воин.

Верховный Жрец кивнул и жестом пригласил Нэбвена следовать за ним.

---

¹⁰ Тамариск – изящное декоративное растение, небольшое дерево или кустарник. Тамариски так же известны с древнейших времён.

Они прошли по обветшавшим помещениям храма внутрь и куда-то вниз. Нэбвен отметил про себя, что некоторые фрески были обновлены свежими красками. Перед статуями Ануи, изображённого здесь уже не шакалом, а могучим мужчиной с головой пса, стояли вино и пища и курились благовония. По мере сил бальзамировщики тщательно следили за обителью, хоть община их и была мала, в отличие от храма: пятеро жрецов, считая самого Перкау, и двое послушников.

Верховный Жрец вёл воина в сакральное место – залы подготовки. Нэбвена объял священный трепет: и его тело однажды внесут в подобный зал. Он не был жрецом или чародеем, но всё же почувствовал, что дыхание Ануи здесь стало более ощутимо. Разглядывая рельефы со священными текстами и сценами со Стражем Порога, даровавшим рэмеи искусство сохранения тел для вечности, Нэбвен невольно задумался, сколько же времени местные жрецы не совершали погребений. Наверное, с самой войны им не доводилось заботиться об умерших рэмеи, так далеко от обитаемых мест располагался этот храм. Но своё искусство они, похоже, хранили тщательно, независимо от того, применялось оно или нет.

В зале, следующем за залом омовения, Перкау подвёл Нэбвена к одному из небольших бассейнов, который был доверху наполнен смесью каменных солей и благовоний. Удивительно, но воин не ощутил запаха тлена. Верховный Жрец укрепил на стене светильник – на пол легли длинные мистические тени, – приблизился к бассейну и зашептал молитвы. Затем он снял перчатки из плотного льна, которые на людях носили все служители Ануи. Жрецы Стража Порога были мастерами бальзамирования – теми, кто делал смертную плоть бессмертной, вечным вместилищем знаний о каждом конкретном воплощении на земле. Это был труд почётный и вместе с тем дурной, ведь для подготовки умершего тела им требовалось это тело осквернить – разрушить сосуд души и перекроить его. Простые рэмеи и люди не желали касаться смерти раньше срока, и потому служители Ануи, следуя традиции, старались не дотрагиваться ни до кого из живых.

Омыв ладони, Перкау собственноручно начал пересыпать соль в соседний бассейн с помощью пары резных ковшей из чёрного металла. Действие было неспешным, завораживающим. Нэбвен хотел было помочь, но жрец покачал головой.

– Тайнство, – коротко объяснил он очевидное.

Через какое-то время показались останки, уже частично высушенные. Плоти на костях этого рэмеи осталось значительно меньше, чем при жизни. Нэбвен безошибочно определил следы страшных ран – ран, нанесённых оружием, а не клыками и когтями. Этому мужчине проломили череп, и его тело стало пиром для зверей – возможно, ещё до того, как жизнь окончательно оставила его. «От его лица мало что уцелело», – слова Перкау смягчали действительность. Даже искуснейшие бальзамировщики вряд ли сумели бы составить из жалких остатков плоти на черепае достоверный портрет погибшего.

– Без освящённой глины из храмов Великого Зодчего нам не удастся восстановить целостность его формы, – тихо с грустью проговорил Перкау.

Нэбвен внимательно изучил труп. Ответ он знал и так – перед ним был Сенахт, а не царевич Хэфер. Эмхет вели свой род от самого Ваэссира, первого божественного правителя Таур-Дуат. Чёрными волосы были у большинства жителей Империи. Но представителям рода Эмхет был присущ особый изгиб рогов, отдалённо напоминавших рога ибекса¹¹, только более изящных и лёгких. Изгиб рогов этого рэмеи был совсем иным, типичным для многих представителей народа Таур-Дуат.

– Да, мудрый, это не царевич, – вздохнул воин, отходя от бассейна с солью.

Так же медленно и торжественно Перкау стал засыпать тело заново.

– Увы, нашли мы только его, – сказал жрец, не отрываясь от своего занятия.

---

¹¹ Ибекс – козерог, один из подвидов горных козлов.

– Вполне возможно, что этот мужчина не заслуживает погребения так же, как и те люди, – осторожно заметил Нэбвен.

Перкау замер и поднял на него взгляд.

– Почему?

– Это – один из телохранителей наследника... тот, кто предал его.

– Император приказал осквернить тело, если найдёте? – сухо уточнил жрец.

– Нет, такого приказа не было.

– Тогда мы подождём, пока появятся доказательства.

– Против него свидетельствовал единственный уцелевший телохранитель.

– Живым легко свидетельствовать против мёртвых, пока мы на земле. Я не могу нарушить покой мёртвого, не имея на то самых веских оснований. Мы и без того потревожили его в эту ночь.

Жрец говорил о судьбе тела горячее, чем о чём бы то ни было в ходе всего их разговора. Впрочем, это не удивило Нэбвена. Если что и трогало бальзамировщиков, так это их искусство и покой мертвецов.

– Ты уверен, мудрый, что вы ничего больше не видели? Хотя что-то, что могло бы помочь нам найти царевича.

Перкау покачал головой. Закончив засыпать солью останки Сенахта, жрец снова омыл руки, надел перчатки и произнёс:

– Мы хотим помочь Владыке и роду Эмхет. Наш первейший долг – служить Богам и тому, кто воплощает Их Закон на земле. Я готов провести тебя по всему храму, если тебе угодно. Мне очень жаль, что сейчас не в наших силах исполнить волю Императора. Я буду молиться и верить, что Страж Порога защитил и царевича, и его тело.

Нэбвен со вздохом кивнул. У жреца не было причин лгать ему: Перкау даже нарушил традицию и провёл его в покой для подготовки мёртвых к вечной жизни. Военачальнику придётся вернуться к Владыке Секенэфу с дурными вестями. Сам он надеялся, что если наследник погиб, то хотя бы обретёт заслуженный покой.

Какой же потерей для всего государства была его гибель! Поистине, царевич Хэфер мог считаться достойным продолжателем дела своего отца – дела мира. Совершённое на него покушение было ударом в самое сердце Империи. Оставалось только понять, кто этот удар нанёс...

– Я благодарю тебя, мудрый, за то, что помог нашему делу, – произнёс Нэбвен после мрачных раздумий. – И снова я прошу тебя сохранить наше прибытие и этот разговор в тайне, – он помрачнел. – Скорее всего, мы будем не единственными, кто посетит вас.

– Буря грядёт, – понимающе кивнул жрец. – Даю слово молчать, а своим братьям и сёстрам прикажу поступить так же.

Глава 2

3-й месяц Сезона Половодья

Владыка Секенэф Эмхет не показывал своего горя на людях, но близкие знали, что весть о гибели старшего сына надломила его. Груз прожитых лет точно увеличился вдвое, согнул могучие плечи – вес двойного венца Таур-Дуат, украшенного змеедемоном-защитником, становился непосильным.

Хатеперу было больно видеть брата таким. Он и сам тяжело перенёс весть о покушении на племянника, и до сих пор был не в силах поверить. Разум же его привычно просчитывал последствия этого страшного для государства события – *пугающие* последствия, способные перечеркнуть дело многих лет. Пока Великий Управитель¹² не решался обсуждать с Императором свои соображения – слишком свежа была рана. Более прочих своих детей Владыка любил Хэфера, единственного сына царицы Каис, погибшей незадолго до окончания войны. Это не означало, впрочем, что наследник не воспитывался со всей строгостью и требовательностью, необходимыми для его становления. Хэфер принимал тяготы обучения с достоинством и внимательно познавал разные аспекты жизни Империи, будь то воинское дело, возделывание земель, отчёты писцов о налогах или многочисленные государственные собрания. Будущий Владыка должен был знать и уметь многое, ведь от этого зависела мудрость его грядущего правления и благополучие всей страны.

Хатепер сам немало времени уделил обучению племянника и ценил его живой ум и дипломатичность. Последнее встречалось в представителях их рода намного реже, чем воинственность. И кому, как не Хатеперу, главному дипломату Империи, было понимать, что завоеванное нужно было ещё и суметь сохранить. Понимал это и царевич Хэфер – мысли его больше занимало процветание земель и восстановление страны после отгремевшей около трёх десятков лет назад войны, чем дальнейшие завоевания, которыми грезил его младший брат Ренэф. Для государства смерть Хэфера была невосполнимой потерей. Конечно, все хотели верить, что Секенэф будет править ещё много, много лет. Но как быть с годами, ушедшими на достойное обучение и подготовку наследника? Как тяжело, как больно было осознавать Хатеперу, что они с Секенэфом пережили молодого царевича! Дипломат всерьёз боялся, что горе скажется на рассудке брата.

Когда-то очень давно, ещё будучи юным наследником трона, Секенэф полюбил жрицу Золотой Хэру-Хаэйат, рэмейскую деву невельможного рода. После нескольких лет тайных встреч царевич решил нарушить запрет и женился на своей Каис – разумеется, тоже тайно от всех, кроме брата. И Хатепер хранил секрет: окажись он в руках недоброжелателей или даже самого Императора Меренреса, их отца, гибель жрицы была бы неизбежной. Издревле царицами становились женщины не просто из вельможных семей Таур-Дуат, но из тех, что вели свой род со времён заключения Первых Договоров¹³. Силу рода Эмхет не должно рассеивать – её необходимо поддерживать с помощью магии других родов. Первый Эмхет, божественный Ваэссир, будучи супругом Богини Хэру-Хаэйат, воплощения принципа Любви, заповедовал, что сила наследников заключалась в таинстве их рождения, в призыве души в ходе ритуала единения с *Любовью*. Как правило, служение общим задачам примиряло сердца и сближало супругов. К тому же царицы становились проводниками Силы Хэру-Хаэйат, а значит, Любовь всё равно освещала союз и рождение наследника, пусть и не через чувства царской четы. История, впрочем, знавала случаи, когда Императоры отступали от традиции и выбирали в супруги

---

¹² Великий Управитель, или джати/чати (егип.) – правая рука фараона (здесь – Императора), в Древнем Египте – аналог визиря.

¹³ Время Первых Договоров – Эпоха легенд, к которой рэмеи и эльфы относят появление своих рас на земном плане бытия.

женщин недостаточно благородных, а то и вовсе не благородных кровей, но редко когда влиятельные семьи Таур-Дуат принимали такое решение благосклонно.

Как бы там ни было, Секенэф не ошибся в своём выборе. Вступив на трон, он сумел открыть тайну своего брака. Каис оказалась мудрой и дальновидной правительницей – она стала своему Владыке не только отрадой, но и соратницей в беспокойное время страшной войны, завоевала расположение и глубочайшее уважение сторонников. Но немало у неё было и недоброжелателей. Увы, не так много лет было отмерено Богами союзу Секенэфа и Каис, как того желало сердце Императора. Его царица была убита незадолго до заключения мира с королевством Данваэннон – Каис успела подарить Секенэфу только одного наследника.

Только одного... Хатепер помнил далёкую страшную ночь, когда Каис нарушила прямой приказ Секенэфа – тогда ещё царевича – укрыться в храме и не вмешиваться в сражение. Руководствуясь чутьём и полученными от своей Богини знаниями, жрица подняла воинов Хатепера и убедила их последовать за Секенэфом. В тот час слова её имели поистине колдовскую силу, и взгляд, обычно такой спокойный, способный умиротворять других, горел нездешним огнём. Она сама поднялась на колесницу вместе с Хатепером и безошибочно провела их сквозь битву на помощь своему супругу. Они успели как раз вовремя... Авангард Секенэфа оказался в ловушке и не был перебит лишь благодаря своевременному вмешательству Хатепера и Каис. Так будущая царица заслужила безусловную преданность воинов, сражаясь с ними бок о бок.

Но жертва была велика. Ах, если бы Хатепер только знал раньше! Так много крови... Тот бой стоил женщине, которую он с гордостью называл сестрой, желанного ребёнка, в тайне носимого под сердцем. Жизнь Секенэфа за жизнь их сына или дочери... Целители позаботились о здоровье Каис, но предупреждали, что она едва ли сможет выносить и родить ещё одного ребёнка. Потеря надломилась что-то в ней, заставила помутнеть её заволаживающий золотой свет.

Секенэф был зол, как пустынный ша, – на воинов, на брата за то, что тот послушал жрицу и взял её с собой, и более всех – на себя самого. Его гнева союзники боялись тогда не меньше, чем враги, и только Каис сумела успокоить мужа. Бесплодие Каис не заставило Секенэфа отказаться от супруги. Он скорее отказался бы от трона – к ужасу своих будущих подданных, отца и самого Хатепера, который для себя вовсе не желал судьбы правителя.

Преданность Каис и Секенэфа друг другу была вознаграждена два года спустя – неожиданно для них самих Золотая благословила супругов рождением Хэфера. Это счастье Хатепер разделил с братом в полной мере. Увы, прекрасная царица не успела увидеть становление своего сына. Она не дождалась даже заключения такого желанного мира. Виновники её смерти были наказаны по всей суровости Закона, но сердце Императора закрылось и замолчало. Хэфер стал его единственной отрадой, напоминанием о любви, озарявшей его юность. Другим напоминанием был мир, за который Секенэф и Каис боролись вместе.

Вельможи и жрецы всерьёз опасались, что династия Эмхет прервётся. Единственный наследник – такого не мог себе позволить ни один Владыка, царствовавший в смутное время. История Таур-Дуат хранила немало случаев, когда царевич покидал этот мир раньше своего отца. Хатепер и сам мог бы унаследовать трон, но во всеуслышание отказался от своих прав сразу, как только брат стал Императором. Его поддержка помогла Секенэфу избежать множества интриг в беспокойное время такого шаткого на первых порах мира. Хатепер ведомыми ему одному способами устранял тех, кто решался прийти к нему с предложением занять место брата.

После смерти Каис Великий Управитель поддержал настроения влиятельных семей. В тот момент он думал не как простой рэмеи, разделявший с братом боль его потери, но как политик, заботившийся, прежде всего, о крепости государства. Доверие народа императорской семье во многом строилось на целостности этой семьи. Даже сам Ваэссир не правил в одиночку.

Секенэфу нужна была абсолютная поддержка сторонников, а народу – воплощение на земле не только Ваэссира, но и Хэру-Хазйат, Его божественной супруги.

Секенэф не подчинился бы воле вельмож, если бы и сам не осознавал необходимости этого шага. В другую эпоху столь желанное ему одиночество было бы возможно, но после войны Таур-Дуат особенно нуждалась в стабильности и спокойствии. В своём сердце Император уже вдыхал воздух Западного Берега вместе с Каис, но выбор он сделал, руководствуясь разумом. Выбор этот пал на Амахисат из вельможного рода Шепсаит. Гордая и прекрасная, жестокая к врагам и справедливая к подданным, Амахисат стала новой царицей Таур-Дуат и родила своему супругу двоих детей – Анирет и Ренэфа. Хатепер и Секенэф ценили её острый ум и силу. Подданные уважали, а многие и искренне полюбили новую царицу. Но она не была Каис... Вся любовь Секенэфа к погибшей супруге перешла на их общего сына, но он не жалел своего наследника, и всю требовательность отца Хэфер познал куда больше, чем его брат с сестрой.

Что до царицы Амахисат – она отдала свою любовь Ренэфу, потому что мечтала о сыне, а не о дочери. Хатепер старался поддерживать всех троих племянников, чтобы не вызывать ревности и разногласий, но и у него была любимица – царевна Анирет, молодая, но уже такая мудрая. Удивительно, характером она пошла не в мать, а скорее напоминала жрицу, которую Амахисат так тщательно старалась стереть из памяти супруга. Жаль, что Секенэф не замечал этого сходства...

Погрузившись в воспоминания, Хатепер ожидал своего брата и Владыку у маленького семейного святилища, где тот в последнее время проводил все свободные часы. Пребывая в размышлениях, он не сразу заметил, как резные двери открылись, и Секенэф вышел в потайной сад, где его не мог потревожить никто, кроме членов семьи и самых доверенных слуг. Император опустил голову; поседевшие ещё тогда, около тридцати лет назад, волосы, не убранные в ритуальную причёску, разметались по плечам. Хатеперу не хотелось верить, что этого колосса можно повергнуть, но при виде брата ему стало страшно. В тронном зале с вельможами говорил наследник Ваэссира, воплощение Силы божественного Эмхет. Личность же, воплощавшая эту Силу, пошла трещинами.

Приблизившись к брату, дипломат обнял его за плечи.

– Знаю, о чём ты хочешь говорить, – сухо сказал Секенэф вместо приветствия. – Я по-прежнему могу вести народ.

– В этом никто не сомневается, – мягко возразил Хатепер.

– Ты сомневаешься, – ответил Император, поднимая потускневший, но всё ещё пронизательный взгляд. – Зря. Разве так мало я сделал во исполнение своего долга?

Хатепер вздохнул и покачал головой.

– Более, чем многие из нас. Но я боюсь за тебя, брат, – честно признался он.

Слова поддержки им не требовались – братья, как всегда, понимали друг друга почти без слов. Тень улыбки коснулась губ Секенэфа. Его брат, его друг был рядом с ним так же, как и в тот день, когда он потерял Каис.

Потом взгляд Владыки снова устремился куда-то за только ему одному видимый горизонт, и его расправившиеся было плечи бессильно опали.

– Моего сына нет на Восточном Берегу, Хатепер. Каждый день я ищу его и не нахожу. А мёртвые говорят мне, что нет его и на Западном. Хэфер заблудился, так и не нашёл дорогу к Стражу Порога... и я не могу дать ему погребение, помочь ему найти путь. Это страшнее, чем принять его смерть. Он будет потерян для нашего рода... навсегда.

– Сила Ваэссира позволяет тебе прозревать лишь до пределов нашей земли, – осторожно напомнил Хатепер. – Возможно, Хэфер жив и покинул вверенные тебе владения. Не по своей воле, конечно...

– Ты и сам в это не веришь, – с горечью усмехнулся Император. – Как и я. Хочешь верить... но не веришь... Я не защитил наше нерождённое дитя тогда, и не сумел защитить нашего сына теперь. Всей моей власти не хватило на это. Какая жестокая ирония! В народе меня называют живым Божеством, и вместе с тем я так... бессилён.

– Твоей вины нет и не было – ни тогда, ни сейчас.

– Я думаю иначе. Не нужно было мне позволять ему эти глупые забавы.

– Хэфер уже давно не мальчик, но мужчина, воин. Разве не этого ты требовал от него все эти годы? У него и детства-то толком не было, – устало возразил Хатепер – в который уже раз. – Он не один охотился глубже в пустыне, когда начинался Разлив, Предательство – вот чего мы не предусмотрели. А в этом я виноват не меньше твоего.

Секенэф стиснул зубы, и лицо его стало неподвижным, точно у одной из многочисленных воздвигнутых в его честь статуй – только холоднее, опаснее.

– Да будут прокляты те, кто совершил это, а имена их – забыты.

Эти тихие слова падали тяжело, как сама неотвратимость. Дипломат тронул брата за локоть:

– Я прошу тебя, даже в горе своём не действуй опрометчиво. Ты – Хранитель Закона на земле. Если Закон преступишь ты...

– Я не так глуп, – спокойно ответил Владыка.

Хатепер невольно отстранился, когда из золотых глаз брата на него посмотрела сама древность божественной власти Таур-Дуат. За все эти годы он так и не привык к этому взгляду до конца. Да и можно ли было привыкнуть? Сила Ваэссира и могучая личность Императора переплелись так тесно, что порой сложно было отделить одно от другого.

– Я выжду, и решение моё будет справедливо, как того требует Закон, – продолжал Секенэф. – Но сейчас... дай мне быть собой. Дай мне скорбеть и помнить.

Хатепер склонил голову в знак уважения. Любые слова были бы в эту минуту лишними и лживыми. По крайней мере, брат дал ему понять, что не собирался развязывать новую войну. *Пока не собирался.*

Анирет мучилась и тосковала. Говорить не хотелось ни с кем, даже с дядюшкой или верной Мейей. После известия о гибели старшего брата царевна не находила себе места. Так уж сложилось, что с Хэфером она была куда ближе, чем с Ренэфом. Он был ей другом, и их связывало столько тёплых воспоминаний, столько общих дел.

Кому, Боги, кому могла понадобиться его смерть?! Наследника трона ведь уважали. Но Хэфер слишком верил тем, кто окружал его, и в итоге это обернулось против него. Из трёх его стражей живым в столицу вернулся лишь Павах, спасённый из подвалов дальнего поместья лорда Тремиана Ареля. Второй пленник эльфа, Метджен, не выдержал страшных пыток и погиб, не дождавшись отряда.

С телохранителями, сопровождавшими Хэфера в день злополучной охоты, царевич был дружен, да и сама Анирет – тоже. Павах и Метджена она знала с детства, а Сенахт – он ведь спас Хэфера несколько лет назад, на другой охоте! И после брат возвысил его из простых рыбаков до личного стража. Тем страшнее было узнать, что именно Сенахт продал царевича наёмникам из Лебайи. Эльфийским наёмникам... Предательство не могло быть прощено. Доказательства ясно указывали на вмешательство высокорождённых – аристократии Данваэннона. Тремиан Арель, много лет живший в Таур-Дуат под видом преуспевающего торговца реликвиями, был эмиссаром королевы Ллаэрвин Тири. Очевидно, что и его сыновья, выбравшие смерть в бою с имперскими солдатами, а не справедливый суд Владыки, участвовали в делах

отца. Должно быть, пропавшая дочь Тремиана предпочла покончить собой, как и её отец, потому что боялась допросов и справедливой кары, но её след терялся.

Очень многих фрагментов не хватало этой истории для целостности... Что до наёмников – ни для кого не было секретом, что на нейтральной территории Лебайи многие поддерживают эльфов. В эпоху мира это было даже хорошо. Увы, отряд был нанят именно там.

Анирет понимала, что нападение на наследника могло стать началом новой войны, и боялась этого – несмотря на все заверения дядюшки Хатепера, что всё образуется. Но ещё больше она боялась, что отец не выдержит. Владыка был проводником божественного на земном плане бытия, но он был и живым мужчиной со своими мечтами, надеждами и страхами, к тому же мужчиной уже не слишком молодым.

Мать выражала сочувствие сдержанно. Не то чтобы она питала особую любовь к пасынку – ведь он напоминал ей о предшественнице – но нападение на кровь Владыки вызывало в ней гнев. Ужасная судьба. Хэфер был убит страшно, подло. И не осталось даже тела, которое должно было передать служителям Стража Порога для подготовки к путешествию на Западный Берег. Отряд воинов из Апет-Сут был отправлен в пустыню – место указал едва находившийся в сознании Павах, – но вернулся ни с чем.

Хэфера любили, и Анирет не сомневалась, что его будут помнить долгие годы. И пусть бы этой любви, этой памяти оказалось достаточно, чтобы сохранить его в вечности, и чтобы душа его нашла покой на Западном Берегу.

Младший царевич, Ренэф, готовился принять на себя роль наследника как следующий мужчина рода, но Император пока медлил с официальным объявлением. Весть о гибели Хэфера привела Ренэфа в ярость. Гнев вообще был его обычной реакцией на всё, что ему тяжело было принять. Мрачный, царевич вымещал злость на приближённых и был напряжён, как готовый сорваться с привязи одичавший пёс. Будь его воля, он бы уже давно направил карательный отряд в Лебайю и сжёг её дотла без всяких разбирательств. Но к счастью, страной пока управлял не он, а их рассудительный отец. Анирет не сомневалась, что у Владыки были причины не предпринимать резких действий. Царевна верила, что отец не бездействовал, что бы там ни говорил Ренэф в порыве раздражения. Не всё, что происходило при дворе, было открыто взорам его обитателей.

Был ли доволен младший брат тем, что именно он однажды получит власть как наследник, Анирет не знала. Всех детей Императора воспитывали с мыслью о том, что власть – это прежде всего ответственность, которую Боги возлагают на того, кто должен претворять в жизнь Священный Закон. Что до самой царевны, она была рада, что родилась женщиной. Женщины рода Эмхет так же несли в себе кровь первого Божественного Владыки во всей сияющей полноте её силы, но их задачи были иными. Жертвовал собой на троне мужчина, становясь воплощением Силы Ваэссира на земле. Только если бы в прямой ветви рода не осталось больше мужчин, Анирет пришлось бы стать Императрицей, выбрать себе супруга, чтобы род не прервался, и ритуально принять на себя мужские задачи служения Ваэссиру. Это было страшным бременем для правительниц Таур-Дуат, а потому к подобной мере прибегали очень редко. К счастью, пока в распоряжении отца был Ренэф, и – если придёт нужда – Хатепер.

Анирет направлялась в потайной сад, зная, что найдёт отца там, как и во все последние дни. В маленьком семейном святилище он говорил с душами предков... и с душой царицы Каис. Царевна знала первую супругу Императора только по скудным рассказам дядюшки. Мать вообще запрещала говорить о ней. Амахисат стремилась затмить первую царицу во всём, и, возможно, ей удалось это. Ренэфа она тоже воспитывала так, чтобы однажды он сумел превзойти Хэфера во всём, от воинского искусства до наук. Но память о Каис жила в сердце Секенэфа, и Хэфер оставался наследником по праву первого рождения. В целом окружение находило царевича достойным преемником, хоть некоторые и поминали – не в лицо, конечно же, но за спиной – не самое благородное его происхождение по линии матери.

Анирет всегда оставалась в стороне от этого бессмысленного для неё состязания. Царица Амахисат не замечала успехов дочери в науках и государственных делах, не видела в ней пользы, кроме той, чтобы однажды породниться с кем-то из выдающихся союзников. Отец изредка позволял себе нежность, и эти мгновения были для Анирет бесценны. Но несравнимо больше тепла, чем от обоих своих родителей, она получила от любимого дяди и старшего брата. Вот почему теперь со всей искренностью она молила Стража Порога о том, чтобы нашёл и принял Хэфера, чтобы открыл ему путь к Водам Перерождения, несмотря на отсутствие подобающего погребения. И Анирет обещала себе: она никогда не забудет брата, найдёт способ сохранить его имя в веках.

Проходя в сад, царевна столкнулась с дядюшкой Хатепером. Должно быть, они с отцом обсуждали что-то важное, потому что дядя выглядел даже более озабоченным, чем всё последнее время. Его лицо было печально и задумчиво, но, заметив девушку, он тепло улыбнулся.

– Анирет! Хорошо, что ты здесь.

Они обнялись.

– Что-то ещё случилось? – спросила царевна. – Ты выглядишь обеспокоенным.

Дипломат невесело усмехнулся.

– Не мне тебе объяснять, – он подумал о чём-то и вдруг спросил: – Давно ли ты говорила с Павахом?

– Я навещаю его почти каждый день. Выздоровление затягивается – тело словно отравлено. Так говорят целители.

– Он рассказывал ещё что-то о том дне?

– Нет, ему... тяжело вспоминать, что они с Метдженом не сумели защитить Хэфера, – Анирет вздохнула, качая головой. – Я так и не смогла объяснить ему, что их никто не винит. И он удивлён, что отец решил оставить его во дворце, а не отправил к семье.

– Это не только награда, но и мера безопасности, – серьёзно объяснил Хатепер. – Видишь ли... вполне вероятно, что Павах знает что-то такое, что может не только пролить свет на те события, но и стоять ему жизни. Так считает твой отец, и я согласен с ним. Что-то произошло там, в песках, что-то, чего мы пока не понимаем... Тебе Павах доверяет... может быть, только тебе и доверяет. А значит, однажды может захотеть рассказать – когда ноша станет совсем уж невыносимой.

– Я буду слушать внимательно. Но я не спрашиваю его настойчиво сейчас – ему и так многое пришлось перенести. Попытки надломили его. Он всегда был храбр, но сейчас сам на себя не похож.

– Никто не упрекает его в трусости. Умеючи, можно сломать любое мужество, – вздохнул Хатепер. – Я видел солдат, которые, вернувшись с войны, боялись собственной тени и не расставались с мечом даже во сне.

– Тело Метджена... оно действительно выглядело так ужасно, как говорят?

– Я рад, что ты не видела, – коротко ответил дядя. – Всё, больше не стану задерживать тебя. Иди к отцу. Ты нужна ему.

– Я не так много могу сделать для него... – с сожалением возразила царевна.

– Просто будь рядом.

Анирет склонила голову в знак согласия. Направляясь к отцу, она продолжала думать о том, что дядя сказал о Павахе. Прежде ей и в голову не приходило, что воин может скрывать что-то. Зачем? Ведь здесь все хотели помочь ему. Девушка надеялась, что друг решится поговорить с Императором начистоту на ближайшей аудиенции, когда ему станет хоть немного легче.

Царевна вошла в сад. В гармоничном сочетании, созданном искусством придворных садовников, здесь росли раскидистые сикоморы и цератонии¹⁴, невысокие гранатовые и персиковые деревья с нежными цветами, статные акации и огромные пальмы-дум, гибкие ивы и тамариски. Птицы жизнерадостно пели в ветвях, радуясь сиянию Ладьи Амна. Большие пруды и аллеи дарили прохладу.

Но даже в своём прекрасном саду Император не находил спокойствия. Он стоял, бессильно опустив руки, погружённый в мрачные мысли, и выглядел таким потерянным, что сердце Анирет сжалось. Сейчас Секенэф не был Владыкой Таур-Дуат, могучим, почти неуязвимым. Он был родителем, потерявшим любимого сына, лишённым возможности даже похоронить его... и не знавшим, откуда черпать силы.

Подчинившись скорее инстинкту, чем разуму, царевна поспешила к отцу. Взяв под руку, девушка повела его по саду к фонтану, выложенному зеленоватой мозаикой из редкого оникса. Здесь цвели лотосы, ещё только начавшие распускаться и распространявшие вокруг тонкий сладковатый аромат.

Секенэф не сопротивлялся, безучастный ко всему в своём горе. Анирет посадила отца у фонтана, а сама села у его ног и обняла его колени. Утрата сблизила их, подарила им возможность безмолвного понимания друг друга, которого у них не было прежде. И в эти мгновения Хэфер словно оживал, воплощаясь в их общих воспоминаниях. Его сила и живой ум, его чуткость и весёлый нрав. В этих разделённых на двоих воспоминаниях непроглядная глубокая печаль хоть немного светлела.

Царевна не знала, сколько времени они провели вот так, в уединённом переплетении мыслей и чувств. А потом отец вдруг провёл ладонью между её рогами с непривычной нежностью, которую она помнила только из далёкого детства. Император приподнял её лицо за подбородок, заставляя посмотреть ему в глаза, и с удивлением она встретила взгляд не древнего Ваэссира, но живущего здесь и сейчас Секенэфа.

– Тебя я хотел бы обучить всему, что умею, дочь, – тихо сказал Император. – Ты знаешь моё сердце лучше, чем я мог надеяться. Остайся рядом со мной в эту бурю, и она будет мне по силам.

В эти мгновения между ними было больше близости, чем за всю её жизнь!..

– Я рядом, Владыка... отец.

– Я научу тебя, что значит чувствовать жизнь этой земли и всех в её пределах. Ты сумеешь принять это, я знаю.

– Но как я могу...

– Тш-ш, – он приложил палец к её губам и покачал головой. – Не сомневайся. Я научу тебя, как открыть всю силу твоей крови.

Последние слова были произнесены Владыкой Эмхет, древним и вечным.

---

¹⁴ Цератония – вечнозелёное дерево, известное с древности.

Глава 3

Безвременье

Тени плясали вокруг, глубокие, как небо в безлунную ночь. Тени обнимали сознание, помутив разум и застилая внутренний взор. Тени шептали и звали, тянулись к нему и манили. У него почти не осталось сил сопротивляться. Да и был ли в том смысл? Он заблудился среди теней, понемногу теряя то небольшое, что ещё оставалось от него самого.

И всё же что-то удерживало его. Тихая, почти неуловимая песня... словно тёплый огонёк светильника в непроглядной мгле, нежные звуки то вспыхивали в его сознании, то вдруг меркли. Он забыл всё, что имело значение – даже собственное имя. Он не ощущал ветра Западного Берега, не ведал направления, и потому мог идти лишь за окружавшими его близкими тенями. Только эта песня то и дело мягко напоминала ему о себе и о нём самом. Он возвращался к ней, сам не зная зачем. Нежная, и вместе с тем такая настойчивая, она тянулась к нему тонкой нитью чистейшего серебра, связующей его с отголосками памяти. Он мог бы освободиться, ведь музыка не была цепью, но почему-то не находил в себе желания рвать эту нить. Ему было приятно слышать песню, пусть и издалека. Хрустальные переливы звучали сквозь шёпот и зов теней, без слов говорили с самым его сердцем, став единственным ориентиром в темноте.

Время потеряло смысл, и потому он не мог знать, в какой миг вдруг снова почувствовал страшную боль. Это произошло одновременно с тем, как песня зазвучала для него отчётливее, чем голоса теней.

Боль означала жизнь.

Вот тогда он вспомнил...

3-й месяц Сезона Половодья

– Доброго вечера, доблестный воитель.

– Госпожа...

Воин сделал попытку резко встать, но она не увенчалась успехом. Он неловко сел на ложе. Блистательная Богиня в серебристо-серых одеждах заслуживала большего почтения, чем неуклюжий поклон сидя.

– Не тревожь себя понапрасну – тебе нужен отдых. Твоё выздоровление и без того затягивается.

Царица Амахисат говорила мягко и даже позволила себе улыбнуться с участием. Улыбка не тронула только её серо-стальных глаз, не знавших милосердия подчас даже к союзникам. Павах невольно посмотрел на свой изувеченный хвост. Позорная рана!.. Хорошо хоть рога большей частью остались на месте.

Он получил щедрую награду и по приказу самого Владыки был определён во дворец. Ему даже были отведены отдельные покои. Влияние его семьи, и без того немалое, возросло, а его самого называли героем... как и Метджена, которого ожидало погребение со всеми почестями. Но царица недаром упомянула о его затянувшемся выздоровлении. Такое сильное прежде, теперь тело подводило Паваху, как будто сами Боги отвернулись от него. Сила словно утекала из его плоти. Но окружающие восхищались им и сочувствовали единственному, кто чудом выжил после страшных пыток и сумел сообщить семье Владык о вероломстве эльфов и их союзников. Вот только ему самому от того не было легче.

Голос царицы, звучавший почти доброжелательно, вывел его из мрачных размышлений:

– Владыка ждёт тебя завтра, Павах, и я тоже буду с ним. Ты должен взвешивать каждое своё слово. Владыка, воплощающий в себе Силу Божественного Ваэссира, умеет прозревать сквозь покровы лжи.

Паваху стало не по себе. Предстоящая аудиенция пугала его. Конечно, в полубреду он уже рассказал о нападении и описал место. Но шутка ли: предстать перед самим Императором и, глядя ему в глаза, изложить подробности гибели его любимого сына и наследника!

– Я знаю, что Владыка намерен поручить тебе, – добавила Амахисат с прохладной улыбкой. – Поэтому и пришла сегодня навестить тебя. Кто-то мог видеть то, что произошло там.

– Насколько мне известно, свидетелей того, что случилось, кроме пустынных ша да мертвецов Западного Берега, не было, – мрачно ответил воин.

– Что насчёт заброшенного храма?

– Храм стоит в трёх-четырёх часах пешего пути, госпожа. И вряд ли мы найдём там кого-то страшнее, чем пара жрецов-бальзамировщиков, настолько старых, что забыли уже, где в теле находится мозг, а где – кишечник.

– Не стоит недооценивать искусство бальзамировщиков. Они умеют прозревать тайны плоти... но к счастью, не тайны разума. Я хочу, чтобы ты навестил жрецов, когда поведёшь туда отряд. Того же от тебя потребует Владыка. Но я первой хочу узнать, что они могут скрывать.

Задерживаться с ответом было нельзя. В стальных глазах Амахисат проскользнула тень нетерпения, грозившая перерасти в смертоносную бурю.

– Я узнаю всё, что смогу, госпожа, – Павах склонил голову, чувствуя, как в нём всколыхнулся липкий пережитый недавно страх от пребывания в плену. – Я отправлюсь в путь, когда Владыке будет угодно. Правда, как от воина от меня сейчас немного толку...

– Тебя защитят, не беспокойся. В отряде Владыки состоят искусные воины. Им просто нужен проводник, а ты хорошо знаешь те места – ведь ты часто сопровождал царевича на охоту.

Телохранитель сглотнул. Обрубленный хвост нервно дёрнулся – непроизвольное движение отдалось вспышкой боли вверх по позвоночнику.

– А если мы ничего не найдём, сиятельная госпожа?

– Это очень опечалит Владыку, но я постараюсь развеять его мрачные думы и направить его гнев на защиту Таур-Дуат. Лебайя и эльфы не могут остаться безнаказанными.

Павах позволил себе поднять глаза и посмотреть на царицу. Он прекрасно сознавал своё положение, и страх возрастал всё больше. Он боялся вкушать свою пищу, боялся отходить ко сну, боялся оставаться в одиночестве, тем более сейчас, когда силы ещё не вернулись к нему, и он не мог дать достойный бой. Да и могло ли спасти его воинское искусство, не спасшее даже Хэфера?

– Отдыхай, верный страж. Нам потребуются все твои силы. А после... – царица жестом велела ему приблизиться.

Павах неловко поднялся с ложа и, хромя, подошёл к ней.

– Проверь для меня то Богами забытое святилище, – тихо проговорила царица. – Мало ли, какие тени там обретаются?

– Как я уже говорил, святилище это находится довольно далеко от... места событий. И тем, кто там остался, вряд ли есть дело до чего-то, кроме мертвецов, – сбивчиво ответил воин.

– Тем лучше, – доброжелательно ответила царица и заглянула ему в глаза. – А коли ты хочешь подвергнуть сомнениям необходимость моей просьбы, так будь смелее и выскажи достойные доводы, стоящие нашего общего времени.

Павах опустил взгляд и тихо ответил:

– Я исполню твою волю с радостью, сиятельная госпожа.

– Я не сомневалась в этом, – усмехнулась царица и положила ему на плечо лёгкую ладонь, благоухавшую драгоценными ароматическими маслами.

За такое прикосновение многие с радостью пожертвовали бы жизнью, но воина сковало напряжение.

– Подними взгляд, ты ведь сын знатного рода, – мягко велела Амахисат.

Павах подчинился и посмотрел в её удивительные глаза, холодные, как сталь меча, глубокие, как Великая Река. Он боялся её и восхищался ею одновременно. Эта женщина была воплощением божественности. Ближе, чем она, к Силам, направлявшим течение жизней в Таур-Дуат, стоял разве что сам Владыка. Она выбрала его, и он верил в их общее дело, так почему же сомневался сейчас?..

– Ты нужен мне, мой верный воин. Знаю, я требовала от тебя того, что казалось невыносимым, и ещё потребую впредь. Но вместе мы послужим процветанию нашей возлюбленной земли – хотя бы в этом не сомневайся! – Её улыбка была почти ободряющей. – Вернись из пустыни. Не смей пропасть там. Я буду ждать тебя.

Он не нашёл, что ответить, – только кивнул, не отводя взгляда. Амахисат осенила его благословляющим жестом и позволила поцеловать её руку в знак величайшей милости, а потом удалилась.

Некоторое время Павах сидел, собираясь с мыслями и с силами. Одиночество давило на него. Не в силах оставаться наедине с собой, воин, прихрамывая, вышел в сад. Двигаться было тяжело, но это не имело значения. Он задыхался, хотя свежего воздуха было в избытке, а сейчас, в вечернюю пору, на город нисходила благодатная прохлада. Павах думал о царевице. Если его тело осквернено, наследнику будет сложнее найти дорогу к Водам Перерождения... или не найти вовсе. Вот на что обрекло его это нападение. И сейчас воин всем сердцем надеялся узнать, что стало с телом – не только потому, что в противном случае гнев Владыки Секенэфа будет сокрушающим, но и потому, что действительно не желал Хэферу такой ужасной судьбы.

– Какая удача встретить тебя, – раздался в тишине сада негромкий женский голос.

Инстинкт прирождённого воина подвёл его – он не почувствовал ничего приближения. Или сама ночь сохранила приход гостьи в тайне? От звука *этого* голоса на душе отчего-то стало легче, а боль из угнетающей обратилась в сладкую и томительную.

Они дружили с детства... но он так и не смог перестать мечтать о большем.

– Анирет, – воин улыбнулся. – Чем я могу быть полезен тебе?

Анирет в полной мере унаследовала красоту своей матери, вплетавшуюся в фамильные черты династии Эмхет. Но если Амахисат была сталью, то Анирет – ласковым солнечным золотом. Паваху всегда казалось, что это золото проливалось из её глаз, теплом подсвечивало весь её облик изнутри.

Конечно, сейчас царевна не сияла, преисполненная печали. И всё же видеть её Паваху было отрадно – сегодня и каждый раз, когда она навещала его в эти долгие дни выздоровления. Гибель Хэфера она переживала очень тяжело – они с братом были так близки. Павах не хотел думать о том, как больно ей было сейчас.

– Я как раз шла проведать тебя.

– Мне уже намного лучше, Анирет, – мягко заверил девушку Павах, когда они по-дружески обнялись.

– Рада слышать. Хотя бы ты остался жив, мой друг... последний свидетель страшного дня... Не думай, я не требую от тебя доклада, просто... – она с болью посмотрела на воина. – Просто мне очень тяжело без него, и я до сих пор не верю, что он больше никогда не вернётся. Каждый раз мне кажется, будто я что-то упускаю в твоих словах. Что-то, что могло бы помочь ему.

Павах прижал девушку к себе чуть крепче, успокаивая. Она не плакала, только тихо вздыхала, доверчиво уткнувшись ему в плечо, хрупкая и одинокая. Он не смел рассказать ей всего, не смел возвращаться в тот день даже в мыслях. Но он попробовал найти нужные ей слова.

– Злые языки говорили, будто Хэфер слишком мягок и проявляет гораздо больше внимания к подданным, чем от него требует долг. Будто ему не хватает необходимой для правителя жестокости. Но мы оба знаем, что в нём горел неукротимый огонь Эмхет, способный опалить врагов. Он сражался с такой силой и яростью, что мог бы выйти победителем... если б

только нападение не было предательским. У тех, кто нападал, не было цели взять его в плен. Они желали ему смерти, хотели, чтобы этот удар попал в самое сердце Владыки.

– Ты видел, как... он умирал?

– Я... видел, да... Никто, даже наследник божественного Ваэссира, не мог бы пережить таких увечий.

Воин не стал говорить царевне, что даже если Хэфер и остался жив после боя, на последнем издыхании он едва ли пережил встречу с ша. С песчаными чудовищами даже жрецы не умели договориться. Что стало с небольшим отрядом наёмников из Лебайи – теми из них, кто не пал под могучими ударами булавы Сенахта и под меткими стрелами Хэфера – Павах предпочёл и вовсе не задумываться. Сатех, Отец Войны и Первородного Пламени, не был милосердным Богом, и вестники Его воли славились непредсказуемостью и кровожадностью.

Но не об этом воин говорил с царевной. Он рассказывал о боевой доблести Хэфера, чтобы Анирет запомнила брата таким, каким желала помнить. Каким он сам желал помнить своего бывшего друга и господина.

Когда Павах наконец закончил рассказ, царевна внимательно посмотрела ему в глаза и проговорила:

– Прошу тебя, мой друг, узнай, что произошло с ним. Найди хоть что-нибудь, что осталось от него... Мы с отцом так боимся, что его душа заблудилась и больше не вернётся в род. Обещай мне.

Воин посмотрел в её прекрасные золотые глаза и внутренне поклялся себе, что приложит к этому все свои силы. Он и сам не хотел для Хэфера забвения.

– Обещаю, госпожа моя Анирет, я сделаю всё, что могу, – искренне ответил он.

Девушка с благодарностью кивнула. Больше в этот вечер она не спрашивала его ни о чём.

– Он возвращается... Он нашёл дорогу назад.

– Да, но... Позволь, я побуду с ним ещё хоть немного.

– Беспокоишься? Посмотри, это ведь настоящее чудо. Твоими руками Страж Порога, восседающий на троне у Вод Перерождения, явил Свою волю. Я больше не слышу шелеста лёгких крыльев смерти.

Тэра кивнула. Она тоже не слышала смерти и не видела безликих теней, хотя до выздоровления её подопечного было ещё очень далеко. Отточенными движениями девушка коснулась льняных повязок, убеждаясь, что они наложены как следует. В последний раз её ладонь скользнула по плечу воина и спустилась по его руке, плотно завёрнутой в ткань, точно у мумии. Страшно было даже прикоснуться к нему, настолько хрупкой казалась его восстановленная бальзамировщиками форма. Тэра скорее чувствовала, чем слышала сбивчивое дыхание, едва начавшее выравниваться. Она видела жизнь, теплившуюся в теле... Словно прекрасная музыка звучала в этом облике, который она знала уже до мельчайшей чёрточки. К его коже, ставшей алебастрово бледной от поцелуев смерти, начал возвращаться её изначальный оттенок светлой бронзы. Черты лица, по странному стечению обстоятельств не тронутые ни оружием, ни клыками чудовищ, заострились, скулы казались ещё выше, орлиный нос – ещё более хищным. Бескровные губы высохли и потрескались, но их рисунок был красив и чётко, точно нанесённый кистью искусного художника. Нет, не кистью... скорее, резцом скульптора. Чёрные, как диорит храмовых статуй, волосы потускнели, но на ощупь по-прежнему напоминали плотный шёлк. Тэра знала это, потому что не раз пропускала их сквозь пальцы. Она изучила рисунок его старых шрамов и многочисленных аккуратно наложенных бальзамировщиками швов. Ей была знакома каждая мелкая трещинка на его рогах. Она видела его тело изнутри, искалеченное и

переломанное – с такими ранами в нём уже не должно было сохраниться ни капли жизни. И только взгляда его она ни разу не встречала... и не должна была встретить.

Сердце Тэры было преисполнено благодарности Стражу Порога за то, что Он позволил ей удержать воина на границе жизни и смерти, а жрецам – завершить восстановление. Учитель был прав: настоящее чудо. Неважно, скольких сил ей это стоило.

Тихий голос жреца прервал её мысли.

– Тебе пора уходить. Он не должен увидеть, ты же знаешь.

– Знаю... – шепнула Тэра. – Скажи, а их глаза действительно похожи на золотой свет Ладьи Амна?

– Это очень поэтичное сравнение, – усмехнулся учитель. – Оттенок золотистый, да.

– Но когда ты увидишь – расскажешь? Обещай!

– Обещаю.

Тэра в последний раз посмотрела на воина, вздохнула и нехотя отняла ладонь... точнее, попыталась.

Холодные пальцы с небольшими когтями сомкнулись на её запястье, совсем слабо, но с таким отчаянием, что внутри неё что-то сжалось. Не приходя до конца в сознание, воин как будто боялся отпустить девушку от себя. Тэра нежно пожала его руку в ответ, обозначая, что она по-прежнему рядом, и тихо напела слова, обращённые к его душе. От жреца не укрылся этот жест, но он не останавливал девушку, только затаил дыхание в ожидании. Свободной рукой Тэра погладила воина по волосам. Его лицо чуть расслабилось, и губы дрогнули в подобии улыбки.

– Быстрее, – предупредил учитель.

Тэра резко – слишком резко – выдернула ладонь из руки воина и отпрянула в полумрак комнаты. Как раз вовремя: их гость приглушённо застонал, приходя в себя. Жрец склонился над ним, закрывая собой девушку и давая ей возможность уйти. Тэра поспешно накинула тонкое головное покрывало, пряча лицо в тени складок. Она колебалась, борясь с искушением хотя бы украдкой посмотреть на того, с кем рядом провела столько бессонных ночей.

Рассудок в итоге взял верх. Она выскользнула в коридор, освещённый несколькими светильниками – слишком тусклыми для её глаз – и тихонько притворила за собой дверь. Здесь девушка позволила себе перевести дыхание и посмотрела на запястье. Когда она резко высвободила руку, когти воина оставили на тонкой коже неглубокие бороздки – теперь одна немного кровоточила. Тэра слизнула кровь, как делала в детстве, когда ранилась. «Единственное, что останется на память», – с грустью подумала она.

Нужно было вернуться к себе в комнату и отдохнуть перед общей молитвой. Весь этот месяц её собственные силы поддерживала радость соприкосновения с Силой Стража Порога и чудесной душой, чья красота так поразила её. Сейчас в сердце девушки поселилась пронзительная печаль, и вместе с печалью пришла опустошающая, всепоглощающая усталость. Тело напоминало ей о цене за нарушение запретов, которые древние наложили не просто так.

Наверное, ей следовало испытывать страх. Многие люди из тех, чья жизнь не была освещена истинным пониманием дарованных им таинств Таур-Дуат, боялись смерти. Но Тэра служила Хранителю Вод Перерождения. Ей ли было страшиться дыхания Ануи?..

Его лёгкие с трудом вбирали в себя воздух, словно прохуdivшийся бурдюк – воду. Что-то мешало ему вздохнуть как следует. Повязки? Он хотел сбросить с себя путы, но усилий едва хватило на то, чтобы пошевелить пальцами. Он с трудом чувствовал своё тело, и оно не желало подчиняться.

Музыка покинула его, и не в его силах оказалось удержать её. Он остался один в темноте и ощущал лишь пустоту. Несправедливо. Страшно.

С усилием он открыл глаза, щурясь от слепящего света. Огонь единственного светильника казался нестерпимо ярким после мягкого первозданного мрака. Над ним склонилась чья-то фигура.

– Добро пожаловать на Берег Живых, господин.

Низкий с хрипотцой голос принадлежал мужчине средних лет, одетому в чёрное¹⁵. Его рогатая голова была гладко выбрита. Сфокусировав взгляд, воин сумел разглядеть знак на его груди – священный шакал, возлежавший на ларце Таинств Жизни и Смерти.

– Какая ирония... – хрипло прошептал он, попытавшись пошутить, но зашёлся в приступе кашля.

Все его мышцы и кости, казавшиеся чужими, отозвались нестерпимой болью. Да, определённо, он был жив.

«Какая ирония, что в мире живых меня приветствует жрец Стража Порога», – мысленно закончил он, благодарный, что служитель Богов не стал переспрашивать, а просто поднёс ему чашу с прохладной водой и помог сделать несколько глотков.

Как и следовало ожидать, руки жреца были закрыты перчатками из плотного льна.

– Буду с тобой честен, мой господин: не знаю, когда ты сможешь подняться и ходить, – мягко продолжал жрец. – Когда сломаны рёбра, нельзя долго находиться в неподвижности, иначе лёгкие отекают. Но сломаны не только они.

Сломаны?.. Он попытался вспомнить. Удар копья пробил ему бок со спины, и он выронил лук. Нападавших было слишком много. Он не сумел отразить все удары и упал... Нет, его столкнули. А потом была колесница... Его кости должны были рассыпаться в крошку, если он хоть что-то понимал, а что стало с внутренностями, и думать не хотелось.

– Часть костей нам пришлось заменить, ибо вернуть им целостность не сумел бы даже Великий Зодчий, – закончил служитель Ануи.

– Почему же я жив?

Его голос, тихий, как у тени, казался чужим и звучал как будто со стороны. Жрец вздохнул и ответил:

– Мы нашли твоё тело в песках и собирались предать достойному погребению. Пустынные ша медлили приступить к – прости меня за эти слова! – своему пиршеству. Они отступили и позволили нам забрать тебя. Стражу Порога было угодно, чтобы ты остался на Восточном Берегу. Мы восстановили сосуд твоей души так, как сумели.

Эти слова могли означать очень и очень многое – даже то, о чём и задуматься было боязно. Жрецы Ануи обладали глубоким Знанием о мироздании, но не были целителями в привычном понимании. При этом, пожалуй, никто не знал законов плоти так хорошо, как мастера-бальзамировщики. В народе говорили, что они умели возвращать мёртвых к жизни. Да и многое ещё говорили...

Воин задержал взгляд на лице жреца – простом, незапоминающемся. Увидишь такого в толпе – даже взгляд лишний раз не остановится. Служители Ануи могли быть незаметными, как сама Смерть, когда хотели. Равно как и наоборот: если желали, они могли оставить в памяти неизгладимый след, как клинок наносит глубокую рану, разрубая плоть до кости.

– Моё тело мертво? – спросил воин, пытаясь унять ужас от этой мысли. – Ты удержал в нём мой дух своим Знанием?

Жрец тихо рассмеялся и покачал головой.

---

¹⁵ Традиционный для жрецов цвет чистоты – белый – использовался во время ритуалов и, соответственно, на изображениях, на которых каждая деталь должна была быть символичной. Повседневная одежда могла быть любой.

– Мы боремся с осквернителями – теми, кто тревожит покой мёртвых и искажает законы Смерти. Искусство поднятия мёртвых тел знакомо нам, да, но с иной стороны. Ты жив, мой господин, хотя жизнь твоя едва теплится в своём сосуде. Но теперь ты должен помочь нам разжечь огонь своего тела, если хочешь остаться на Берегу Живых.

Воин закрыл глаза, благодарный за то, что всё было именно так. Жизнь по-прежнему принадлежала ему самому, а не была одолжена у Хранителя Вод Перерождения. И даже если у него был долг перед Ануи, этот долг ему по силам было отдать через служителей Судии.

Его тело было расколото и собрано по кускам, как хрупкий сосуд. Он даже не мог определить, что оставалось в нём в целости. Мертвенная слабость сковывала плоть, будто пытаясь похоронить внутри дух. Но воин знал, что ему достанет воли, чтобы подняться... и вернуться за теми, кто предал его в охотничьих угодьях Сатеха.

Новая мысль обожгла его, и воин распахнул глаза.

– Меня защищали. Другой. Что с ним?

– О ком ты говоришь, господин?

– Мой страж... Единственный настоящий... Вы нашли его?..

Жрец помедлил с ответом, но в итоге честно объяснил:

– Ша не тронули тебя одного. Там было ещё несколько мёртвых людей и один погибший рэмеи.

– Один... – с досадой выдохнул воин и подумал: «Значит, те двое успели уйти...»

– Людей похоронили в песках, – продолжал служитель Ануи, – а останки рэмеи мы доставили в храм и сохранили то, что смогли. Ты, господин, был нашей первоочередной задачей. Имя того воина нам неизвестно.

– Сенахт, – имя отдавало горечью потери. – Верный... Нанесите это слово... рядом с его именем. Пусть он найдёт... путь к чертогам Стража Порога... с моим благословением.

– Будет исполнено.

– Если у него не осталось лица... сделайте маску. Я расскажу, каким был... его облик. Память о нём... должна сохраниться.

Жрец поклонился, соглашаясь.

Этот короткий разговор отнял почти все силы, но воин должен был узнать ещё кое-что.

– Открой мне имя своё и тех, кто нашёл меня, – тихо попросил он. – Когда придёт время... я отблагодарю вас как подобает.

– Зови меня Перкау, господин. Я имею честь быть Верховным Жрецом этого храма.

Воин инстинктивно попытался сжать руку в кулак, вспоминая, как силился удержать рядом музыку. Размеренно, насколько позволяло его затруднённое дыхание, он произнёс:

– Но ты не был... той музыкой, мудрый Перкау.

– Музыкой? Ах, да... То были молитвы, мой господин. Священные гимны.

– Среди них была песня, обращённая... именно ко мне. Она звучала... для меня одного... всё это время. Я помню... Путеводная звезда... яркая, как Звезда Разлива...

– Ты слышал волю Владыки Ануи. Если смотреть в глаза чуду слишком пристально, то оно может истаять, как рассветная дымка.

Стиснув зубы, гость старался опереться о ложе. Но легче было удержать одной рукой боевую колесницу, чем пытаться сейчас приподняться или хоть немного пошевелиться. В глазах потемнело, и боль, едва не лишив сознания, заставила его приглушённо застонать.

– Не надо тебе пока двигаться, господин, – мягко проговорил жрец, бережно удерживая его за плечи. – Скоро, но не сейчас. Каждое усилие должно быть взвешенным, иначе ты снова упадёшь в забытье, близкое к смерти, и рискуешь больше не найти дорогу на Берег Живых.

Воин вынужден был смотреть на служителя Стража Порога снизу вверх, и это разгневало его. Он вложил в свой взгляд и голос достаточно силы, чтобы указать бальзамировщику, с кем тот говорил.

– Я, Хэфер Эмхет, желаю знать, кто спас меня.

– Боги спасли тебя, царевич, руками тех, кто пропускает сквозь себя Их волю. С некоторыми из нас Они говорят особенно ясно. Прошу, не гневайся на меня. Твоя благодарность может обернуться бедой для нас в нашем скромном храме.

Не гневаться царевич не мог. Но эта вспышка стоила ему всех едва вернувшихся сил, и сознание снова начало ускользать от него.

– Пусть музыка звучит ещё... – выдохнул Хэфер, закрывая глаза. – Она нужна мне, чтобы... разжечь огонь жизни ярче.

– Возможно, она будет прокрадываться в твои сны, господин. А пока побереги силы. Мы не настолько искусны в целительстве, как говорят, – только лишь в том, чтобы суметь уговорить Смерть отступить.

Глава 4

3-й месяц Сезона Половодья

Аудиенция проходила не в малом тронном зале, а в личном кабинете Владыки – высокая честь. Впрочем, телохранители наследника считались почти что частью императорской семьи, и Паваху раньше нередко доводилось бывать здесь вместе с Хэфером.

Восемь стражей Императора выстроились у дальней стены за его спиной, безмолвные, с лицами, неизменно скрытыми под шлемами в виде собачьих голов. Их хопеши¹⁶ были перекрещены за спиной. Золотистые доспехи с чешуйчатыми панцирями тускло поблёскивали, когда солнечные лучи изредка пробивались сквозь густую кисею на окнах. Ануират, или Живые Клинки Ануи, – воины, не знавшие себе равных, – всегда и везде сопровождали Владыку. Так было заведено ещё со времён самого Ваэссира, первого Эмхет. Единственной их целью была безопасность Императора – *любой ценой*. В том, что касалось этой их задачи, они могли безнаказанно нарушать даже приказы самого Владыки.

Амахисат, как и обещала, присутствовала на аудиенции, спокойная и бесстрастная. Её плиссированный калазирис¹⁷ дополняли оплечье и браслеты с халцедонами и лунными камнями, идеально подобранными в тон тёмно-серой ткани. Ни взглядом, ни жестом она не дала Паваху понять, чего ожидала от него. Всё уже было сказано.

Также здесь был и бессменный Великий Управитель, хранитель секретов¹⁸, главный дипломат Таур-Дуат – старший царевич Хатепер. Он очень походил на своего венценосного брата, и в то же время отличался от него: Хатепер был более земным и понятным, более мягким в своих жестах и манере ведения беседы. Но недооценивать его не стоило – мягкость Великого Управителя была и его оружием. Рэмеи и эльфы говорили о Хатепере, что он способен уговорить саму Великую Реку изменить своё русло. Да, не просто так его называли величайшим дипломатом своего времени! Кроме того, Хатепер славился своей безоговорочной верностью брату и абсолютной неподкупностью. До сих пор была жива память о слухах смутного послевоенного времени. В ту пору заговорщики хотели сместить Секенэфа и возвести на трон Хатепера, не то полагая, что дипломатом будет проще манипулировать, не то искренне веря, что тот будет лучшим властителем. Великий Управитель расправился с ними своими методами, да так искусно, что до конца не было ясно, к какому жестокому повороту чьей судьбы он действительно приложил руку.

Павах ожидал увидеть кого-то из Таэху, живших при дворе, но рядом с Императором стоял другой жрец, которого воин прежде не видел, судя по пекторали и перстням – высокой ступени посвящения. Как и другие правители до него, Владыка Секенэф опирался на древний жреческий род Хранителей Знаний, стоявший у истоков Таур-Дуат так же, как и род Эмхет. Жрец Таэху не был стар, но пожил, как и сам Владыка Секенэф, уже немало – следы неумолимого времени лежали на благородных чертах его до сих пор ещё довольно красивого лица, а глаза светились мудростью прожитых лет. Облачён он был в длинные белые драпированные

---

¹⁶ Хопеш (хепеш, кхепеш) – разновидность клинкового оружия серповидной формы, применявшаяся в Древнем Египте. Хопеш произошёл не от меча, а от топора, а потому в основном предназначался для рубящих ударов, но при должном мастерстве владения им можно было наносить и колотые раны. Считался оружием элитных подразделений. Также его использование носило церемониальный характер. Из-за двоякоизогнутой формы хопеш не подразумевал ношения в ножнах: его закрепляли на поясе или – как в данном случае – за спиной.

¹⁷ Калазирис – слово греческого происхождения, относящееся к традиционной женской одежде Древнего Египта. Используется чаще в научно-популярной литературе, в научной называется просто платьем или одеянием. В ранние периоды был распространён более простой вид этого одеяния – платье с широкими бретелями, прикрывавшими (а иногда и не до конца прикрывавшими) груди. В более поздние периоды наряды стали усложняться накладками, драпировками и плиссировками.

¹⁸ Хранитель секретов – один из чинов при дворе фараона и в составе древнеегипетской армии, аналогичный начальнику тайной полиции.

одежды, какие часто предпочитали священнослужители. Знаки Богини Аусетаар, Владычицы Таинств, Госпожи Очищающей боли, украшали его пектораль и перстни. На Павах жрец смотрел отрешённо и как бы сквозь него. Но отчего-то этот взгляд пугал воина не меньше, чем пронзительный взгляд Императора, потомка древнего Ваэссира.

Сам же Владыка был воплощением величия. В его руках сходились нити жизней всех подданных Таур-Дуат, и бремя, возложенное Богами на его могучие плечи, было не по силам ни одному обычному рэмеи. Смотреть в его золотые глаза было так же трудно, как взирать на Ладью Амна, чей свет и согревал, и обжигал одновременно. Прекрасные статуи, возведённые в его честь, изображали Владыку Секенэфа в расцвете лет и должны были сохранять его облик неизменным на годы и столетия. Собственное же лицо правителя несло на себе печать пройденных лет и пережитых событий. И именно таким оно казалось Паваху более одухотворённым и красивым, чем все виденные им изображения Императора. Его облик дышал живой Силой, от которой, казалось, вибрировал воздух вокруг. Неудивительно, что само присутствие его так вдохновляло и воинов, идущих на бой, и простых подданных, лицезревших правителя в редкие моменты его появления перед народом во время больших празднеств. Оказавшись рядом с Императором, нельзя было усомниться в мудрости и могуществе древнего народа рэмеи, чья история насчитывала не одну тысячу лет, ибо этот народ хранили подобные ему. Таков был Секенэф Эмхет, почитаемый и любимый Владыка и Хранитель Империи, живое бьющееся сердце рэмейской земли – тот, кто защищал Божественный Закон.

Стоя на коленях, как и подобает подданному перед лицом Владыки, Павах сосредоточенно изучал золочёные сандалии Императора, не в силах поднять взгляд. Каким же трудным, жестоким испытанием было после всего предстать перед живым воплощением Силы Ваэссира! Слова таяли на его губах, так и не успев родиться, в горле пересохло. Пусть он не раз видел Владыку Секенэфа прежде – сейчас это было словно впервые. Павах построил свой доклад так, чтобы не солгать ни единым словом, но и всего он не мог рассказать.

– Значит, их была большая стая? – прозвучал глубокий голос Императора.

Паваху показалось, что этот голос заставлял резонировать все кости в его теле.

– Да, Владыка. Никогда прежде мне не доводилось видеть их так много за раз, ведь они не уживаются даже друг с другом, – подтвердил воин, радуясь, что сейчас мог сказать правду.

– Плохой знак, – вздохнул Великий Управитель Хатепер. – Ша – вестники Отца Войны. То, что они оказались там, да ещё в таком количестве... почти полтора десятка, ты сказал?

– Да, Великий Управитель, – подтвердил Павах.

– Очень плохой знак... – повторил брат Владыки. – Когда божественное столь ощутимо вмешивается в земное, только глухой не прислушается.

Воин отметил про себя, как Великий Управитель Хатепер посмотрел на жреца Таэху. Тот по-прежнему не проронил ни слова, только кивнул.

– Они пришли уже после нападения из засады? – уточнил Император.

– Да, Владыка, – ответил Павах. – С их приходом всё окончательно смешалось. Они уже не делали различий между сражавшимися. Кто-то пытался сбежать, но разве сбежишь от них?

Бывший телохранитель покачал головой и мрачно подумал, что остаться там на милость ша было, пожалуй, не так страшно, как попасть в плен после.

– Ты уверен, что наследника не могли взять в плен – так же, как тебя и Метджена? – в который уже раз спросил Император.

– Владыка мой... последнее, что я помню из произошедшего там – это то, как ша начали своё кровавое пиршество, – дрогнувшим голосом ответил Павах, не солгав и на этот раз. – Сатех никогда не был дружен со Стражем Порога и Его сыном, божественным Ваэссиром, занявшим трон Таур-Дуат. Разве пощадили бы Его звери императорскую кровь?..

– Да. Если бы это были чёрные шакалы или дикие псы, я бы мог надеяться на их защиту, – голос Императора звучал ровно, и невозможно было понять, каково истинное настроение пра-

вителя. – Но красногривые ша... Должно быть, ты прав, как ни тяжело мне признать это. И хотя Проклятие Ваэссира падёт на тех, кто повинен в убийстве Его родной крови... это – слабое утешение.

При упоминании о Проклятии Ваэссира Павах ощутил пронизывающий холод. Оно не было легендой. Силы в крови потомков Первого Владыки было достаточно для того, чтобы деяния осквернителей вернулись к ним же. Разве не настигло уже это Проклятие бедного Метджена? И что тогда ожидало его, Паваха?.. О проклятии говорил и Колдун...

– Ты многое перенёс рядом со своим господином, Павах из вельможного рода Мерха. Но у меня всё же будет к тебе ещё одна просьба.

– Я послужу тебе и памяти моего господина с радостью и честью, великий Владыка, – с готовностью и совершенно искренне заверил воин.

– Хорошо. В двух-трёх часах пешего пути от места нападения лежит заброшенный храм Стража Порога. Я выделю тебе отряд и велю лучшим жрецам перенести вас порталом в Кассар, ближайший к храму город. Я хочу, чтобы ты посетил сам храм и разузнал всё, что только можно узнать. Возможно, бальзамирощикам – если там остался кто-то живой – известно что-то, от нас пока сокрытое. С собой я дам тебе дары для них – драгоценные благовония для ритуалов и чёрный оникс, освящённый в столичном храме Ануи. Если там тебя встретят, будь учтив и добр, разузнай всё мягко и принеси мне вести, сколь бы ни были они скудны.

Павах, всё ещё стоя на коленях, склонил голову ниже.

– Всё будет сделано, Владыка мой.

Он отчаянно желал, чтобы Император поскорее отпустил его, но тот всё медлил.

– Посмотри на меня, Павах, последний телохранитель моего сына, – велел Владыка, наконец.

Противостоять этому голосу – этой стальной воле, выраженной даже в мягких интонациях – было невозможно. Павах собрал всё своё самообладание и поднял голову, натолкнувшись на взгляд золотых глаз – нездешний, какого не могло быть ни у одного смертного.

– Ты не солгал мне... но и всей правды не сказал, – всё так же мягко проговорил Владыка.

Павах подавил в себе желание открыть всё, что только мог... Он вспомнил вкрадчивый приказ Колдуна, надёжно выбитый в его сознании как по камню. Сейчас всё пережитое казалось кошмарным сном, но эти слова жгли его разум, как проклятие: *«Ты никому не расскажешь»*.

– Я знаю, что ты перенёс очень многое, – повторил Император, и взгляд его перестал обжигать так нестерпимо, как ещё пару мгновений назад. – Я дам тебе время и не стану беречь твой разум. Тебе нужно восстановиться, как следует, прежде чем говорить о том, что вам с Метдженом довелось увидеть.

Павах с благодарностью склонил голову, удерживая выступившие на глазах слёзы облегчения. Боги, как же ему повезло! Император не мог не почувствовать, что от него что-то утаивают, но, по крайней мере, он не читал мысли.

– Отправляйся с моим благословением завтра же, – повелел Владыка. – Если же тебе доведётся найти останки предателя – сделай то, что повелит тебе справедливость.

С этими словами Император наконец отпустил Паваха. Пошатываясь, воин поднялся на ноги и с поклоном удалился. Упоминание о Сенахте отдалось уколом в сердце, но всё равно теперь он был уже более уверен в себе и в том, что ему предстояло сделать.

Молодой царевич пребывал в отвратительном настроении – он был разъярён настолько, что даже приближённые не решались подступиться к нему. От его ударов на инкрустированных перламутром столиках эбенового дерева осталось несколько вмятин. Дворцовый управляющий

не вмешивался, пока царевич изливал гнев, справедливо решив, что инкрустацию будет заменить гораздо проще, чем чей-то проломленный череп. От того, с какой силой царевич закрыл двери, выгнав всех из своих покоев, даже на совесть прибитая бронзовая щеколда отлетела.

Затем пришёл черёд драгоценной вазы, не один год украшавшей нишу у окна. Хрупкий сосуд жалобно звякнул о плиты из редкого тёмно-зелёного мрамора и рассыпался на мельчайшие осколки. В этот момент в покои вошла царица, проигнорировав предупредительный шёпот слуг и управляющего. Окинув взглядом беспорядок, она изогнула бровь, а потом притворила за собой дверь и холодно приказала:

– Возьми себя в руки, сын. Ты не истеричная девица, а царевич, в жилах которого течёт кровь великих родов. Ты и так уже распугал всю челядь, а они ведь рэмеи – не тщедушные эльфы. Жмутся в коридоре, словно мыши в амбаре.

– Не смей мне указывать! – резко ответил Ренэф, оборачиваясь к ней. – Я велел, чтобы все убрались отсюда и оставили меня одного.

Он натолкнулся на взгляд серо-стальных глаз – этот холод мог затушить любой пожар – и его пыл немного поутих. Амахисат даже не поморщилась, только чуть усмехнулась.

– Это ты мудро придумал. В таком виде тебя и правда лучше никому не видеть. Но для меня уж изволь сделать исключение, царевич Ренэф Эмхет.

– Прости, мама, – с почтением произнёс юноша и глубоко поклонился ей.

– Твой гнев мне хорошо понятен, – спокойно произнесла женщина. Она смотрела на сына сурово, но в голосе её слышалось сдерживаемое тепло. – Но мы должны помнить о том, кто мы есть, и сохранять достоинство. Наша семья – пример для всех наших подданных.

Ренэф провёл ладонями по лицу в бесплодной попытке успокоиться.

– Отец не принял меня, – процедил он. – Отказал мне в аудиенции, но зато пригласил сестру. *Снова*. Но я – не слуга, желающий обсудить с ним блюда на ужин! Я хотел говорить о походе на Лебайю, о мести за *его сына*!

Ярость снова взяла над ним верх, и царевич со всей силы ударил кулаком в стену – на росписи образовалась едва заметная сеточка трещин. Царица даже не вздрогнула и по-прежнему невозмутимо сказала:

– Не беспокойся о сестре. Трон Эмхет наследуется мужчинами.

– История знает и другие случаи.

– Только когда в прямой ветви рода не было достойных претендентов.

– Я могу перечислить тебе нескольких Императриц. Но я не готов быть военачальником при сладенькой сестрёнке, вовремя нашедшей для папочки слова утешения!

– А при своём дипломатичном брате был готов? – усмехнулась царица.

Ренэф глухо прорычал ругательство, исподлобья глядя на мать. Амахисат скрестила руки на груди, встречая его гнев с холодной бесстрастностью.

– Ты учила меня во всём быть лучше, чем *он*, – сквозь зубы сказал царевич. – Всю свою жизнь я только и делал, что соревновался с *ним*. Я лучше владею мечом, лучше направляю колесницу, лучше охочусь. Поглоти меня Первородное Пламя! Я даже стихи древних авторов цитирую лучше, чем *он*, даром что ненавижу эти бесполезные мудрствования! Но отцу безразличен мой успех. И даже сейчас, из своей безымянной могилы, Хэфер как будто смеётся надо мной! *Владыка*, – Ренэф произнёс этот титул ядовито, не в силах сдержать обиду, – так и не сделал официального изъяснения своей воли, не провозгласил меня наследником трона! Зато сестрицу окружил всяческими милостями. Вот уж кто хорошо устроился!

– Ты – наследник, – всё так же спокойно возразила Амахисат, – но официального назначения придётся подождать.

– Почему я *всегда должен ждать*?! И ладно ещё ждать назначения! Отец даже траура не объявил. Он всё ещё на что-то надеется, хотя всем понятно, что Хэфер не вернётся... Но ведь он даже не отдаёт приказ покарать виновных! Я готов выступить на Лебайю хоть сегодня, но

нет же! Император велит *ждать*. Более того, он отсылает меня прочь, точно какого-то слугу, тогда как я хочу обсудить с ним боевой план!

– Тебе нужно научиться проявлять терпение, мой светоч, – ласково произнесла Амахисат. – Грядёт твой триумф.

– Терпение, терпение... Ты с детства только и делала, что твердила мне о терпении, пока все вокруг восхищались сыном простолюдинки!

Царица чуть поморщилась при упоминании о своей предшественнице, но Ренэфу было всё равно, что его слова уязвили мать. Чаша горечи и возмущения несправедливостью, копившаяся много лет, переполнилась.

– Она была жрицей, – тихо возразила Амахисат.

– Неважно, – отмахнулся Ренэф. – Её род не был таким древним и прославленным, как твой. Моя кровь чище, но всё же наследником был провозглашён Хэфер, мягкосердечный... мягкотелый. И отец выбрал его, чтобы он вёл наш народ после суровой войны с фейскими выродками! Он со своей дипломатией заставил бы нас пресмыкаться перед остроухими, исполняя все их капризы. Посмотри, до чего довело потакание требованию оставить нейтральной территорию прямо у наших границ!

– Ты подвергаешь сомнению мудрость своего дяди? – прохладно осведомилась царица.

Ренэф чуть оскалился, но удержался от грубости – матери пока весьма успешно удавалось умирять его гнев. Только хвост его от сдерживаемой ярости продолжал хлестать из стороны в сторону.

– Нет. Я говорю, что мог бы послужить Владыке куда как лучше, если бы он только дал мне возможность... если бы разглядел, каков я на самом деле.

– Мы оба знаем это, – мягко согласилась Амахисат. – И сейчас, по воле Богов, такая возможность тебе предоставлена.

Ренэф вздохнул и покачал головой.

– Как бы я ни относился к Хэферу, пойми, мама: его убийство – несмыслимое оскорбление для всей императорской семьи. Люди должны понести наказание! Я пройду по земле этих эльфийских прихвостней огнём и мечом, пока они не выдадут мне изменников! Имя династии Эмхет заставит содрогаться их потомков на много поколений вперёд!

– В этом никто не сомневается. А я тем более всегда верила в тебя, – царица тепло улыбнулась сыну. – Однажды ты станешь прекрасным, достойным Владыкой. Твоя чистейшая кровь станет светочем для всего нашего народа. Твоё имя и список твоих великих деяний будут высечены на гигантских статуях у самых знаменитых храмов Империи.

– Эти сказки ты рассказывала мне ещё в детстве, – с горечью усмехнулся царевич. – А теперь посмотри... Хэфера уже нет в живых, но Владыка предпочитает это трудное время проводить с Анирет, а не со мной, наследником!

– Анирет суждено стать твоей советницей, женой одного из наших союзников, – улыбнулась Амахисат, – но никак не Императрицей Таур-Дуат. Твой отец не выжил из ума, чтобы возлагать на неё такое бремя.

– Иногда я сомневаюсь в этом, – пробормотал Ренэф.

Царица резко шагнула к нему и дала пощёчину.

– Не смей оскорблять Владыку! – холодно приказала она. – Острота клинка не должна заменять тебе остроту разума. Не забывай, что когда-то Император Секенэф, да будет он вечно жив, здоров и благополучен, сам вёл армию Таур-Дуат против эльфов и одержал не одну победу, изгнав их за пределы нашей земли. А после он очень мудро рассчитал время и условия для перемирия.

– Я стараюсь помнить, что его величие не осталось в прошлом, – тихо ответил царевич и с отчаянием посмотрел на мать: – Но почему, почему он не замечал меня? Почему всегда отдавал предпочтение Хэферу? Я знаю, что нельзя так говорить и даже думать, но сейчас я

ловлю себя на предательских мыслях, что эта трагедия явилась в своём роде... божественным благословением. Хэфер не был способен управлять Империей твёрдой рукой. Он мог бы стать прекрасным дипломатом и советником, как дядюшка Хатепер. Так почему же отец никогда не видел этого?!

– Любовь бывает слепа и глуха, – сказала Амахисат и, положив ладони на плечи сына, заглянула ему в глаза: – Я люблю тебя всем сердцем, мой светоч. Но супруг мой всегда любил Хэфера больше, чем тебя и твою сестру. К тому же есть правило: наследником обычно избирается старший сын. Но теперь, пусть и жестоко, справедливость восстановлена, – она чуть сжала плечи Ренэфа в знак поддержки. – Теперь ты займёшь место брата... Точнее, ты займёшь *своё собственное место*, и никто не усомнится в твоей силе – ни враги, ни приближённые. Но я прошу тебя проявить ещё немного терпения. Император передаст тебе титул и магическую формулу призыва Силы родоначальника Эмхет, когда придёт время.

Ренэф с благодарностью посмотрел на мать – у него всегда прибавлялось сил благодаря её неизменной поддержке. Он чувствовал безусловную любовь Амахисат всю свою недолгую пока жизнь и находил в этом успокоение каждый раз, когда сталкивался с превосходством Хэфера. И как только отец смел тосковать по своей давным-давно умершей супруге, вместо того чтобы с открытым сердцем принимать красоту и мудрость женщины, которая была рядом с ним все эти годы?! Понять и принять это Ренэфу было так же тяжело, как и то, что достижения его были ничтожно малы в глазах Императора в сравнении с обаянием брата. Но мать всегда верила в него, даже тогда, когда сам он уже не верил. И сегодня он привычно доверился ей снова.

– Я сделаю, как ты велишь, Владычица, и буду ждать его приказа, – тихо произнёс царевич и, взяв руки матери в свои, коснулся губами её пальцев.

Очень редко он позволял себе проявить нежность. Амахисат крепко обняла сына, так что Ренэф не увидел, как она украдкой смахнула слезинку.

«Ближайший к храму город» располагался не так уж близко от некрополя – где-то в паре дней пути. Самым разумным было путешествовать на лодках, так как Великая Река ещё не вернулась в свои берега, да и двигаться по воде было значительно быстрее. Но останавливаться на ночлег всё равно приходилось на границе с пустыней, на твёрдой земле, оставляя лодки в густых зарослях бумажного тростника¹⁹.

Для Паваха путешествие стало настоящим испытанием. В последний месяц он не покидал города и отвык от звуков, наполнявших пространство за пределами городских стен. Пока отряд ночевал в песках, воин вздрагивал от каждого завывания, вспоминая жуткое алое пламя в глазах чудовищ, их насмешливый оскал, их раздвоенные хвосты с ядовитыми иглами на концах. Воину казалось, что Владыка пустыни Каэмит наблюдал за ним и выжидал, в любой момент готовый забрать ускользнувшую жертву.

Согласно легендам, Сатех не был другом Ваэссиру Эмхет, некогда одолевшему Его в битве за трон. Владыка Первородного Огня не соблюдал принципы справедливости в привычном её понимании, но и у Него было своё особое место во вселенском Законе. Желал ли своеправный Бог покарать Паваха, или же, напротив, был благодарен за кровавую жертву – о том воин не знал. Тщетно он старался гнать от себя страхи, напоминая о возложенной на него ответственности.

Спутники замечали волнение бывшего телохранителя, но оно казалось им вполне объяснимым, учитывая, *что* Паваху довелось пережить в этих песках. Знали бы они...

---

¹⁹ Бумажный тростник, или бумажная осока, – папирус.

Зелень берегов Апет, сменявшаяся красноватыми песчаными холмами, расступилась, обнажая плато древнего некрополя. Лодки замедлили свой ход. Отряд в почтительном молчании взирал на древние обиталища забытых мертвецов минувшей эпохи – величественные мастабы²⁰ и небольшие заупокойные святилища, в которых давно уже не совершалось подношений. Солнечные лучи золотили камни, наполняя их подобием жизни, но, несмотря на яркость красок дня, Западный Берег хранил свой мрачный величественный покой. Ветер доносил нездешнюю прохладу, нашёптывал мысли о том, что всякое воплощение в земной форме имело своё логичное завершение. И даже этот огромный некрополь, простиравшийся дальше, чем хватало глаз, не был защищён от течения времени.

Так же молча воины причалили к берегу, на котором начинались территории храма, – как оказалось, вполне обитаемого, судя по тому, что земля возделывалась, а за садами явно ухаживали. Едва только Павах ступил на землю, находившуюся под властью Ануи, он почувствовал, как его объял мертвенный холод. Стараясь не подавать виду, бывший телохранитель помог солдатам вытащить лодки на берег и пошёл к храму.

В самом начале дороги, по обеим её сторонам, два диоритовых шакала возлежали на Ларцах Таинств. Их тёмно-зелёные глаза казались живыми и заглядывали прямо в душу. Сам Страж Порога смотрел на Павах глазами своих статуй, и взгляд Его не предвещал ничего доброго. Абсолютный и совершенный в своей справедливости, Он оценивал и взвешивал каждый шаг и каждую мысль того, кто оказался в Его владениях.

Идя по вымощенной разбитыми, но тщательно выметенными от песка плитами дороге, Павах старался держаться с достоинством, хотя по-прежнему прихрамывал и слегка задыхался от быстрой ходьбы. Он и вовсе отстал бы от воинов Императора, но те с почтением относились к его ранам и двигались медленнее, чем могли бы.

Мрачно воин смотрел на маячившие впереди тёмные стены, кое-где начавшие осыпаться от времени. Даже солнечный свет здесь, казалось, мерк, натываясь на чёрные камни, терялся в тенях и тонул в их мрачной глубине. Этот храм пил его силу, и без того утекавшую неизвестно куда. А ведь Павах был ещё молод, слишком молод, чтобы теперь лишь с сожалением вспоминать о своей былой мощи! С отчаянием он сжал копьё, на которое опирался, как на посох, и скрипнул зубами.

Утробный лай заставил всех вздрогнуть от неожиданности и покрепче перехватить оружие. Огромный чёрный пёс из тех, что обычно жили при храмах Стража Порога, бросился на них. Его зелёные глаза полыхали мертвенным огнём, а челюсти были жутко оскалены.

Павах инстинктивно направил копьё вперёд, чувствуя, как под взглядом зверя немеет его рука. Хорошо, что один из воинов успел заслонить его собой и выставил вперёд щит. Пёс остановился, всё так же скалясь и глухо рыча. К счастью, он не возобновил атаку. Убить священного зверя, особенно на земле его Божества, было тяжким преступлением.

Показались и другие псы – жуткие молчаливые тени, обступившие отряд. Воинам стало не по себе, хотя храмовые звери больше не пытались нападать.

На лай вышел жрец неопределённого возраста. Большая пектораль с шакалом Ануи на груди сообщала о его высоком положении. Из сада выбежали юноша и девушка в коротких светлых туниках – видимо, послушники. Стало быть, культ здесь всё же не угас. Конечно, при ближайшем рассмотрении бросалось в глаза, что местным жрецам не хватало рабочих рук. Сады уже не казались безукоризненно ухоженными, как издавна, да и плодородной земли возделывалось меньше, чем могло бы. Что ж, до недавнего времени само наличие здесь кого-

---

²⁰ Мастаба – вид гробницы, распространённый в Древнем Египте в период Раннего и Древнего Царства. По форме мастабы напоминали усечённые пирамиды с наземной и подземной частью. В подземной располагалась усыпальница и несколько помещений, украшенных рельефами, в наземной – молельня.

то живого для Паваха и других оставалось предметом сомнений. Но маленькая община жрецов если не процветала, то, по крайней мере, существовала довольно сносно.

Жрец отозвал псов, и они нехотя отступили в тень храма, но смотрели по-прежнему недобро... смотрели, как казалось Паваху, прямо на него. За его спиной о чём-то зашептались солдаты, но он не разобрал слов.

Воин перевёл дыхание и поднял взгляд на двери храма. Внушительные окованные бронзой ворота, приличествующие священному месту, по-видимому, были разрушены во время войны. Их заменили на сколоченные из грубо отёсанных брёвен створы. Но вход по-прежнему охраняли две статуи, традиционные для всех святилищ Владыки Мёртвых. Каждая из них изображала Ануи в виде могучего мужчины с головой пса. Взгляды изваяний были ещё тяжелее, чем у каменных шакалов. Правой рукой и тот, и другой каменный Ануи опирались на копье, а в левой держали Весы Истины с сердцем на одной чаше и Пером Закона на другой. Павах не знал, какой из ритуальных предметов сейчас пугал его больше. Казалось, в следующее мгновение статуи одновременно поднимут копыта и пригвоздят его к каменным плитам. Но ещё страшнее было думать о Суде в Чертогах Стража Порога, где его сердце на Весах Истины будет слишком тяжёлым, чтобы пройти испытание.

Послушники ласково успокаивали псов. Жрец проницательно смотрел на отряд, останавливая взгляд на каждом из прибывших.

– Что привело вас в эти места? – спросил он.

Павах замешкался. Взгляды воинов обратились к нему, ведь он был командиром отряда. Послушники посмотрели на него с любопытством.

Бывший телохранитель выступил вперёд и произнёс:

– Мы здесь согласно приказу Владыки Секенэфа Эмхет, да будет он вечно жив, здоров и благополучен. Император шлёт дары вашему храму.

Он показал бальзамировщику фаянсовую императорскую печать и жестом велел воинам поднести жрецу два ларца: один с драгоценными благовониями, другой – с кусочками освящённого чёрного оникса. Бальзамировщик улыбнулся радостно и несколько удивлённо. Сняв перчатки, он открыл ларцы и провёл ладонями над дарами. Его тёмные глаза засветились от удовольствия. Он выглядел неожиданно растроганным. «Неужели что-то способно затронуть сердце бальзамировщика?» – с удивлением подумал Павах.

– Как давно не присылал нам великий Император знаков своей милости, – проговорил жрец, надевая перчатки. – Радостно видеть здесь посланников его воли. Добро пожаловать в храм Стража Порога.

Послушники приняли у воинов дары и унесли их вглубь храма. Верховный Жрец пригласил небольшой отряд во внутренние помещения, попутно отзывая присмиривших, но всё ещё проявлявших тревогу псов.

Переступая порог, Павах покосился на статуи и, споткнувшись, едва не потерял равновесие. Ему показалось, что ярко-изумрудные глаза изображений Ануи потемнели.

Воины угощались в саду холодным пивом, свежим хлебом и сушёными финиками, переговаривались между собой и делились с послушниками столичными новостями. Только Павах не находил себе места и даже не притронулся к пище. Не то чтобы он всерьёз боялся... но всё же его посещала мысль, что еда и питьё, произведённые в храме Ануи, действительно способны прожечь его внутренности.

От Верховного Жреца храма вряд ли укрылось его волнение. Павах не стал дожидаться лишних вопросов и сам подошёл к главному бальзамировщику, чтобы поговорить.

– Я благодарен тебе за кров и угощение, мудрый, – тихо сказал воин, – но не только за этим мы прибыли сюда. Нам необходимо твоё знание.

Служитель Ануи внимательно посмотрел на него.

– Вы проделали долгий путь за этим знанием. Что такого можем дать мы, чего ты не мог получить в столице или в Кассаре, городе-культе Стража Порога?

Павах нашёл в себе силы говорить прямо, так, словно был в своём праве. Что ему какой-то бальзамировщик, если он выдержал беседу с самим Владыкой!

– Наследный царевич был убит в песках во время охоты чуть больше месяца назад. Ваш храм стоит всего в нескольких часах хода от места трагедии. Вы должны были увидеть или узнать хоть что-то. Император будет благодарен за любые сведения о своём сыне.

Лицо Верховного Жреца точно окаменело. Лишь взгляд его тёмных глаз задумчиво скользил по собеседнику, останавливаясь на свежих шрамах, на чуть обломленном роге, на обрубленном хвосте и на копье, на которое опирался бывший телохранитель.

«Нет, он не может угадать, – с тревогой подумал Павах. – Там ведь были только ша... Откуда ему знать?..»

– Скорбная весть, тревожная, – мрачно произнёс служитель Ануи. – Но здесь вы не найдёте того, что ищете, даже если обойдёте весь храм.

– Я не могу вернуться в столицу ни с чем!

– Тогда заberi забальзамированное тело единственного рэмеи, которого мы нашли там, если посмеешь потревожить его покой.

Павах почувствовал, как в горле у него пересохло. Неужели Верховный Жрец говорил о Сенахте? О том, кого назвали предателем, чьё имя приказали забыть...

– Только... одно тело? – тихо переспросил он. – Больше ничего?

– Людские останки тебя, я так понимаю, не интересуют.

– Нет.

– Тогда действительно больше ничего.

– Искренне надеюсь, что ты ничего не утаиваешь от нас, мудрейший, – нахмурился Павах, и в его голосе зазвучали нотки угрозы.

– Утаиваю? – бальзамировщик рассмеялся, и голос его стал неприятным, колючим. – По силам ли тебе были бы таинства смерти, юноша, даже если б я действительно рассказал тебе всё, что знаю?

Рядом со служителем Ануи тенью возник большой пёс, чёрный с проседью. Павах невольно отступил на шаг. Он понял вдруг, что воины не помогут ему, что сейчас здесь были только он, жрец и этот пёс – вестник самого Стража Порога, читавшего в душах живущих любые секреты.

– Лучше тебе не возвращаться сюда больше, – вдруг посоветовал ему жрец. – Не знаю уж почему, но тебе не рады здесь.

– Я пришёл не по своей прихоти.

– Я понимаю. Но совет мой всё же прими... – жрец задумчиво посмотрел куда-то за спину Паваху и закончил: – А на твоём плече сидит чужая смерть. Вот почему ты дряхлеешь, несмотря на молодость тела.

Воин почувствовал, как кровь отхлынула от лица, а глубинный страх крепче сжал свои когти вокруг его позвоночника. В последнее время он и без того боялся оборачиваться, а слова жреца словно придали форму его безликим кошмарам.

– Я проклят? – прошептал он. – Ты видишь это, мудрый?

– Я вижу, но помочь тебе не в моих силах. Судия не даст мне на это дозволения. Возможно, ты сам знаешь, почему всё так, а не иначе, но мне о том неизвестно, – бальзамировщик развёл руками. – Боги не всегда открывают Свой замысел даже жрецам.

– Я должен исполнить свой долг перед Владыкой, – сказал Павах.

Чувство долга придавало ему силы бороться со страхом.

Жрец покачал головой.

– Вести доходят до нас медленнее, чем гружёные баржи – до дальних пределов Империи. Да ведь и мы сами – один из этих дальних пределов, чего уж там. Мы постараемся помочь Владыке, чем сумеем, в этом не изволь сомневаться. Это и наш первейший долг тоже – служить Богам и тому, кто воплощает Их Закон на земле.

Павах медленно кивнул, едва вникая в суть слов жреца, – сейчас его мысли занимало лишь то, что он не может сдержать свою клятву. Но фраза служителя Ануи о чужой смерти за плечом проникла глубоко в его разум, подпитывая страх.

– Так тебе передать мумию воина? – спросил бальзамировщик. – Над ней ещё предстоит поработать, но если Владыке угодно...

«Если же тебе доведётся найти останки предателя – сделай то, что повелит тебе справедливость...»

Император испытывал его, не иначе. Согласно Закону, останки Сенахта нужно было рассечь на части и бросить в пустыне, а не предавать погребению. Но как смел он совершить такое кощунство здесь, под взглядом Самого Стража Порога, который ведал истину?.. Павах хотел было попросить жреца хотя бы показать ему мумию, но понял, что был не в силах даже смотреть на то, что осталось от его боевого товарища. Хватило с него пыток Метджена.

– Вы – те, кто освящает тела... но и те, кто оскверняет их для подготовки, нарушая целостность священного сосуда, – сказал Павах. – Ты сможешь сам сделать то, что нужно, мудрейший? Согласно воле Владыки, предатель должен понести наказание.

Верховный Жрец усмехнулся и покивал в ответ не то на слова воина, не то на свои собственные мысли.

– Несомненно, предатели будут наказаны. Ваэссир защищал нашего бедного царевича. Его проклятие найдёт всех, кто причастен к нападению.

– Истинно так, – холодно подтвердил Павах.

– Что до твоей беды – обратись к столичным жрецам, – доброжелательно посоветовал ему бальзамировщик. – Они умнее и талантливее нас. Лучшие умы ведь остаются в городах, а здесь у нас... сам видишь.

«Никто не поможет мне, – обречённо подумал Павах, чувствуя на себе тяжёлые невидимые взгляды мёртвых и их божественного покровителя. – Я должен узнать, что стало с телом Хэфера... Только это если не спасёт меня, то хотя бы облегчит мою участь...»

Молчание затягивалось.

– Спасибо за совет, мудрый... Хорошо здесь у вас, я даже не ожидал, – вздохнул Павах, нервно поведя изувеченным хвостом.

Движение прогнало по позвоночнику привычную уже вспышку боли, и воин поморщился. На самом деле Павах не хотел оставаться в храме ни одной лишней минуты. Но он готов был поспорить, что жрец знал больше, чем говорил. Да и царица не просто так указала на это место. Нет, Павах совершенно не хотел оставаться ночевать в тени этих стен, но он должен был узнать у жрецов больше.

– Оставайтесь сколько нужно, – пригласил бальзамировщик. – Мы можем проводить вас к захоронению.

– Благодарю, – Павах склонил голову и устало потёр лоб.

Готов ли он был вернуться на место ужасного боя? Едва ли! Как не готов был увидеть останки Сенахта. Но что он скажет Анирет, которой обещал узнать, что случилось с телом брата? Что доложит Императору и царице?..

Скрепя сердце, Павах отдал отряду приказ: оставаться здесь ещё два дня. Перкау предложил показать ему весь храм. Воля Владыки открывала любые двери, хотя в каждом святилище, безусловно, были свои тайники.

В ту ночь Павах почти не спал. Его мучали вопросы: что он расскажет по возвращении в столицу? Были ли у произошедшего в пустыне другие свидетели, кроме песчаных ша? Он

отчаянно хотел верить, что жрецы Ануи действительно ничего не видели и не знали. «В конце концов, – успокаивал себя воин, – если бы бальзамировщики узнали меня – они бы уже постарались подороже выторговать своё молчание».

Глава 5

3-й месяц Сезона Половодья

На следующий день Перкау сам вызвался проводить воинов Императора к месту нападения на царевича. Сопровождала их пара крепких чёрных псов. Отряд быстро преодолел путь, по воле Ануи проделанный Тэрой больше месяца назад. В тот день девушка, обычно не выходящая за пределы храмовых земель, разве что не бегом покидала святилище. Зов Стража Порога и Его священные псы указали ей дорогу сюда... к кровавому пиршеству ша, по странному проявлению божественной воли отдавших ей единственного выжившего. *Едва* выжившего.

Позже, когда Перкау со своими братьями и сёстрами по культу также посетил место битвы, чтобы похоронить мертвецов, Верховный Жрец сумел частично восстановить ход событий. Чудовища разорвали наёмников, но они же не подпустили людей к маленькому островку посреди этого безумия и не позволили добить того, к чьему телу сами даже не притронулись. Зато они пропустили Тэру и псов, после чего исчезли в песках, больше не интересуясь своей добычей. Сложно поверить, но священные звери двух Божеств будто бы пришли к некоему безмолвному согласию – ша *передали* тело царевича псам. Такое странное единение воли Ануи и Сатеха Перкау встречал очень редко. Ему о многом, очень о многом нужно было подумать...

Прибытие второго отряда почти не удивило его. В столице происходило что-то, чего он не понимал. Не понимал он до конца и то, почему Бог, которому он служил, запрещал выдавать местонахождение царевича даже самому Владыке. Но то, что наследник за свою недолгую жизнь вольно или невольно нажил немало врагов, причём, скорее всего, в близком окружении, было очевидно.

В ночь перед прибытием отряда Паваха к храму приходил один из песчаных ша и долго стоял напротив статуй шакалов Ануи. Зверь удалился лишь когда Верховный Жрец вышел ему навстречу, и то не сразу. Он не нападал, только смотрел, переминаясь на мощных покрытых красно-рыжей шерстью лапах. Перкау знал, что находился под защитой Стража Порога, пока не пересекал невидимой черты. Но бальзамировщик понимал: ша пришёл не для того, чтобы напасть. Владыка Пустыни, Отец Войны, к которому даже Императоры зывали лишь в случае крайней нужды, посылал жрецу предупреждение. Весть чудовища была недвусмысленной: враг у порога. Сатех мог быть сколь угодно противоречивым и непредсказуемым Божеством, но именно к нему зывали воины Таур-Дуат, когда приходило время сражений. Его жестокая сила защищала пределы Империи. И Перкау был встревожен этим знаком, предчувствуя поступь перемен.

Стоя в стороне, жрец наблюдал за тем, как воины осматривали захоронение. Их командир, молодой поджарый мужчина с измученными зелёными глазами и наполовину обрубленным хвостом, бродил вокруг точно призрак. Взгляд его был пустым, обращённым к чему-то внутри. Перкау, как и всякий бальзамировщик, глубоко познавший тайны тела, видел, что прежде этот рэмеи был сильным, крепким воином, но недуг словно высушил его мышцы, и прежняя красота помутнела. Жрецу было жаль воина, вот только Ануи почему-то не желал его присутствия на Своей земле. «И зачем Императору понадобилось посылать сюда того, кто только-только начал оправляться от ран?» – подумал Перкау, продолжая наблюдать.

Командир отряда вдруг резко сел прямо в песок и обхватил голову руками, покачиваясь из стороны в сторону. Кто-то из воинов поспешил на помощь.

– Что с ним? – спросил жрец у ближайшего солдата.

– А, ты ведь не знаешь, мудрый... – протянул воин, бросая полный уважения взгляд на командира. – Павах из рода Мерха был пленён здесь во время нападения. Он один остался в живых, – солдат понизил голос. – Эльфийские пытки пошатнули его разум.

– Один... – повторил жрец, хмурясь.

И вдруг он понял.

Хэфер сказал, что Сенахт, единственный, кто оставался ему по-настоящему верен, пал рядом с ним. Полуобглоданный труп мужчины-рэмеи, который жрецы нашли рядом с наследником, принадлежал верному. Тело его Перкау бальзамировал сам, а теперь командир отряда недвусмысленно дал понять, что эти останки должны быть осквернены.

Что стало с двумя другими телохранителями, Хэфер не знал – кроме того, что они предали его, напали на своего господина вместе с появившимися из засады наёмниками. Если нежеланный гость храма был единственным выжившим рэмеи – стало быть, это один из стражей царевича. Перкау почувствовал, как голова пошла кругом, точно он слишком много времени провёл под палящим солнцем.

Предатель пришёл как глашатай воли Императора. И то, что он, Перкау, разглядел и озвучил молодому командиру отряда – о чужой смерти, сидевшей на его плече, и о недуге, пившем силу его тела – было Проклятием Ваэссира. Вот о чём, должно быть, приходил сообщить песчаный ша. Но почему солдат говорил о пленении и пытках? Ведь не сам же Павах отсек себе часть хвоста и сломал рог...

Солдат говорил что-то ещё, кажется, о чём-то спрашивал, но жрец его не слышал. Он должен был как можно скорее вернуться в храм – под любым благовидным предлогом – и предупредить наследника.

Боевой клич людей... Ржание обезумевших лошадей... Жуткий день ожил перед внутренним взором Павах. Снова он скидывал с колесницы Хэфера, слишком занятого стрельбой по нападавшим наёмникам, чтобы предугадать удар от телохранителя. Снова бежал на помощь верный Сенахт, и Метджен посылал ему вслед копьё. Снова колесница уносила их прочь от места неравного боя. Они должны были остаться, убедиться, что наследник погиб, и доставить его изувеченное тело в условленное место. Но неожиданный приход пустынных хищников смешал все планы. Павах и Метджен еле успели уйти.

Снова стремительно неслась колесница, и у самых ног клацали челюсти песчаных ша. А потом жуткие насмешливые взгляды чудовищ провожали бывших телохранителей навстречу не менее жуткой судьбе.

Павах застонал, сильнее сжимая виски ладонями и пытаясь сфокусироваться на том, что было здесь и сейчас. Кто-то из солдат предлагал ему воды. Воин с благодарностью улыбнулся, сделал несколько жадных глотков из фляги и тряхнул головой. Постепенно он приходил в себя и наконец-то слышал *реальные* голоса.

– Всё хорошо, – сказал бывший телохранитель и поднялся, опираясь на руку одного из солдат. – Здесь ничего нет. Вернёмся в храм.

Воины наскоро восстановили захоронение. Павах старался не думать о людях, которых он оставил здесь погибать. То, что они не выжили, было к лучшему – не осталось свидетелей жуткого дня. Беспокоило его только одно: пропажа останков Хэфера.

Почувствовав на себе чей-то взгляд, Павах обернулся. Верховный Жрец храма внимательно наблюдал за ним, поглаживая своих псов. «Нет, он не может знать...» – в очередной раз подумал воин и кивнул бальзамировщику, как ни в чём не бывало. Затем он отдал приказ воинам возвращаться.

Отряд вернулся в храм уже с наступлением сумерек. Далеко в некрополе тонко подвывали шакалы. Со стороны песков доносились голоса других тварей, о которых Павах старался не думать.

– Итак, мне проводить тебя к телу? – учтиво осведомился бальзамировщик, подходя к бывшему телохранителю.

Воину не понравился этот спокойный выжидающий взгляд. А ведь он просил жреца разобратся с мумией без него буквально вчера! Паваха снова как будто испытывали. Сил смотреть ещё и на останки Сенахта у него сегодня не было, но он упрямо вскинул голову и ответил:

– Да, проводи, мудрый.

– Как тебе будет угодно, – кивнул жрец и поманил его за собой.

Вдвоём они прошли по обветшалым помещениям внутрь и куда-то вниз. Здесь фрески с изображениями Западного Берега были обновлены свежими красками. Перед статуями Ануи, внушавшими Паваху священный трепет, стояли вино и пища и курились благовония. Ароматный дым вызывал странное удушающее ощущение. Взгляды Стража Порога и его свиты казались воину осуждающими, пугающими. Но нет – это была всего лишь игра света и теней, ведь лица и звериные морды на фресках оставались столь же умиротворёнными, какими и были изображены рукой древнего художника.

Верховный Жрец привёл воина в сакральное закрытое для непосвящённых место – залы подготовки. Здесь рельефы содержали священные тексты с описаниями искусства сохранения тел для вечности. Как и большинство рэмеи, тем более благородных, Павах был образован, но и он не понимал многого из написанного и изображённого здесь. Да он и не пытался вчитываться, лишь силился собрать всю свою волю для того, что ему предстояло совершить.

Они прошли зал омовений и оказались в зале с бассейнами, наполненными каменной солью и благовониями. Рядом с одним из бассейнов на столе лежало высушенное тело, местами грубо облепленное глиной. Лицо его было закрыто безликой гипсовой маской. Павах поморщился, не в силах поверить, что эта жалкая хрупкая форма – всё, что осталось от высокого крепкого воина, рыбацкого сына Сенахта, близкого друга царевича. Весёлый, статный молодой мужчина, немного грубоватый в силу своего простого происхождения, Сенахт на многих производил приятное впечатление. Девушки так и вовсе обожали этого добродушного великана. В бою он был страшен, как один из Ануират, но в обычной жизни отличался спокойствием и рассудительностью. Сенахт был сильнее Паваха и даже сильнее Метджена, но в последнем бою его, как и господина, поджидало предательство, сгубившее обоих.

– Нам удалось добыть священную глину из ближайшего храма только на днях, – пояснил бальзамировщик. – Поэтому мы ещё не успели вылепить подобающую форму там, где не достаёт плоти. И мы не знаем, как восстановить его лицо, чтобы душа узнала своё тело – некому рассказать нам, как он выглядел.

Павах закусил губу. Да, он мог бы рассказать... Но ведь тело необходимо уничтожить, разбить форму, чтобы о предателе не осталось памяти!

О предателе... На самом деле, о единственном, кто до конца остался верен наследнику...

Верховный Жрец поднёс Паваху молот и топор. Воин непонимающе посмотрел на него.

– Ты ведь хотел совершить правосудие, – бесстрастно произнёс бальзамировщик и вложил в его руки простые инструменты, сейчас казавшиеся более жуткими, чем самые изощрённые орудия пыток.

Павах отложил топор, покрепче ухватил молот и приблизился к телу. Гипсовая маска – да, это должно быть легко. Он занёс молот, чтобы раскрошить и маску, и череп. Некстати Паваху вспомнилось обычно такое доброе открытое лицо, искажившееся от гнева и презрения, когда Сенахт осознал предательство и бросился защищать своего господина. Даже тяжело раненый Метдженем, он продолжал биться. С уст Сенахта не слетело ни одного проклятия в сторону бывших товарищей по оружию – он лишь яростно отбивался от нападавших людей. Но и взгляда его было достаточно – взгляда, перечеркнувшего долгие годы их дружбы. Да, Сенахт истово возненавидел их обоих – тех, к кому так тянулся и с кого брал пример в своей службе царевичу, – и был прав.

Павах почувствовал, как дрогнули его руки, а на глазах выступили слёзы. Он опустил молот и упал на колени, содрогаясь в беззвучных рыданиях. Нет, он не мог обречь своего брата по оружию на забвение, предназначавшееся для похороненного с почестями Метджена и для него самого.

Через некоторое время воин почувствовал на плече тяжёлую руку бальзамировщика, к счастью, всё ещё обтянутую льняной перчаткой.

– Страж Порога запомнит твоё решение, воин, – тихо произнёс жрец. – Но что ты скажешь нашему Владыке?

Павах беспомощно пожал плечами, хватая ртом воздух.

– Не знаю... – хрипло прошептал он. – Но если ты никому не расскажешь... я набросаю для тебя его портрет, как смогу... чтобы душа узнала тело и не потерялась.

Бальзамировщик взглянул на гостя с немалым удивлением... и с одобрением. Он принёс письменные принадлежности, сел рядом с Павахом у стола, на котором покоилось тело, и развернул свиток бумажного тростника.

– Расскажи мне, – попросил он. – Сделаем набросок вместе. Ты скажешь, похож или нет.

Павах придвинулся ближе, закрыл глаза, вспоминая лицо Сенахта до мельчайших черт, и начал рассказывать. В эти мгновения ему казалось, что взгляды с фресок стали немного мягче.

Поступок воина изменил мнение Перкау о нём. Всё оказалось сложнее, куда как сложнее, чем он предполагал. Нужно было расспросить Хэфера подробнее, но царевич приходил в себя редко и ненадолго, и лишний раз тревожить его не хотелось.

Когда они закончили с портретом Сенахта, бывший телохранитель отправился отдыхать. Жрец, хоть и тоже падал с ног от усталости после минувшего дня, поспешил навестить особого гостя. На время пребывания здесь отряда Паваха бальзамировщики бережно перенесли царевича в одно из заупокойных святилищ в некрополе и устроили ему там временное жилище. Наследник даже не заметил разницы, так тяжело было его состояние. А солдаты не стремились осматривать гробницы, тем более что служители Ануи сами с готовностью показали им и храм, и плато некрополя, и вообще оказывали любое содействие, достойное посланников Императора.

Сейчас за Хэфером ухаживала Лират, самая старая жрица общины, прежде возглавлявшая обитель. Она-то и встретила Перкау на пороге маленького святилища, встревоженная и мрачная.

– Я уже думала послать за тобой, – сказала женщина, хмурясь, – хоть и понимаю необходимость не привлекать лишнего внимания.

– Как он? – спросил Перкау, вступая в полумрак покоев.

– Не приходит в сознание почти сутки, – сухо ответила жрица. – Огонь его жизни снова начинает меркнуть.

– Но этого не может быть!

– Посмотри сам. Тебе не понравится, что я скажу... но нам нужна Тэра.

– Исключено, – Перкау резко покачал головой. – Она и без того вложила в исцеление слишком много себя. Мы должны справиться своими силами. В конце концов, мы – посвящённые жрецы!

Тонкие губы жрицы сжались в напряжённую линию.

– Мы рискуем потерять его.

– Не заставляй меня выбирать...

– Ты знаешь, что можно сохранить обоих, – заметила Лират, заглядывая жрецу в глаза. – Ты ведь и сам думал о... выгоде, которую можно извлечь из этой истории, не так ли?

– Если это можно назвать выгодой, – Перкау невесело усмехнулся и опустился на циновки рядом с царевичем.

Дыхание наследника было едва различимо. Даже в тусклых отблесках светильника бросалось в глаза, каким измученным и напряжённым было его осунувшееся лицо. Перкау не понравилось это совпадение – Хэферу стало хуже с прибытием имперского отряда и его бывшего телохранителя. Очевидно, Проклятие Ваэссира сплело между ними некую связь... Но ведь она должна была принести пользу наследнику, а не навредить ему!

Перкау снял перчатки и провёл ладонями над телом царевича, прощупывая энергетические центры. Затем он кончиками пальцев задействовал несколько точек, хотя понимал, что Лират и сама уже сделала всё, что могла. Тихим голосом жрец начал читать воззвание к Стражу Порога, нащупывая с таким трудом найденную, но снова ускользавшую нить жизни царевича. В этот момент Хэфер, до конца не приходя в себя, отрывисто, едва слышно зашептал что-то. Бальзамировщик склонился к нему, чтобы разобрать слова, и вздрогнул. Царевич звал ту, имя которой он даже не знал, – свою «путеводную музыку». Перкау медленно распрямылся и поднял глаза на Лират. Жрица развела руками и проговорила:

– У нас нет выбора. Хотя бы Расскажи девочке – она имеет право знать.

– Я знаю, что она выберет, – печально ответил жрец. – В том-то и дело...

Лират сочувственно посмотрела на него и покачала головой:

– Мой друг, ты ведь всегда знал, с того самого дня, как священный пёс привёл тебя к мёртвой женщине и её младенцу. Ещё до того, как начал обучать, ты знал, что на много лет переживёшь её.

– Но я не хочу думать, что она пришла к нам только за этим, для одной только цели, пусть даже эта цель – спасти будущего Владыку Таур-Дуат! Неужели лишь потому Смерть защищала её все эти годы?

– Мы не можем знать этого, – мягко ответила жрица. – Я уже говорила тебе: возможно, получится сохранить обоих. При определённом стечении обстоятельств.

– При определённом стечении... – вздохнул бальзамировщик.

– Она не простит тебе, если ты не расскажешь ей. И не тебе вставать на пути воли Ануи, – предупредила Лират.

– Знаю, – голос Перкау прозвучал необычно резко. – Я должен всё это обдумать.

– Время пока есть. Отряд Владыки отбывает только через день. Мы удержим его, – она кивнула на безжизненное тело царевича. – Пока...

Последнее слово повисло в воздухе. Перкау и самому уже было ясно, что без чуда, явленного Стражем Порога через Тэру, они не сумеют вернуть Хэфера к жизни.

Второй день прошёл в разговорах и расспросах. Жрец снова пересказал Паваху то, что видел, умолчав при этом о Хэфере, прибытии первого имперского отряда, и, конечно же, о своей ученице Тэре. Вместе с Перкау воин обошёл весь храм и теперь выглядел совсем потерянным, вздыхая о том, что же расскажет Императору. Сжалившись над ним, Перкау набросал для Владыки небольшое послание со своим скудным рассказом. По общему уговору темы с мумией Сенахта было решено не касаться.

На третий день отряд покинул храм. Павах из рода Мерха прощался сбивчиво и с явным облегчением, хоть и заметно опечаленный тем, что не обнаружил здесь ничего стоящего.

Стоя в тени старой сикоморы, Перкау наблюдал за отбытием отряда и ещё долго смотрел вслед лодкам, направлявшимся в сторону Кассара. Послушники и жрецы вернулись к своим делам. Псы, успокоенные отъездом посторонних, отдыхали в прохладных внутренних помещениях. Тэра и ещё двое послушников обсуждали приход воинов за работой в саду. В эти дни девушка пряталась в некрополе, чтобы не вызывать лишних вопросов, и поэтому теперь жадно слушала рассказы своих товарищей.

И только Верховный Жрец был мрачен и задумчив. Давно, очень давно здесь не бывало гостей. Живые почти забыли этот храм, а Владыка, возможно, и вовсе не знал, что здесь сохранилось хоть что-то – до недавних событий. Теперь к их уединённой обители были прикованы взгляды Богов и кто знает каких ещё сил. Сначала отряд Нэбвена, теперь этот... и неожиданные ценные дары Императора. Перкау вздыхал, качал головой и думал о том, что сделал, и какие это будет иметь последствия.

Тэра тихо подошла к нему и остановилась рядом. Жрецу не нужно было видеть ученицу, чтобы почувствовать её присутствие. Любой здесь ощущал волю Стража Порога, которую она пропускала сквозь себя.

– Ты так и не рассказал им? – тихо спросила девушка. – Ни им, ни тем, другим? Но почему? Владыка ведь ищет сына. Разве мы не должны помочь ему?

Перкау ответил не сразу. Он всё никак не мог решиться рассказать ей тревожную новость о Хэфере и выбирал слова осторожно.

– Такова воля Ануи, девочка моя. Страж Порога укрыл наследника в своих тенях, и не нам снимать этот покров, – подумав, он осторожно добавил: – Мы не знаем даже... сумеем ли исцелить его.

– Нет, нельзя думать так. Он обязательно поднимется на ноги! – горячо возразила Тэра и опустила взгляд. – Но я всё думаю... не нарушаем ли мы волю Императора, скрывая наследника здесь? Он, должно быть, убит горем... пусть даже он и живое Божество...

Жрец грустно усмехнулся.

– Да, тяжёлый выбор. Но что страшнее – нарушить волю Владыки или самого Стража Порога? Ануи выразил Своё желание недвусмысленно. И ты видела, как вели себя псы.

– Да, это... удивило меня и испугало. Я наблюдала за псами, прежде чем скрыться, учитель... Мне показалось, что они выказали недовольство не всем отрядом. Я могу ошибаться, но...

– Мне тоже так показалось. Мы принимали воинов Императора в нашем доме, но я знал точно, что их нельзя впускать в наши тайны.

– А что мы будем делать, если они вернуться?

– О, они непременно вернуться. И мы будем очень внимательно наблюдать за знаками Псоглавого.

Тэра почтительно склонила голову, а потом украдкой посмотрела на статуи Ануи у входа в храм.

– Передавать вести Императору сейчас небезопасно, – добавил жрец. – Враг где-то рядом, и он может носить любую маску.

Перкау медлил. Тщательно всё взвесив, он направил ещё одно послание Владыке – тайное, со скрытым предупреждением – через бальзамировщиков Кассара, которым доверял. Сейчас же ему надлежало понять, как далеко он готов был пойти, чтобы спасти жизнь наследника. Лират считает, что Тэра не простит ему. Да, девушка очень привязалась к их высокому гостю, хотя они даже не говорили – по крайней мере, не словами. Да и возможно ли было не привязаться друг к другу, сплетаясь душами настолько, как это требовалось, чтобы спасти наследника? Жрец отчаянно боялся, что подобное чувство приведёт его ученицу к гибели. Так и не решившись, Перкау молча обнял девушку и повёл внутрь храма. В очередной раз он подумал, сколько бы всего Тэра сумела совершить, будь ей открыты все пути обучения священнослужителей, и не здесь, а в лучших храмах Империи. И снова в его разум закралась робкая мысль... и снова Перкау отбросил её до поры, ведь чтобы исполнить это, требовалось открыть их тайну.

Старый чёрный пёс, свернувшийся в ногах у девушки, глухо гавкнул. Его голос с годами потерял былую звонкость, но остался устрашающим, даже когда он приветствовал друга. Тэра приподнялась на локте и прислушалась. Через некоторое время раздался стук в дверь. Пёс лениво вильнул хвостом, давая девушке понять, что не чувствует беды.

Тэра поднялась с ложа и зажгла пару светильников, разогнавших уютную темноту. Золотистые огни осветили полки со свитками и небольшой шкафчик, украшенный резными лотосами, в котором девушка хранила свои письменные и косметические принадлежности. Станки были открыты, и ветер из храмовой рощи играл с тонкой расшитой серебряной нитью кисеёй на окне.

Тэра, ёжась, накинула простую длинную тунику, подошла к двери и отперла её.

– Учитель, – она тепло улыбнулась.

Перкау прошёл в небольшую комнату, которую девушка часто делила с храмовыми псами. У священных собак было собственное место для сна, но звери любили приходить к ней. Пара глиняных мисок с водой неизменно стояла на полу у окна, чтобы псы могли утолить жажду, когда им будет угодно. Низкий подоконник позволял им беспрепятственно покидать комнату и возвращаться, когда вздумается.

Пёс-патриарх, давний спутник Тэры, лениво слез с её ложа и подошёл к жрецу за порцией ласки. Перкау почесал его за острыми ушами, но продолжал пребывать в мрачной задумчивости. Прибытие воинов Императора сильно встревожило его, но, похоже, дело было не только в этом.

– Что печалит тебя? – с тревогой спросила девушка. Боясь предположить самое страшное, она заговорила о другом: – Он заподозрил что-то?

– Не больше очевидного: что не я вернул его, и не кто-либо из остальных четверых посвящённых жрецов нашей небольшой обители, – вздохнул Перкау.

– Мы можем сказать, что Страж Порога явил Свою милость через наших братьев и сестёр, которые уже отбыли в другой храм.

– Возможно, так и скажем... Но дело не в его подозрениях.

Тэра ощутила холодный укол тревоги и испытующе посмотрела на жреца, который вырастил её и обучил. Перкау колебался, но это были уже лишь отголоски сомнений. Решение он явно принял ещё до того, как пришёл к ней.

Бальзамировщик подошёл к своей ученице и погладил её по волосам – девушка укладывала их в традиционную причёску рэмейских жриц. По тому, как Перкау нахмурился, Тэра поняла, что он заметил: за все те ночи, которые она провела у ложа умирающего царевича, в её волосах стало намного больше серебра, чем золота. Но её мышцы были по-прежнему сильны, и кровь бежала по жилам так же стремительно, как и прежде. Девушка хотела успокоить жреца, сказав ему об этом, но тот нарушил тишину первым.

– Я не посмел бы просить тебя сейчас, когда дыхание Западного Берега и без того проникает в тебя всё глубже... Но, девочка моя, ты отмечена небывалым Даром Стража Порога, а он умирает без твоей музыки. Ни я, ни остальные не можем удержать его. Возможно, лучше было бы отпустить его, но тогда и узор судьбы нашей земли будет ткаться по-иному. Я вынужден сказать тебе об этом, хотя и зарекался.

– Но я ведь уже вернула его по воле Ануи, – потрясённо прошептала Тэра.

– Смерть стоит у его ложа, и её дыхание понемногу заставляет угасать неукротимый огонь в нём. Поначалу он, казалось, пошёл на поправку, но похоже, что больше не в силах сражаться один. Я слишком рано отстранил тебя от дел и держал в неведении.

– Ты защищал меня и нашу тайну.

– В запретах наших предков заключено немало истины. Жреческое искусство пьёт жизнь твоей плоти. Наследие наших древнейших предков не защищает тебя.

– Мы оба знаем это. Но вся моя жизнь – здесь, в моём служении, – она обвела рукой комнату, захватив единым жестом и Перкау, и псов, и храм за стенами, – и жизнь эта полнее, чем у многих. Пусть по Закону я не могу пройти полное посвящение, душой я – жрица.

Слёзы блеснули в глазах Перкау.

– Душой, родной и мне, и нашей земле. Когда бы в моих силах было совершить... – он резко осёк себя. – Я пришёл к тебе не ради моих сожалений. Садись, я расскажу тебе всё, что знаю об этом, и ты сама решишь, что для тебя важнее.

– Я давно уже выбрала слушать голос Стража Порога, – мягко возразила Тэра, опускаясь на ложе рядом с учителем. – Его воля была однозначна, разве нет?

– Иногда я думаю: лучше бы твоим псам и вовсе было не приводить тебя к нему в тот день.

– А другому псу – не приводить тебя к убитой женщине, укрывшей в своих объятиях едва живого младенца, – усмехнулась Тэра. – Согласно Закону, и Смерть, и Жизнь благословенны, когда следуют друг за другом гармонично. Моя смерть тогда была бы гармонична? Страж Порога решил иначе. Иную судьбу он уготовал и этому мужчине из рода Эмхет. Ещё недавно ты назвал то, что мне удалось, чудом.

– Так и есть. Но торопить твой срок – это выше моих сил...

Тэра обняла Перкау с теплом и благодарностью.

– Ты боишься, что нарушил Закон. Но ведь именно благодаря тебе я стала той, кем должна быть, пусть и тайно.

– Если кто-то узнает об этом, нас всех ждёт суровое наказание.

– Никто не узнает, раз не узнали за все эти годы.

– Братья и сёстры в нашем храме не раз жалели, что мы не смеем посвятить и тебя. Талант жрицы сияет в тебе так ярко! Но мы не можем позволить себе даже небольшой риск. А появление царевича Эмхет способно приоткрыть завесу тайны, так тщательно оберегаемой все эти годы.

Тэра позволила себе улыбнуться.

– Мне не страшно. А ты обещал рассказать мне про золото его глаз.

– Их золото померкло, но в нём всё ещё видны отсветы Ладьи Амна и благодатного света первого Владыки Эмхет.

– Возможно даже, он открыл тебе своё имя?

– Открыл, и тебе положено узнать его, если мы хотим скорейшего исцеления. Имя, вплетённое в молитвы и ритуальные формулы... Ты сама знаешь, как это важно.

Девушка кивнула, чувствуя внутри тепло от предвкушения.

– Я не могу забыть нашего гостя хоть ты и держал его состояние от меня втайне, – призналась она. – Сколько дней прошло, а я продолжаю надеяться сама не знаю на что. Все дела путаются в моих руках. Кажется, скоро я даже начну путать слова ритуальных гимнов. Мне сложно держаться на расстоянии и не пытаться узнать о судьбе этой прекрасной души. Никто никогда не смущал мои мысли настолько... возможно, потому, что ни для кого мне не доводилось совершать того, что я сделала для него.

Перкау тепло усмехнулся.

– Ты никогда даже не говорила с ним и не смотрела ему в глаза.

– Я видела его суть, когда убеждала его вернуться. Моё сердце тянется к нему. Как будто мы уже знали друг друга прежде.

– Если он узнает нашу тайну, тень накроет не только нас с тобой, но и весь этот храм.

– Он не накликает на нас беду, я точно знаю это, – ответила Тэра, чувствуя небывалую уверенность, правильность своего выбора. – Если тень и придёт, то не по его воле.

– Ох, девочка... Страж Порога предназначил нам в Своих планах роль даже важнее, чем та, к которой мы были готовы. Всё это время мы жили уединённо, а теперь, похоже, втянуты в дворцовый заговор. Тот, кого ты спасла, – не просто член семьи Владык, в жилах которых течёт кровь благословенного Ваэссира. Мы стали невольными участниками событий, в которые вовлечены силы могучие и опасные. Их жертвой должен был пасть Хэфер, наследник трона Таур-Дуат. Кто-то хотел погибели старшему сыну Владыки нашего Секенэфа, да будет он вечно жив, здоров и благополучен. И мы помешали этой погибели наступить, хотя наше дело – лишь оберегать священный покой мёртвых Западного Берега да готовить тела умерших к перерождению.

Девушка замерла, недоверчиво глядя на учителя, а потом перевела взгляд на чёрного пса. Тот всё это время слушал разговор очень внимательно. Чёрные шакалы и псы считались глазами и ушами Ануи, Владыки Мёртвых, на земле. По легендам, именно его псы проводили души по опасным тропам Западного Берега на иных планах бытия. Тем более символично было, что этот пёс привёл Перкау к маленькой Тэре когда-то, и он же указал ей дорогу к месту нападения на царевича Хэфера. Спасти и провести душу...

– Царевич, назначенный Владыкой в преемники... Что ж, значит, Страж Порога тем более не простит нам ошибки, если мы такую посмеем допустить, – сказала Тэра, не сомневаясь ни мгновения, и поднялась. – Я возьму с собой лиру и позабочусь о том, чтобы он никогда не увидел моего лица. Отведи меня к царевичу, учитель.

Перкау посмотрел на неё со смешанным чувством – гордости и глубокой печали одновременно – и медленно кивнул.

Верховный Жрец Перкау обещал, что, возможно, путеводная музыка ещё зазвучит для него. Она вернулась к нему во снах – манящая, тихая, но настойчиво пробуждающая силу жизни в его измученной плоти. Она помогала разжечь огонь его дыхания и ускорить потоки животворных вод в его теле. Она отгоняла пугающие тени, которые снова стали его неизменными спутниками.

Хэфер жалел лишь о том, что не мог приблизиться к ней. Иногда ему казалось, что музыка обретала плоть и касалась его тела так же, как касалась его духа – нежным согревающим объятием, едва ощутимым пожатием рук, тонкими пальцами в волосах. Жрецы опаивали его целебными снадобьями, позволявшими уберечь и накопить силы телу, но замутнявшими разум. Границы между сном и явью почти стёрлись. Он не различал, где была жизнь, а где – лишь мечта о жизни.

По мере того как силы понемногу возвращались к нему, Хэфер снова начал приходить в себя. В редкие мгновения бодрствования с ним говорил Перкау. Но жрец оставался безучастным к любым его просьбам о том, чтобы узнать музыку ближе. Хэфер копил в себе силы, чтобы проснуться и познать не только духом, но и своими земными чувствами то, что происходило рядом с ним, пока он пребывал между жизнью и смертью. Он страстно желал этого, но и боялся – что если это был лишь сон?

Однажды ночью ему удалось преодолеть навязчивую болезнь и снадобьями полузабытьё. Комната была погружена во мрак, глубокий даже для глаз рэмеи. На краю его ложа сидела женщина и пела тихую песню, аккомпанируя себе на ритуальной лире. Хэфер не видел ни рук жрицы, ни тем более её лица, скрытого покрывалом, но запомнил земное воплощение её голоса, духовное отражение которого он успел узнать так хорошо и близко.

Царевич чуть улыбнулся, почувствовав необъяснимую радость. «Значит, воля Стража Порога, отогнавшая мою смерть, всё же имеет облик и на земле...» – подумал он, снова проваливаясь в сон.

Глава 6

4-й месяц Сезона Половодья

Они сидели во внутреннем саду у фонтана с лотосами, – это место прекрасно подходило для размышлений и уединённых бесед. Ветер играл рябью на воде, целовал лепестки белых цветков, шептался с ветвями тамарисков... Солнечный свет, лившийся сквозь густую листву раскидистых сикомор, ласкал кожу.

Анирет, расположившаяся у ног отца, чувствовала спиной исходившие от него надёжность и защиту. Горечь утраты не сумела пошатнуть столп, на котором держалось благополучие Таур-Дуат. Император по-прежнему был силён... и опасен для своих врагов. Но многие при дворе уже начинали задумываться, отчего Владыка до сих пор не предпринимал никаких действий против мятежников и сдерживал боевой пыл своего сына. Ренэф жаждал совершить военный поход на Лебайю. Он не скрывал своих настроений перед вельможами и военачальниками. Разве не желал мести сам Секенэф? Тот же вопрос заботил и царевну.

Сейчас Владыка отдыхал от дневных забот, пребывая в собственных думках. Когда отряд Паваха вернулся ни с чем, Император был страшно разгневан. И хотя гроза быстро миновала, Секенэф стал ещё менее разговорчив, чем со дня получения страшной вести о гибели Хэфера. Что-то происходило внутри него, но пока воля Императора не давала этому выхода.

– Что ты думаешь о втором послании бальзамировщиков, отец? – тихо спросила девушка, поднимая голову.

Помимо письма жреца, которое доставил Павах, немногим позже прибыло ещё одно небольшое зашифрованное послание.

Золотые глаза Секенэфа сузились, и взгляд, подёрнутый дымкой раздумий, прояснился, стал острым и хищным, как у сокола – священной птицы их предка Ваэссира.

– Речи жрецов Стража Порога осторожны. Они боятся говорить открыто, однако их скрытое предупреждение своевременное.

– Ты хочешь вызвать их в столицу на разговор?

– В том нет нужды. Мне очевидна их лояльность – они по собственной воле проводили верных мне солдат даже в помещения, не предназначенные для непосвящённых. Дважды. В обычных условиях жрецы ревностно хранят свои тайны даже от императорской семьи. Этот акт доверия я не могу не отметить. К тому же, храм и некрополь лежат на *моей* земле. Хэфера там нет...

Анирет опустила голову. Она всё ещё надеялась.

– Никто не сможет пересечь тамошние границы без моего ведома, – продолжал Император. – И никто их не покинет. О том я позаботился. Моё внимание нацелено на границы с Лебайей. Иногда, чтобы получить желаемое, нужно нанести быстрый удар. Иногда же... необходимо выждать, подобно тому, как выжидает лучник, наблюдая за целью, выбирая нужный момент.

– Никто не смеет упрекнуть тебя в бездействии. И я не посмею тем более.

Владыка вздохнул:

– Горе ослепляет меня, но я непременно пойму, куда указывает мне псоглавый Бог, найду источник угрозы. А пока будь очень осторожна. Нет ничего хуже войны, начавшейся в собственном доме.

– Но мы хорошо защищены. Думаешь, эльфы могут нанести ещё один удар изнутри? – испуганно прошептала Анирет.

– Не только эльфы, милая, – Император усмехнулся и погладил дочь по голове. – Я много лет сражался с ними и много лет вёл с ними дела. Есть среди них и более достойные и более благородные, чем некоторые из моих подданных.

– Мне казалось, ты должен ненавидеть их...

– Многим казалось так. Каис, – он произнёс это имя с неизменным теплом, – погибла во время войны с потомками фэйри, это правда. Но не их стоит за это винить, а своих. Точнее, тех, кого мы считали своими.

– Я... не знала, – потрясённо вымолвила Анирет.

– Легко вложить оружие в руки старого врага и представить дело соответствующим образом. Куда как сложнее – разобраться в том, что в действительности произошло. Мать Хэфера погибла от рук рэмеи – тех, кто воспользовался смутным временем и так жестоко напомнил мне о необходимости сохранения силы крови в императорском роду.

Его губы сжались в узкую полоску, а лицо стало точно у каменной статуи. В глазах же тлели искры давным-давно подавленного гнева. Анирет не отодвинулась от него, но не решилась задавать вопросы, потому что даже ей сделалось не по себе.

– Какая ирония, не правда ли? – продолжал Император. – Наш народ так ценит... Любовь. Наш народ ожидает, что наследники Ваэссира будут обретать воплощение Золотой в своих царицах, ведь только в божественном, осиянном свыше союзе возможно зачать наследника крови. Владыка может получить любую женщину в пределах Таур-Дуат, и почти любая почтёт это за честь. Но не Владыка выбирает себе царицу... Это не упомянуто в Законе, но так есть. Магия, текущая в жилах древних родов, и древо душ каждого такого рода имеет значение. Дабы не померкла Сила в крови наследников Ваэссира, мы должны брать в жёны тех, кто ведёт свой род со времени Первых Договоров. Позволено ещё жениться на женщинах из побочных ветвей рода Эмхет, если в них сильно наше прошлое наследие. Неважно, кого мы любили на самом деле, союз Ваэссира Эмхет и Золотой Хэру-Хазйат освящал рождение каждого наследника... Иногда кто-то из нас шёл против ожиданий, выбирая себе супругу по сердцу и не ища утешения в объятиях других. Не всегда... но бывало, что за это приходилось дорого платить. Власть Императора зиждется не только на божественном происхождении и на том, что мы воплощаем, пропускаем сквозь себя на земле, но и на нашем окружении. Это как тело, содержащее блистательный дух – искру первого Эмхет. Но если тело поражено болезнью, если оно восстаёт против духа – оба страдают.

– Поднять руку на одного рода Эмхет – кощунство, за которое карают Боги, – прошептала Анирет.

Всё это время её мучил один вопрос: Боги ли наказали Арелей, стоявших во главе заговора против Хэфера?

Она знала, что изувеченное тело Метджена и едва живого Паваха нашли в дальнем поместье эльфийского торговца Тремиана Ареля. Но, как и многие при дворе, она не до конца понимала, к чему были такие зверства – уже после того, как израненных после нападения телохранителей пленили. Павах говорил, что никаких ценных сведений об императорской семье у них вызнать не пытались. Жестокость была бессмысленной и могла быть продиктована разве что мстостью за что-то. Как бы то ни было, спросить за эти преступления было не с кого – никто из Арелей так и не предстал перед судом Владыки, предпочтя умереть раньше. Но все доказательства говорили против них.

Император был разгневан и опечален, но не больше, чем дядюшка Хатепер, друживший с Тремианом. Анирет помнила, что после того как Великий Управитель тщательно осмотрел доставленное солдатами тело, он о чём-то долго говорил с её отцом. Что сделали с останками Арелей после того, как солдаты доставили их Императору – были ли они осквернены за измену или же переданы в Данваэннон – царица не знала и не посмела спрашивать.

Секенэф меж тем грустно рассмеялся.

– Ты даже не представляешь себе, какими благородными целями мужчины и женщины порой оправдывают даже самые низкие свои поступки. А иной раз никакой высокой цели и не требуется, но тогда и до божественного наказания таким преступникам нет дела. Вот для чего

есть суд земной, но он тоже должен быть справедлив. У меня есть свои подозрения, но я не могу позволить боли править моими суждениями. Я выжду... и нанесу удар точно в срок.

Его взгляд снова стал холодным и хищным, и у царевны не осталось сомнений, что Владыка уже наметил цель. И тогда она задала другой беспокоивший её вопрос:

– Почему ты не назовёшь Ренэфа своим наследником?

Император нахмурился и отмахнулся.

– Потому что он пока не готов. Владыка – это не только солдат, это ещё и целитель своей земли. Если я дам Ренэфу волю, он развяжет новую войну с нашим могучим соседом по ту сторону гор, как когда-то сделал мой отец. На моём веку наш народ достаточно напоил землю кровью. Сейчас Таур-Дуат нужен правитель, имеющий мудрость и милосердие. Мне пришлось научиться сочетать в себе и то, и другое. Хэфер... – его голос дрогнул, но потом снова зазвучал твёрдо, – Хэфер был в большей степени целителем земли, чем военачальником. Но и он способен был в случае нужды призвать разрушающую силу Сатеха, Отца Войны. Я знаю это, пусть некоторые и сомневались в нём.

– Но Хэфера... больше нет, – с усилием произнесла Анирет. – Ренэф – твой следующий наследник.

Секенэф протянул ей руку и заставил подняться, а потом усадил рядом с собой. Он погладил девушку по её иссиня-чёрным волосам, провёл кончиками пальцев по рогам – по форме они повторяли его собственные, но были изящнее и легче.

– Ты можешь стать целителем, – произнёс он мягко. – Таур-Дуат не нужна новая война – это будет бедой для нас даже в случае победы, которую мы не одержим, а... *потерим*. Но ты способна обратить свой взор вглубь наших проблем, помочь стране восстановиться. Взор же Ренэфа устремлён далеко за пределы наших земель – к новым завоеваниям.

– Я не могу, – выдохнула Анирет, расширенными глазами глядя на отца. – Я – женщина, и я не последняя в нашей ветви.

– Императрица Хатши, да будет благодатным её отдых у Вод Перерождения, тоже была женщиной. И некоторые другие до неё.

– Но я совсем не желаю власти.

– И всё же в тебе есть то, что способно будет принять её, – взгляд Императора был полон искреннего сочувствия. – Я знаю, какую тяжёлую ношу возлагаю на тебя. Знаю, что лишаю тебя выбора, жизни, любви... Но лишь на тебя я теперь могу надеяться. Ты нужна мне и нашей возлюбленной земле.

Анирет почувствовала внутренний холод. Отец чуть сжал её плечи, серьёзно глядя в глаза. Он не шутил и не намерен был отступить. Весь масштаб его плана постепенно открывался перед ней. Его решения уже не казались ей недалёковидными – теперь, когда она *понимала*.

Девушка подумала об устремлениях своего сердца, о той жизни, которую она так и не сумела даже начать проживать сполна, о любви, которую теперь так и не доведётся испытать. Эмхет не принадлежали себе, но более всех – те Эмхет, что занимали трон.

В глазах застыли непрошенные слёзы, но царевна медленно кивнула, принимая выбор своего Владыки.

– Я буду просить род Таэxu о великой милости, чтобы они отдали тебе одного из своих мужчин как верного и могучего союзника и спутника, – сказал Император, запечатывая этими словами своё решение. – А когда придёт мой срок уйти на Западный Берег, вот что тебе надлежит сделать...

Наклонившись к ней, Секенэф зашептал ей одну из величайших тайн семьи Эмхет – формулу призыва Силы Ваэссира в тело.

Верховный Жрец как-то обмолвился, что когда сил наследника начнёт хватать на выздоровление, в музыке больше не будет нужды. Сам Хэфер хотел победить немощь, хотел вернуться на Берег Живых окончательно, но мысль о том, что он больше не услышит исцеляющей песни, глубоко печалила его. Скрыть выздоровление от служителей Ануи было невозможно, и потому он не мог больше медлить. Царевич вкладывал всю свою волю, чтоб хотя бы ненадолго пробуждаться ночами и *по-настоящему* слышать жрицу, если уж разглядеть её было не дано. Не раз он хотел заговорить с ней, но боялся спугнуть. А однажды удача сама пришла ему на помощь...

В ту ночь жрица снова сидела рядом и пела. В какой-то момент она тихонько отложила лиру, хотя и не прервала песнь. Хэфер не шевелился, стараясь не выдать себя даже изменившимся дыханием, и наблюдал за ней сквозь приоткрытые ресницы. Он с трудом различал в темноте её движения, поэтому можно было не беспокоиться, что она, в свой черёд, способна увидеть едва уловимую дрожь его век.

Женщина склонилась над ним, опираясь на руку, и отвела пряди волос с его лица, а потом застыла, точно любуясь, что, конечно, едва ли было возможно во мраке настолько глубоко. Кожей Хэфер чувствовал её дыхание – словно дуновение лёгкого бриза касалось его вместе с тихой песнью.

– Останься со мной, прошу, – проговорил он в темноту чуть слышно.

Жрица приглушённо ахнула от неожиданности и отшатнулась, но он успел осторожно перехватить руку, на которую она опиралась.

– Не уходи, – шёпот Хэфера нарушил шелестящую тишину. – Не бойся меня. Ты знаешь моё имя и имеешь надо мной больше власти, чем я над тобой.

Она молчала, нащупывая свободной рукой оставленную рядом лиру. Царевич зажал её пальцы между своими ладонями, осторожно, как будто держал в руках маленькую пойманную птицу и боялся сломать ей крылья. Жрица служила Ануи Стражу Порога, но сейчас на ней не было традиционных перчаток из плотного льна, которые мешали бы ей перебирать струны. Её касание было совершенно живым, вопреки народной молве о мастерах-бальзамировщиках. Вот только сейчас она очень волновалась, и её рука похолодела.

Хэфер поднёс её ладонь к губам и нежно поцеловал.

– Благодарю, что не оставила меня и вывела *оттуда*, где я был оставлен. Я никогда не забуду тебя.

Жрица коротко вздохнула и осторожно попыталась высвободиться. Хэфер удержал её.

– Ты ведь не вернёшься ко мне больше, да? – спросил он печально. – Огонь жизни разгорается во мне всё ярче, и значит, как сказал Верховный Жрец, в твоей путеводной музыке больше не будет нужды... Но она нужна мне. И я хочу узнать тебя, кем бы ты ни была.

Женщина снова попыталась высвободиться, и на этот раз он уже не посмел удержать её. Одежды жрицы прошелестели, когда она быстро поднялась и направилась куда-то во тьму.

– Я буду так рад, если ты всё же вернёшься, – проговорил он ей вслед.

Дверь скрипнула, пропуская внутрь немного тусклого света из коридора – этого было недостаточно, чтобы разглядеть что-то, кроме силуэта в тёмных одеждах. Жрица выскользнула из комнаты, оставив царевича в одиночестве.

Со вздохом Хэфер откинулся на ложе и провёл ладонью по покрывалу, ещё хранившему тепло там, где сидела жрица. Его фантазия рисовала рэмейскую деву, загадочную и прекрасную, хотя она вполне могла оказаться и пожилой дамой, умудрённой годами и тайнами своего искусства. Как бы там ни было, Хэфер чувствовал необъяснимое родство с таинственной жри-

цей. При мыслях о ней его охватывало странное томление, мало общего имевшее с влечением к женщинам, которое было ведомо ему прежде.

Ренэф торжествовал. Наконец-то отец соизволил призвать его! Сердце царевича билось яростной радостью, когда он направлялся в кабинет отца, чеканя шаг. Перед ним почтительно расступались слуги, не раз испытывавшие на себе непостоянство его характера. Царевич позволил себе несколько приветственных кивков, настолько хорошим было его настроение. «Я восстановлю честь императорской семьи, покажу прихвостням фейских отродий их место, – с воодушевлением думал молодой рэмеи. – Хэфер будет отомщён».

Ренэф очень надеялся, что ему удастся найти и вернуть останки брата. Для него это стало делом чести, которое нужно было осуществить любой ценой. Смерть Хэфера не обрадовала его, но он и не горевал – так уж сложились отношения между братьями. А вот сама мысль о предательском нападении разжигала в нём гнев. Как посмели заговорщики покуситься на наследного царевича! Проклятым эльфам не могло быть веры, он всегда это знал. Но если предательство Тремиана Ареля Ренэфа не удивляло – эльф он и есть эльф, у этих даже между собой отношения такие, что не поймёшь, союзники они или враги, – то вопрос, как удалось подкупить Сенахта, вызывал у него недоумение. Хэфер возвысил этого простолюдина до ранга личного стража и не жалел богатых подарков для его родителей. Но, похоже, рыбак оказался не так прост, как всем казалось, хотя какие он преследовал цели, приводя своего господина прямо в засаду, уже никто никогда не узнает. «Что ж, тем лучше, что Сатеховы твари покарали их всех. Вряд ли это входило в планы изменников», – с мрачным удовлетворением думал царевич, останавливаясь у дверей и нетерпеливо стуча.

Один из отцовских слуг с поклоном пропустил юношу в покои. Ренэф прошёл в кабинет, удостоив коротким взглядом лишь Восьмерых Стражей. Ануират были неким вечным атрибутом Владыки, вроде Двойного Венца или Жезла и Плети Ваэссира. Царевич привык к этим безликим фигурам в золотистых доспехах с детства и только сейчас стал задумываться о том, что и ему однажды придётся выбрать себе Стражей. Разум услужливо подкинул легенду об этих существах, которые служили трону со времён первого Эмхет и были уже не вполне рэмеи.

«Ваэссир, первый из Эмхет, божественный Владыка Таур-Дуат, спустился на землю, чтобы навсегда остаться среди тех, кого он любил и защищал. Для того пришлось ему прервать своё существование, дарованное Амном народу нэферу, и претерпеть Великое Преображение, ибо Закон не позволял могучим обитателям иных планов бытия вторгаться на план земной, дабы не внести разрушения в Ткань Мироздания.

Сама земля Таур-Дуат пела в золотом сиянии Ладьи Амна, когда Владыка Ваэссир Эмхет сошёл на неё, чтобы мудро и справедливо править возлюбленным своим народом рэмеи. Но после Великого Преображения Ваэссир стал более уязвим для своих врагов, коих было, увы, немало.

Тогда отец его, Ануи, Владыка и Защитник Мёртвых, призвал самых верных своих жрецов и говорил с ними о таинствах перерождения. После Он вложил в них искру своего божественного естества, дав их плоти силу, в которой каждый из них превосходил рэмеи, человека или эльфа. Как воины, они не знали себе равных. Клинки и даже колдовство уязвляли их плоть куда слабее, чем у других живущих. Нарекли их Ануират, Отмеченные Ануи, и помимо привычного лика имели они лик, отражавший Силу их Божества. Говорят, что и души их были изменены печатью Стража Порога, но эту тайну Ануират хранили надёжнее всех прочих.

Первые Ануират пришли к Ваэссиру, и склонились перед Ним, и молвили, что Бог обязал их охранять Владыку при жизни и после смерти. Ваэссир выбрал из них Восемь – по числу божественной тайны гармонии и вечности, и стали они Его стражами, Живыми Кли-

ками Ануи. А когда пришло время Ваэссиру переродиться в следующем своём потомке, были выбраны новые Живые Клинки. И так было для каждого следующего Владыки Таур-Дуат. Прежние стражи уходили вместе с умершим и охраняли его последнюю обитель, как охраняли самого Владыку при жизни. Таким образом, непосвящённый не мог посягнуть на тайны рода Эмхет и уж тем более – на ритуал призыва Силы Ваэссира, который до́лжно было проводить лишь наследнику по праву крови и духа.

Род же Ануират отныне рос и множился, пока крепок был их союз с родом Эмхет и пока сыновья их охраняли потомков Ваэссира, правящих их возлюбленной землёй».

Ануират предпочитали жить обособленно, закрытыми общинами. Ренэфу довелось побывать в одном из таких поселений только однажды, и по ощущениям это напоминало посещение храмов Стража Порога с их мрачными бальзамирощиками. В конце концов, этот род рэмеи был связан с Ануи, пожалуй, даже больше, чем Его жрецы. Но узнать Ануират ближе царевичу не удалось – чаще отец посещал общину со своим любимчиком Хэфером. Тем более странно было думать теперь, что однажды именно ему, Ренэфу, Ануират согласно традиции отдадут восемь своих лучших сыновей-воинов. «Интересно будет сразиться с кем-нибудь из них и узнать, действительно ли они так сильны, как говорят...» – размышлял царевич. Разумеется, с отцовскими стражами он сражаться не собирался, да они бы и не стали. Но когда у него появятся свои собственные Живые Клинки, можно будет понять, насколько сам он уступал им как воин. Хотелось верить, что ненамного, тем более что тогда в нём уже будет жить Сила его предка.

Император Секенэф склонился над столом, инкрустированным лазуритом с золотистыми прожилками, и рассматривал карты Таур-Дуат и прилежащих к ней территорий. Одет он был в длинную тёмно-синюю тунику, прихваченную золочёным поясом, а его совершенно белые длинные волосы были убраны назад и перетянуты на лбу диадемой со змедемоном-защитником. Золотые браслеты на предплечьях подчёркивали его всё ещё крепкие мускулы. Да, эти руки одинаково искусно могли управлять боевой колесницей, метать копья, натягивать тетиву и орудовать мечом. Ренэф уже пожалел, что столь опрометчиво сомневался в силе отца. Могучая энергия исходила от Императора тяжёлыми тёплыми волнами – даже сейчас, когда он не использовал её.

Царевич поклонился и учтиво проговорил:

– Хорошего утра, Владыка мой и отец.

– Здравствуй, сын, – отозвался Секенэф, поднимая взгляд от карт.

Несколько мгновений они смотрели друг другу в глаза, и царевич испытывал смешанные эмоции – трепет и нетерпение. Его раздражение на промедление отца куда-то улетучилось, уступив место предвкушению, будоражившему его тело как крепкое игристое вино. «Назначит сейчас? Или сначала проверит меня в Лебайе?» – пронеслось в его голове.

– Под твоим командованием находится уже не один отряд верных тебе воинов, – произнёс Владыка. – По праву и по заслугам ты поднялся от солдата к десятнику и даже выше, став на данный момент самым молодым командиром взвода в армии Таур-Дуат²¹. Есть чем гордиться, царевич. Говорят, ты хорошо зарекомендовал себя как лидер, хотя тебе ещё не доводилось отправляться на самостоятельное серьёзное задание.

Ренэф чуть склонил голову.

– Я готов. Тебе стоит лишь приказать, Владыка.

– Об этом я и хотел говорить с тобой сегодня, – кивнул Император. – Подойди ко мне и посмотри сюда.

---

²¹ Ренэф – младший военачальник, командир взвода, насчитывающего 50 воинов. Однако титул царевича также даёт ему некие привилегии, в том числе и возможность в некоторых случаях говорить на равных с генералами.

Царевич коротко вздохнул и приблизился к столу. Разумеется, ничего нового для себя в картах юноша не увидел – он изучал их десятки, сотни, тысячи раз в ходе обучения. Но сейчас, стоя рядом с Владыкой, Ренэф нутром почувствовал важность происходящего – настолько же остро, насколько ощущал исходившую от отца Силу. Неужели и он когда-нибудь станет вместилищем энергии настолько мощной? Была ли это только лишь энергия предка, или могучий дух самого Секенэфа тоже проявлял себя в ней? Ренэф расправил плечи, напоминая себе, что он и сам был потомком Ваэссира Эмхет, что в его жилах тоже текла золотая кровь Богов.

Секенэф придвинул к сыну небольшую карту северо-восточных границ Империи: на ней были изображены почти все земли до самого горного хребта Маэлдаз, за исключением нескольких пограничных территорий, оставшихся нейтральными. Палец Императора с аккуратно подпиленным когтем указал на маленькую, но очень значимую... нет, Ренэф даже не мог назвать её страной.

– Лебайя по сути не является целостным государством, но состоит из нескольких самостоятельных городов, – сказал Владыка. – После войны одним из условий мирного договора было оставить эту территорию нейтральной, хотя ни для кого не было секретом, что некоторые люди Лебайи находят нашего эльфийского соседа более привлекательным, чем нас. Взамен часть территорий, граничащих с лесами Данваэннона по ту сторону гор, также были оставлены нейтральными. Сделано это для целей, которые ты как военачальник отлично понимаешь: в случае военного столкновения нейтральные территории принимают войска противника, и на их землях не только квартируются солдаты, но и вершатся необходимые ритуалы. Обе стороны конфликта принимают это условие. Таков древнейший способ ограничения власти друг друга и одновременно – своего рода жест доброй воли.

Ренэф нетерпеливо кивнул:

– Но теперь Лебайя нанесла нам удар в спину – при попустительстве эльфов – и, следовательно, не может считаться нейтральной.

– В этом нам и предстоит разобраться. Много лет наши воины не приходили в Лебайю с оружием.

– Как видно, зря!

Секенэф осёк его даже не словом, а коротким обжигающим взглядом.

– Дослушай, потом выскажешься, – спокойно сказал Император. – Ты прав, мы действительно должны напомнить людям Лебайи о нашей силе, но сделать это нужно деликатно. Я хочу направить твой отряд в ближайший лебайский город – Леддну, – Секенэф ткнул когтем в точку на карте, обозначавшую приграничный город. – Как бы ни были самостоятельны городские центры, они всё же контактируют между собой. Твоё прибытие внушит достаточно страха и уважения, чтобы градоправитель выдал тебе всё, что знает о нападении на твоего брата. И если останки его были переправлены в Лебайю... люди должны передать тебе их или хотя бы сообщить о местоположении.

– А если они были переправлены в Данваэннон? – уточнил Ренэф.

– В этом я имею основания сомневаться, сын. Как бы то ни было, наёмники были родом из Лебайи. Узнай всё, что сможешь, об этом, повели местным покарать заговорщиков своими силами, пока за дело не взялись мы. Напомни людям, *чьи* границы проходят совсем рядом с ними.

– О да...

– И, Ренэф...

Царевич поднял взгляд, глядя на отца.

– Ты не должен развязывать военный конфликт, – сухо сказал Император. – Это – приказ, понятно? Когда придёт время воевать, я скажу.

Ренэф помедлил с ответом, думая о том, что говорил своей матери. Между тем, чтобы «устрашающе побряцать оружием», как это называлось у политиков, и тем, чтобы пройтись по

земле неприятеля огнём и мечом, пролежала пропасть. Царевич мечтал о мести, но Император просил его совершенно об ином.

– Ты понял меня, сын? – настойчиво повторил Владыка.

– Я понял.

– Надеюсь, мне не нужно напоминать тебе, что никто не нарушает приказов Императора. Даже члены его семьи.

Под тяжёлым взглядом отца Ренэф склонился в глубоком поклоне, стиснув зубы от досады, пока тот не видел.

– Будет исполнено, Владыка.

Секенэф некоторое время внимательно смотрел на царевича, потом кивнул.

– Не беспокойся, ты не будешь там один. Слишком опасным может оказаться этот поход.

– Опасность не пугает меня, Владыка, – возразил Ренэф.

– Я знаю это, – ответил Император и окликнул кого-то: – Подойди, будь добр.

Царевич неприятно удивился, когда из смежной комнаты в кабинет вошёл невысокий средних лет рэмеи, всё ещё довольно крепкий, но из тех, чья крепость уже потихоньку начинает перерастать в округлость. Его приятное с крупными чертами лицо было украшено кустистыми усами. Открытый доброжелательный взгляд вошедшего не сулил никакой опасности, и лишь застарелый шрам, пересекавший левую бровь, придавал ему чуть более угрожающий вид. Движения мужчины были чёткими и точными, как у всякого воина, прошедшего в сражениях много лет.

Рэмеи поклонился и отдал честь.

– Военачальник Нэбвен из вельможного рода Меннту и пятьдесят отобранных им копеечников отправятся вместе с тобой в Лебайю, – представил гостя Секенэф и тут же обозначил его роль в походе.

– Для меня честь сопровождать тебя, царевич, – сказал воин, склонив голову.

Ренэф чуть оскалился в холодной полуулыбке. Нэбвен был одним из самых доверенных рэмеи в окружении Секенэфа – военачальник прошёл с Императором всю войну. Конечно, можно было бы расценить этот жест как желание Владыки защитить сына, но царевич понимал: к нему приставили наблюдателя. Отец не доверял ему и его суждениям, *как всегда*. Выходит, исполнять задание назначен Нэбвен, а не он, Ренэф. К царевичу приставили няньку – ах, как это было унижительно! С досады ему отчаянно захотелось со всей силы двинуть кулаком по проклятому инкрустированному столу с картами. Но он сдержался.

– Я полагаю, отец, что с твоим приказом я могу справиться и сам, – прохладно заметил юноша.

– Я полагаю, что не стоит оспаривать мои решения, – ответил Император спокойно, но его тон не предполагал возражений. Затем Владыка повернулся к Нэбвену: – Благодарю тебя. Вы оба будьте готовы отправиться через день. Мы и так достаточно откладывали.

– Как тебе угодно, Владыка мой, – поклонился Нэбвен.

Некоторое время военачальник и Император ещё обсуждали детали похода, но Ренэф слушал вполуха, слишком раздражённый решением отца, чтобы мыслить трезво. Когда Император, наконец, сообщил, что встреча закончена, царевич почти бегом покинул отцовские покои, полный самых противоречивых мыслей. И хотя Нэбвен из рода Меннту не был виноват, юноша затаил на военачальника обиду, не до конца отдавая себе отчёт, что причиной её было чувство несправедливости, преследовавшее царевича с самого детства.

Царица ничуть не удивилась, когда Ренэф ворвался в её покои без всякого предупреждения. Царевич разве что не опрокинул стражника, который сделал неосторожную попытку его

остановить. Верная служанка заканчивала втирать питательные ароматические масла в гладкие смоляные волосы Амахисат, серебристые пряди в которых были искусно покрашены. Царица всегда заботилась о своей внешности. Тело должно было соответствовать духу, а внешность Амахисат была не менее опасным оружием, чем её разум.

– Ты распугаешь всех моих слуг, – улынулась царица, глядя на отражение сына в зеркале.

Выглядел Ренэф и правда прескверно. Золотые глаза метали молнии, красивое лицо перекосила гримаса плохо сдерживаемого гнева. В ответ на замечание матери он чуть оскалится, что дополнило и без того пугающее впечатление, но Амахисат осталась спокойна.

– Нам нужно поговорить, – буркнул он.

Царица кивнула и посмотрела на служанку:

– Благодарю тебя. Оставь нас теперь и уведи остальных.

Служанка поклонилась, бросила неодобрительный взгляд на царевича и удалилась, позвав с собой других слуг. Амахисат пригладила волосы, надела диадему и повернулась к сыну.

– Аудиенция у Императора, как я понимаю, тебя не очень удовлетворила? – мягко уточнила она, складывая руки на коленях.

Хвост молодого рэмеи, до этого лишь чуть подрагивавший от раздражения, заходил из стороны в сторону.

– Мало того, что приказ Владыки связывает меня по рукам и ногам, так Император ещё и приставил ко мне няньку! – рыкнул царевич. – Военачальник Нэбвен станет следить за каждым моим шагом! Ни одно решение не будет зависеть от меня!

– Однако приказ Император всё же отдал тебе, а не одному из своих старших военачальников, – веско заметила Амахисат.

– Не имеет значения! – Ренэф разразился потоком солдатской брани, в обилии почерпнутой им в казармах.

Царица изогнула бровь, позволяя сыну выплеснуть обиду, и, когда он затих, ответила:

– Имеет. Задание Императора – проверка твоих возможностей. Но подумай об этом и с другой стороны: взвод военачальника Нэбвена из рода Меннту даст тебе дополнительную защиту на территории, которая, вполне вероятно, вскоре станет для нас вражеской. Император уже потерял одного сына. Остался только ты.

Ренэф резко покачал головой:

– Но отец не сказал, что Нэбвен должен подчиняться мне. Он будет там со мной на равных. *На равных*, понимаешь ты?!

Амахисат чуть склонила голову набок, глядя на разгневанного сына. В душе она понимала решение супруга и в какой-то мере была с ним согласна. Более того, она предвидела такой ход событий. Император общался с Ренэфом редко, но прекрасно знал нрав своего младшего сына. Разумеется, он наделил Нэбвена определёнными полномочиями, чтобы царевич не наделал глупостей в каком-нибудь своём героическом порыве. Но понимала она и досаду Ренэфа и его острую потребность показать свою силу, доказать, что он был полностью достоин своего положения наследника, пусть пока и не объявленного во всеуслышание.

Царица поманила сына к себе:

– Подойди, я кое-чем поделюсь с тобой.

Царевич нехотя приблизился и сел у ног матери. Амахисат нежно погладила его по волосам, но тот тряхнул головой, сбрасывая руку, и с нетерпением посмотрел на неё. Пожав плечами, она наклонилась к нему и зашептала, рассказывая свою часть плана. Ренэф замер, слушая, и через некоторое время его оскал сменился открытой улыбкой. Он опустил голову на колени царицы. Амахисат удовлетворённо кивнула и положила руки на его окаменевшие плечи, разминая их, унося его напряжение. Её мысли касались не только похода в Лебайю, из

которого, она не сомневалась, царевич вернётся с триумфом. Назначение Ренэфа было лишь вопросом времени. До нового Разлива он станет наследником трона.

Управляющий Керах – немолодой рэмеи, за годы службы узнавший уже немало тайн этого дома – был привычен к поздним и порой совершенно внезапным появлениям царицы в поместье хозяина. Он лично встретил Амахисат и проводил её в покои, куда безмолвные, безупречные в своей исполнительности слуги тотчас же подали вино и закуски.

– Сиятельная Владычица, – своим бархатным голосом промурлыкал хозяин – тот, кого называли Колдуном, – и глубоко поклонился ей. – Какая отрада. Ты ведь не призывала меня уже почти два месяца, госпожа моя.

– Не думаю, что ты сильно скучал, – прохладно усмехнулась царица, садясь.

Хозяин поместья собственноручно налил ей вина и сел напротив, в предвкушении прищурив свои серо-стальные глаза – точно камышовый кот, почуявший добычу.

– Итак, что я могу для тебя сделать, Владычица, чьи изящные рога способны пронзить небосвод?

– То, с чем не справился Павах из рода Мерха, – сказала царица, пригубив вина.

– Не гневайся, госпожа моя, ты ведь возложила на него слишком много. Да и наше с ним... знакомство... оставило свой отпечаток.

– Я не гневаюсь, – отмахнулась Амахисат. – Он всё ещё может быть полезен мне. Конечно же, приглашение Императора ко двору было неуместным... но, с другой стороны, моё присутствие неизменно напоминает Паваху о добродетели молчания, о преданности нашему общему делу. Да и ужас, впечатанный тобой в его сознание, похоже, надёжно замкнул его рот.

– Рад стараться, госпожа моя, – усмехнулся Колдун, склонив голову. – У становления героем есть своя цена. Признаться, я до сих пор считаю, что разумнее было бы сделать его мёртвым героем, как и Метджена. Но твоё решение мне понятно: народу нужен был живой символ.

– Вот именно. Живой герой способен поведать гораздо больше и проникновеннее, чем ещё одно изуродованное тело. Пелена привычного падает с непосвящённых глаз, и в сердцах поднимается справедливое негодование. Сейчас вся столица говорит о том, как они оба доблестно сражались, защищая царевича и от наёмников, и от песчаных чудовищ, но бой был неравным. То, что после их захватили в плен и пытали, а тело наследника, скорее всего, осквернили, вызвало могучий общественный резонанс. Даже живущие в Таур-Дуат эльфы перестали чувствовать себя в безопасности после предательства Тремиана Ареля. Да, чудесное спасение Паваха воинами Императора в полной мере оправдало себя. Разумно будет избавиться от него однажды... но не сейчас. Не стоит забывать и о том, что влиятельные роды Эрхенны и Мерха предпочли бы видеть обоих своих сыновей живыми.

– Так чего же ты изволишь сейчас?

Царица сделала несколько маленьких глотков, смакуя прекрасное вино, поставки которого в поместье своего союзника обеспечивала лично – как и многое другое, ведь служба его была недёшева.

– Мне нужно, чтобы ты отправился в дальние пределы Империи... и приглядел для меня за одним незаслуженно забытым храмом. Он играет определённую роль в нашей истории, и я не хочу... неприятных неожиданностей.

– Ты говоришь о храме Стража Порога, – заметил маг. – О том самом, что расположен недалеко от места нападения, и свидетелей откуда ты так боишься. Но ты ведь знаешь, что ход в земли собачьих жрецов мне заказан. Я не смогу пересечь границы незамеченным, да и сила моя там будет... значительно меньше.

– Я не прошу тебя проходить в сам храм, мой друг, – Амахисат спокойно встретила его взгляд. – Даже направь я туда кого-то из столичных бальзамировщиков, заручившись с благословения Владыки поддержкой самого Верховного Жреца Минкерру, мы бы вряд ли получили больше, чем знаем сейчас. Иными словами, приказ или просьба ничего не дадут. Я прошу тебя тайно приглядывать за тем местом... и узнать, какую игру затеяли провинциальные жрецы Ануи. Император поверил им... возможно. Но я готова заложить своё сердце до Последнего Суда, что они скрывают что-то важное, и что судьба останков старшего царевича им прекрасно известна. К тому же, – царица чуть улыбнулась, – Владыка Каэмит тоже немало заинтересован в происходящем.

Колдун задумчиво кивнул.

– Песчаные ша явились на место боя. Ты так и не объяснил мне, почему, – добавила Амахисат, нахмурившись.

– Боги не всегда разъясняют свои планы, – пожал плечами маг.

– Допустим, сейчас я предпочту тебе поверить. Итак, ты согласен?

– Разве у меня есть выбор, сиятельная Владычица? – с улыбкой Колдун развёл руками и покачал головой. – Ты жертвуешь своим ценным слугой, отправляя его в тень заброшенных некрополей. Как прискорбно. Но я стану твоими глазами в землях собачьих жрецов.

– Можешь не набивать себе цену – за наградой дело не станет, ты же знаешь. А я, в свой черёд, прекрасно знаю, что ты незаменим.

– Как приятно, госпожа моя, – усмехнулся Колдун и поклонился, не вставая со стула. – Говори мне это чаще, и служба моя тебе будет ещё отраднее.

Царица с иронией изогнула бровь и подняла бокал.

– За тебя и за твой успех, мой друг. И ты знаешь, что следует делать, если вдруг нащупаешь след Хэфера – живого...

Той же ночью с благословения царицы маг совершил необходимые приготовления и рассчитал место для портала, позволяющего сократить путь до храма. В условленном месте Колдуна ждала купленная через третьи руки скромная рыбацкая лодка: о подготовке дела позаботились заранее – остальное было за ним.

За пару часов до рассвета Колдун уже отдыхал в тростниковом шалаше на берегу Апет, вслушиваясь в умиротворяющее пение волн. Он мог не бояться лихих людей или ночных тварей, потому что встреча с ним самим мало кому предвещала добро.

А ранним утром ничем не примечательный на вид мужчина, сотни которых проживали свою скромную жизнь в разных уголках Империи, поднялся на борт маленькой выдавшей виды лодки и сел на вёсла. Индиговые воды Великой Реки, в которых резвились лучи Ладьи Амна, понесли его севернее – туда, где всё меньше попадалось таких же лодчонок, а заросшие бумажным тростником берега изобиловали непугаными хищниками.

Глава 7

1-й месяц Сезона Выходов

Сила Владык Эмхет озаряла всю Таур-Дуат божественным благословением. Свет Ладьи Амна изливался на земли рэмеи, и Великая Река Апет была полноводной, пока Владыки воплощали собой Закон на земле. А пока Закон воплощался на земле, царил он и на небе, в далёких пространствах, где обитали прародители расы рэмеи, и ещё дальше, в пределах божественного.

Но присутствие даже одного из семьи Ваэссира поистине благословляло место, где он пребывал. Для него пели древние молчаливые камни и пышнее расцветали сады. Для него солнечный свет оживлял даже самые тенистые закоулки. Благодаря ему нескольким жрецам и послушникам, жившим здесь, отраднее было возносить ежедневные гимны и молитвы, как будто присутствие его придавало всему особый смысл. Для него всё чаще приходили к святылице священные шакалы, охранявшие покой мёртвых. А одна из чёрных псиц не так давно оценилась, чего уже долго не бывало в этих местах. Щенки её росли крепкими и здоровыми, и это стало добрым знаком, возвестившим о выздоровлении царевича.

Забывтый маленький храм на дальних границах Империи *оживал*, как ни странно это звучало по отношению к месту, осенённому благословением Смерти. Каждый здесь чувствовал изменения, по мере того как жизнь всё больше отвоёвывала Хэфера Эмхет.

Царевичу предстояло приручить заново своё тело, сочетавшее теперь в себе прежнее и новое. Некоторое время назад он поднялся с ложа и снова научился ходить, но для того, чтобы совершать прогулки по храмовому саду и священной роще, ему требовалась помощь кого-то из послушников или жрецов. Хэфер мечтал возобновить воинские тренировки, чтобы вернуть мышцам былую силу, но Перкау не спешил позволять это, хотя основная угроза жизни драгоценного гостя уже миновала. Восстановление после пребывания в небытии не терпело спешки.

Тэра чувствовала это возвращение жизни, пожалуй, отчётливее, чем остальные. За работой в саду она подмечала, что даже самые старые акации в роще в этом году расцветали чистым золотом, а болезни обошли стороной и самые слабые из них. Долгожданные щенки, к которым псица пока подпускала только её одну, крепили не по дням, а по часам. Их мягкая иссиня-чёрная шерсть напоминала ей шёлк волос, который она много ночей пропускала сквозь пальцы...

Даже древние диоритовые статуи Стража Порога как будто стали теплее, и их камень мягко мерцал изнутри, если смотреть на него внутренним взором. Присутствие наследника Эмхет было благословенным для всех. Но какой сладостью и болью отдавалось оно в сердце самой Тэры! Девушка, как и любимый ею с детства храм, тоже перерождалась, и это было невыносимо. Невыносимо было помнить то, что их соединяло, и наблюдать издали, заниматься ежедневными заботами храма, где каждая пара рук на счету, и делать вид, что она знает о царевиче не больше других. Иногда Тэра боролась с искушением выйти навстречу и открыться ему, особенно когда он, печальный, подолгу сидел в одиночестве в саду или у маленького священного озера, предаваясь неведомым ей мрачным думам. Возможно, Хэфер Эмхет сейчас был только тенью себя прежнего, но для неё не было никого прекраснее. Как хотелось девушке заверить его, что сила возвратится к нему, пусть и медленно, и что его дух озаряет собой всё вокруг! Но ей нельзя было не то что помочь царевичу, а даже приблизиться к нему – только наблюдать издали.

С той ночи, когда наследник застал её врасплох, Тэра больше не позволяла своему голосу звучать в полную силу, чтобы не быть узнанной в исполняющем гимны хоре даже случайно, издали. И давно уже зажили на запястьях маленькие тонкие ранки. Но касание Хэфера как будто оставило на коже невидимый нестираемый след. Так глупо было мечтать о новом сопри-

косновении их душ, без оглядки на то, сколькими годами своей жизни она заплатила за его чудесное... невозможное исцеление.

Седеющий пёс-патриарх, старый друг Тэры, часто проводил время рядом с Хэфером, признав его. Девушка немного ревновала, когда видела, как четвероногий страж клал голову на колени царевича и позволял гладить себя. Перкау шутил, что такая милость бывает оказана даже не всякому жрецу.

Что до учителя – тот пристально наблюдал за ней, и это не было для Тэры секретом. Делал это Перкау не столько из страха, что она откроет их тайну, сколько из тревоги за неё. Терзавшую её тоску он объяснял слабостью, вызванной чередой проведённых Тэрой ритуалов. И никто из них не начинал разговор о том, что делать дальше. Воины Императора больше не приходили, но это было лишь вопросом времени. Жрецы не могли укрывать Хэфера Эмхет вечно.

А пока солнечная ладья особенно ярко сияла над тёмным храмом, ставшим обителью и защитой наследника.

Хатепер проводил взглядом племянницу, покинувшую покои Императора, и посмотрел на брата. Общение с дочерью определённо шло Секенэфу на пользу. Владыка стал теплее... и счастливее, хотя рана от потери любимого сына была ещё слишком свежа.

– Как долго ты намерен сохранять это в тайне? – спросил дипломат.

– Столько, сколько потребуется, – ответил Секенэф, мрачней.

– Ты обучаешь её, и это уже не может не выглядеть подозрительно.

– Знаю. Но мы не просто так во всеуслышание объявили, что я обучу обоих моих детей. Ренэф отбыл в Лебайю, но когда он вернётся, ему предстоит почти то же, что и Анирет.

– Ты обсудил это с Амахисат?

– Разумеется. Будущему Владыке понадобится мудрая советница – такова её позиция.

– Не скрою, её поддержка вызывает у меня облегчение, – признался дипломат. – Сейчас как никогда мы не можем позволить себе не то что раскол, но даже тончайшую трещину в нашем единстве.

– Расследование продолжается. Недаром мы усилили защиту и наблюдение, – Владыка вздохнул, но затем его уста тронула усмешка: – Признаться, в такого рода войнах ты преуспел больше моего, брат.

– Не нужно недооценивать себя, – тихо рассмеялся Хатепер. – Я лишь помогаю тебе всем, чем умею.

– Ты – надёжная опора моему трону и миру в нашем государстве уже много лет. Не знаю, что бы я сумел осуществить без тебя.

– Но на тебе одном держится благосостояние Таур-Дуат. Ты – её сердце. Я... счастлив, что мы не потеряли тебя...

Секенэф тепло посмотрел на брата и кивнул. Хатепер почувствовал прилив сил и волну удивительной внутренней радости, как и всегда, когда наследник Ваэссира выражал ему свою милость и покровительство. Состояние Владыки, кажется, больше не вызывало опасений. Император сохранил и разум свой, и волю, и, как бы то ни было, Таур-Дуат по-прежнему оставалась под его надёжной защитой, а значит, и под защитой Богов. Пугало лишь то, что некем будет заменить Секенэфа, если с ним что-то случится. Ни Анирет, ни тем более Ренэф не были способны решать все задачи, стоящие перед Владыкой, и вряд ли выдержали бы всю его ответственность перед Богами и своим народом. По крайней мере, не сейчас. Хатепер не был уверен даже, что и сам мог бы справиться, если бы бремя вдруг перешло к нему. А ведь Великий Управитель всю жизнь сражался бок о бок с братом с врагами Империи, принимавшими

разные формы и обличья. Почти сорок лет Секенэф вёл за собой народ рэмеи и во многом превзошёл их отца, грезившего одними завоеваниями. Каждый раз, когда Хатепер говорил или думал «да будет наш Владыка вечно жив, здоров и благополучен», он ловил себя на том, что особенно выделяет слово «вечно». Разумеется, ничья форма на земном плане бытия не была вечной – даже форма Ваэссира Эмхет, которую он принял когда-то, – но сторонники Секенэфа искренне желали ему долгих, долгих лет. От этого зависела стабильность во всей стране, особенно теперь, когда императорская семья потеряла Хэфера.

– Анирет схватывает всё быстро... хотя у девочки нет времени, чтобы наверстать за несколько недель то, чему положено уделять много лет, – осторожно заметил Великий Управитель.

– Я не ожидаю чудес, – тихо ответил Владыка. – На пробуждение потенциала тоже требуется много лет, особенно той его части, которую никто и не думал пробуждать, – её собственной связи с Ваэссиром и с нашей землёй. Хэфера, – его голос чуть дрогнул, – я обучал едва ли не с рождения. Обучением же Анирет всё это время больше занимался ты, чем я.

Великий Управитель вздохнул, но ничего не сказал. Они оба давно предпочитали не касаться темы, что Секенэф слишком мало времени уделял своим младшим детям, и дядя – даже столь любящий, как Хатепер, – такое упущение восполнить не мог. Особенно это было заметно по Ренэфу – возможно, потому, что тот, в отличие от закрытой Анирет, не сдерживал эмоций и выплёскивал все свои печали гневом. Перед недавним отбытием Ренэфа в Лебайю Хатепер долго говорил с племянником, и этот разговор вызвал в нём большую тревогу, хотя царевич, казалось, и примирился с приказом Императора. Великий Управитель даже думать не хотел, каким ударом для Ренэфа станет решение Секенэфа объявить наследницей Анирет. При этом, как опытный дипломат, он понимал мудрость этой на первый взгляд странной идеи брата. В будущем Ренэф имел все шансы стать блестящим военачальником, о котором потомки будут слагать легенды. Но Владыка Таур-Дуат должен быть больше, чем просто военачальником. Возможно, однажды всё и изменится, и Ренэф сумеет развить в себе необходимые качества, но Хатепер в этом очень сомневался. Сила и таланты племянника лежали в иной плоскости. Его неуёмные амбиции, разжигаемые матерью, могли только навредить ему, если некому будет остановить его и помочь направить энергию в подходящее русло.

– Нашему другу Джети тоже есть что поведать ей, – сказал Секенэф, возвращая внимание Хатепера к их разговору. – Пребывание в Обители Таэху необходимо для каждого Эмхет, тем более для тех из нас, кому предстоит занять трон.

– Бесспорно, твоё решение весьма своевременно, – согласился старший царевич, вспоминая своё обучение у Таэху... и недавнюю встречу с Джети. Последнее заставило его помрачнеть. – Анирет... очень опечалится, когда узнает всё...

– Я подготовил её, насколько возможно. Она ещё не верит до конца, но... В любом случае, основная цель её пребывания в Обители Таэху важнее. Джети объяснит ей всё, что должен.

Они обменялись понимающими взглядами, и Хатепер кивнул.

Павах нашёл царевну в беседке в саду. Мейя, верная подруга и служанка Анирет, словно только и ждала его прихода. С несвойственной ей молчаливостью она улыбнулась и жестом пригласила воина в беседку, а сама удалилась, чтобы не мешать разговору. Ни расспросов, ни шуток – как это было на неё не похоже! Не иначе ей передавалось настроение Анирет, или же царевна распорядилась, чтобы их не беспокоили.

Царевна собирала ожерелье из каменных бусин, но мыслями пребывала где-то очень далеко. Павах невольно остановился, любуясь ею – точёный орлиный профиль Эмхет, более изящный, чем у братьев, характерный изгиб рогов, каскад смоляных волос, заплетённых в мел-

кие косы с золотыми украшениями на концах. Так хотелось коснуться... Он сбросил наважде-ние прежде, чем мысль повела его дальше.

В последние дни Анирет стала ещё более тиха и молчалива. А ведь когда-то её смех радовал всякое сердце своим серебристым перезвоном. Царевна как будто одухотворяла дворец и умела, казалось, даже от самого Императора отогнать мрачную тень скорби. Но теперь тень настигла и её... и *он* был тому виной. Её последняя надежда угасла, когда Павах вернулся ни с чем из храма Стража Порога. Он готов был перевернуть небо и землю, но след был безнадежно утерян. Раз уж даже Императору и царице не под силу оказалось найти тело наследника – то что мог он?

Воин, прихрамывая, приблизился к девушке и сел рядом. Царевна отложила работу и приветливо кивнула ему.

– Если я чем-то могу помочь тебе, Анирет, только скажи.

– Спасибо, друг, – со вздохом ответила царевна и, помедлив, положила свою руку поверх его. От этого прикосновения по телу Павах прошла тёплая волна. Она всё же простила его за неудачу! – Боюсь, никто не сможет помочь мне.

– Что мучит тебя? – тихо спросил бывший телохранитель, перевернув ладонь и чуть сжав её пальцы.

– Гибель брата... возможная война... тяжёлые мысли о долге.

– Если и будет война, Владыка и твой младший брат отразят любой удар.

– Не должно быть войны, Павах! – воскликнула Анирет, резко поднимаясь, и её золотые глаза сверкнули. – Война угодна тем, кто нанёс этот удар. Но наша земля ещё и от прошлой не оправилась. Ты ведь был воином Хэфера и понимал это!

Павах посмотрел на девушку с удивлением. После гибели наследника она очень изменилась, стала словно сильнее и по-своему даже блистательнее. Или раньше он просто не замечал этого в полной мере? Последние слова – «ты ведь был воином Хэфера» – отозвались в нём болью. Что он мог ответить ей? Что разделял взгляды Ренэфа и царицы Амахисат? Что верил в то, что последние человеческие территории должны были безоговорочно войти в состав Империи, а мир с эльфами так и вовсе, по его мнению, был невозможен? Что мечтал стать частью великого завоевательного похода? Похода, на который теперь едва ли хватит угасающих сил его тела...

– Скажи мне, Павах из рода Мерха, а *моим* воином ты согласился бы стать? – вдруг спросила царевна, обратив к нему пристальный взгляд.

«Кем угодно для тебя...» – подумал он, чувствуя, как кровь прилила к лицу.

– Мне нужны верные стражи в это непростое время, – добавила девушка.

Она хотела довериться ему... Какая ирония!..

– От меня мало толку, Анирет, – с усилием ответил Павах, опуская взгляд. – Эльфийский яд разъедает мою плоть, а жрецы лишь разводят руками. Мы все понимаем, что моё назначение во дворце – награда за отчаянную попытку спасти наследника... последняя величайшая честь, дарованная Владыкой. Но от меня никому нет никакой пользы. Даже мой род больше не возлагает на меня надежд.

Это было правдой. Его семью обрадовало новое назначение, но все понимали: Павах больше не сможет усилить влияние рода. Иногда ему казалось, что родным было безразлично, даже раздели он судьбу Метджена. Владыка и царица наградили вельможные роды Мерха и Эрхенны в равной степени. Метджен стал героем посмертно, а Павах – героем бесполезным, роль которого уже сыграна до конца.

Воин не стал говорить царевне о том, что сообщил ему бальзамировщик в заброшенном храме. Ведь он знал, *чья* смерть сидела на его плече. Столичные же целители не сказали ему ничего нового. «Выздоровление идёт своим чередом, – говорили они. – Мы сделали всё, что могли, но действие эльфийского яда вносит свои непоправимые разрушения...»

– Таэху, – вкрадчиво сказала девушка. – Отправляйся со мной в Обитель Таэху, Павах. Если кому и по силам снять любое проклятие, то только им.

Павах ощутил мертвенный холод и знакомое до боли липкое прикосновение страха – его постоянного спутника в последнее время. Эмхет правили Таур-Дуат, Таэху же были самым первым жреческим родом и хранили память всего народа рэмеи. Даже Императоры преклонялись перед их мудростью. Таэху, прозревавшие сквозь покровы тайн, наверняка сумели бы прочитывать то, что он скрывал... Но, возможно, в этом и был его шанс на искупление? Возможно, он действительно мог бы служить царевне, если только прежняя сила вернётся к нему... О, если бы!.. Её он не предаст никогда – ни ради Ренэфа, ни ради самой царицы. И пусть даже он не станет частью завоевательного похода, его жизнь уже не пройдёт зря, если он станет защищать Анирет!

Искушение было слишком велико.

– Если Император позволит, я, пожалуй, мог бы сопровождать тебя... – неуверенно сказал воин. – Мне это было бы в радость, не скрою.

– Он позволит, – уверенно ответила девушка и взяла его за руку. – Верь мне.

Через час Павах уже предстал перед царицей Амахисат, едва ли не кожей ощущая холодную сталь её насмешливого взора.

– Стало быть, Анирет отправляется в Обитель... Спасибо, что рассказал мне, мой верный воин. Однако ты и правда полагаешь, что Таэху исцелят тебя? – спросила царица. – Это произойдёт не раньше, чем присутствие нового Владыки озарит Таур-Дуат – будущего Владыки, службу которому ты выбрал. Но пока, боюсь, они могут и не разделить наши взгляды. В их глазах ты – отступник.

– Моя госпожа, Таэху всегда стояли в стороне от политики. И даже если они откажут... мне кажется, кто-то из верных тебе всё равно должен сопровождать царевну. Это было бы мудро.

Павах надеялся, что этот довод покажется Амахисат достаточно убедительным. В действительности он не хотел шпионить за Анирет даже ради Владычицы, но почему было не представить дело именно так? В последнее время подозрения царицы возрастали. Ей не нравилось доверие, которое Император оказывал дочери, и то, насколько Владыка приблизил к себе девушку. Очевидно, она боялась, что это каким-то образом подрывает положение царевича Ренэфа. Наверняка Амахисат пошлёт кого-то из своих сопровождать царевну, чтобы разузнать о настоящей цели её визита. Павах решил, что лучше уж это будет он сам – тот, кто точно не желает Анирет зла. О высказанном девушкой предложении стать её стражем Павах предпочёл не докладывать, хоть и понимал, что чувства не должны были диктовать условия его преданности.

– В этом есть своя правда, – задумчиво кивнула царица. – Удивительно, что дочь вообще поделилась с тобой планами о своём путешествии. Обучение держится в тайне, и на то воля самого Императора. Попробуй разузнать, что ей нужно от Таэху.

– Я сделаю всё, что в моих силах, – заверил её Павах с глубоким поклоном. – Надеюсь, это испулит мой недавний промах.

Воин прекрасно помнил сдержанный и оттого ещё более страшный гнев царицы, когда вернулся из пустыни ни с чем. Он предполагал, что в заброшенный храм бальзамировщиков Амахисат отправила другого своего слугу – того, кто был куда более опасен, чем целый отряд... Того, с кем сам Павах боялся встретиться едва ли не больше, чем со Стражем Порога. Император усилил наблюдение за теми территориями, но и у царицы были свои глаза и уши.

Амахисат позволила себе скупую улыбку.

– Чем ценнее будут добытые тобой сведения, тем выше окажется и твоя награда. Ты ведь не забыл о нашем изначальном договоре? – её улыбка стала загадочнее. – Если всё пройдет хорошо, ты всё же сумеешь приблизиться к той, о ком пока смеешь только мечтать.

Павах опустил взгляд. Царица знала о его чувствах – во многом на этом строился их договор. Влияние рода Мерха было велико, несмотря даже на то, что в последней войне они потеряли почти всех, но теперь, благодаря Амахисат и их общему делу, возросло ещё больше. Возможность породниться с императорской семьёй его семья рассматривала лишь как ещё один шаг к укреплению своей власти – безусловно, огромный шаг. Но для Паваха это имело совсем иной смысл. Он желал не дочь Императора – он мечтал об Анирет. Вот только теперь, когда он подвёл Владычицу уже дважды, едва ли то обещание о высочайшей награде могло быть исполнено. Амахисат давала ему возможность всё исправить, или просто испытывала его верность на прочность?

А если бы Боги действительно поставили перед ним выбор, поддержать Анирет или Ренэфа с Амахисат – как бы он защищал царевну от матери? К счастью, такой вариант был совершенно невозможен. По крайней мере, бывшему телохранителю хотелось в это верить.

– Отправляйся с моим благословением, – напутствовала Амахисат.

Хэфер старался не требовать от своего нового тела невозможного и восстанавливал его подвижность постепенно, не отказываясь от помощи жрецов. То, что он вообще дышал и ходил, было чудом, за которое царевич испытывал искреннюю благодарность. Но его не могло не удручать отсутствие былых силы и ловкости, которые он пока ещё помнил, хоть прежняя жизнь и казалась полузабытым сном. Теперь он двигался неумело, точно голем²², недавно поднятый жреческим искусством. По сути, его тело и было своего рода големом, по крайней мере, частично – об этом предупреждал Перкау, когда объяснял, что некоторые кости пришлось заменить, а плоть кое-где перекроить заново. Хэфер не рискнул спросить, какие именно кости, и где именно перекроить. Не стал он узнавать и то, из чего были сделаны эти новые кости, и насколько они были прочнее прежних. В своём искусстве балъзамировщики поистине не знали себе равных, ведь кости им заново пришлось обтянуть мышцами и сухожилиями, вплести в них нити сосудов и нервов. Нет... царевич совершенно не хотел представлять, как устроен внутри теперь: когда он задумывался об этом, его новое тело казалось чересчур уж хрупким. В некоторые тайны жрецов лучше не вторгаться... особенно в тайны жрецов Смерти.

Его мускулы, долгое время находившиеся в неподвижности, изрядно ослабели, и это ограничение тоже сильно печалило царевича. Но, казалось, сам храм помогал ему – вливал в его тело жизнь, заставлял кровь бежать быстрее, разжигал огонь дыхания. Хэфер начал понемногу тренироваться, упрямо, шаг за шагом преодолевая сопротивление плоти. Правда, шажки получались совсем маленькие, но он слишком хорошо понимал, что если поспешит, то потеряет даже то, чего уже добился. Сама мысль о том, что он вернётся в столицу калекой, а не могучим наследником трона, способным покарать предателей и восстановить своё положение по праву, была невыносима. Тогда лучше уж было не возвращаться вовсе.

Хэфер очень хотел отправить отцу весть о том, что выжил. Верховный Жрец храма сообщил царевичу, что он находится под защитой Стража Порога, и сам Ануи наложил запрет на то, чтобы сообщать о местоположении наследника кому бы то ни было, даже самому Импе-

---

²² Голем – в еврейской мифологии человекоподобное существо, созданное каббалистами из неживой материи (как правило – из глины, по аналогии с тем, как Бог создал из глины Адама) и оживлённое с помощью тайных искусств. В литературу големы вошли также как человекоподобные существа, созданные мистиками (уже необязательно из глины – иногда даже из частей человеческих тел, как знаменитый монстр Франкенштейна), подчиняющиеся их воле.

ратору. Но и без пояснений мудрого бальзамировщика Хэфер понимал, что это небезопасно. Заговор не был устроен лишь парой телохранителей и горсткой наёмников из Лебайи. За ними стоял кто-то куда более могучий. Ануи защищал этот храм, но разве могли противостоять пятеро жрецов и двое послушников, возможно, целому отряду воинов, жрецов и чародеев, если врагу вздумается настичь свою жертву здесь? Нет, Хэфер не мог подвергнуть своих спасителей такому испытанию. И он не верил, что те, кто пошёл против крови Ваэссира Эмхет, побоятся осквернить святилище Стража Порога, если лишь его стены будут мешать им завершить начатое. Пока же сам царевич не мог призвать все доступные ему силы, чтобы отразить нападение. Сюда уже приходили два отряда – один под командованием верного отцу Нэбвена, второй, к большому негодованию Хэфера, под командованием предателя Паваха. Как жалел царевич, что тогда ещё не мог даже полностью прийти в сознание, не то что призвать своего бывшего телохранителя к ответу! Правда, Верховный Жрец рассказал, что, судя по всему, Паваха постигло Проклятие Ваэссира. Но это не утешало, ведь предатель оставался там, в столице, рядом с Владыкой. А он, Хэфер, – здесь, обессиленный и лишённый возможности поведать правду.

Император Секенэф был сильным и мудрым правителем. Но и он был уязвим. Хэфер боялся, что те, кто напал на сына, могут угрожать и отцу. Хорошо, что Перкау всё же решился направить небольшое зашифрованное послание в столицу через кого-то из жрецов Ануи в Касаре. В письме ничего не говорилось о царевиче, но содержалось предупреждение об опасности, подстерегавшей Владыку в ближайшем окружении, без имён. Хэфер сомневался, что его брат или мачеха, заботившиеся о целостности императорской семьи, могли пойти на измену, но уже ни в чём не был уверен полностью. Более всего он боялся помыслить о возможном предательстве Анирет, его сестры не только по титулу и крови, но и по духу. На Паваха девушка имела влияние, ведь бывший страж много лет был влюблён в неё издалека.

Легче всего было предположить, что эльфы, как и прежде, хотели пошатнуть рэмейский трон и нашли способ завязать союз с кем-то из приближённых Императора. Так уже случалось раньше. Вот только какими обещаниями им удалось подкупить Паваха и Метджена? *Что* могло двигать его друзьями, которых он знал с детства, когда они завели его в засаду? Один только Сенахт остался верен ему до конца и пал, защищая его. Что ж, по крайней мере, на страже безопасности отца стояли не простые телохранители, а Живые Клинки Ануи. Мимо них никто не мог пройти, и верность наследнику первого Эмхет была у Ануират в крови. Их можно было только убить, но не обратить против Владыки. А уж первое являлось задачей не из простых. Кроме того, царевич верил, что Император сумеет распознать врага, под какой бы тот ни прятался личиной, ведь его сердце обладало соколиным взором предка Ваэссира.

Сумерки над некрополем сгущались, тени становились плотнее, подвижнее. Западный берег Великой Реки Апет оживал мистическим перешёптыванием духов среди древних камней и заунывными песнями священных шакалов, поколения которых охраняли эти места с тех самых пор, когда некрополь только возник здесь.

В сопровождении Перкау Хэфер пришёл к маленькой довольно сносно сохранившейся мастабе, чтобы воскурить благовония в память о своём друге. Именно здесь бальзамировщики похоронили... или, скорее, спрятали мумию объявленного предателем верного стража, предвзвительно испросив на то дозволения духов. Сенахт обрёл последнее пристанище среди благородных мертвецов давно ушедшей эпохи, таких древних, что имена некоторых даже не сохранились до нынешнего времени. Священные шакалы охраняли его покой.

Хэфер прошептал имя друга, завершая подобающую случаю молитву. «Я восстановлю справедливость, – в очередной раз пообещал царевич мысленно. – Те, кто заслуживает наказания, понесут его. Твоё же имя будет высечено на каменной стеле рядом с моим, со словами о твоём подвиге...»

– Позволь рассказать тебе кое-что, господин, – нарушил молчание Перкау.

Наследник кивнул, не сводя взгляда с мастабы. Он был рад, что не успел увидеть истерзанное тело, потому что хотел помнить Сенахта живым, полным сил – помнить, как тот радовался удачной охоте, как грубовато шутил с друзьями, как забавно смущался вниманию столичных красавиц.

– Тот, кто предал тебя... он не смог дойти до конца.

– Что ты имеешь в виду, мудрый? – переспросил Хэфер, оборачиваясь к жрецу.

– Он не нашёл в себе сил осквернить мумию. И он помог мне закончить портрет для погребальной маски.

– Ты полагаешь, это облегчает его вину? – нахмурился наследник. – Он не остановился, когда захотел скинуть меня с колесницы и пробить мне бок копьём со спины, а потом направить на меня коней. Он не остановился, когда напали ша, – оба предателя сбежали.

– По крайней мере, эти останки он не тронул. Кажется, Проклятие Ваэссира меняет его, просветляет его разум.

– Тем лучше будет для него на Последнем Суде, – холодно ответил Хэфер.

В тот момент он почувствовал на себе чей-то взгляд – не Перкау, чей-то ещё – и прищурился, вглядываясь в сумерки. Ему часто казалось, что за ним кто-то наблюдает, особенно в последнее время.

– Там кто-то есть, – понизив голос, сказал царевич.

– В некрополе нередко явственно ощущается чужое присутствие, – пожал плечами бальзамировщик. – Мы уже привыкли к этому.

– Нет, это не похоже на поступь мёртвых... Хотя... я не могу быть уверен...

На мягких лапах из сумерек вышел пёс-патриарх. Хэфер улыбнулся, невольно расслабляясь.

– Ах вот кто это был... Привет тебе, вожак храмовых стражей.

Пёс благосклонно посмотрел на Хэфера и сел рядом, привалившись к его ноге. Как и все священные псы, он был огромным. Его голова доходила Хэферу до пояса или даже чуть выше. Царевич протянул руку и погладил зверя, как всегда удивляясь, какой же мягкой была эта шёлковая обсидианово-чёрная шерсть, местами уже изрядно поседевшая. Перкау рассказывал, что именно этот пёс привёл жрецов к месту трагедии. Стало быть, во многом Хэфер был обязан своим спасением ему... и ещё кое-кому.

– Скажи мне, мудрый, почему женщина, вернувшая меня из небытия, предпочитает скрываться? – тихо спросил царевич. – Я напугал её невольно? Обидел? Но если это так, то я всем сердцем желаю исправить впечатление.

– Господин мой Хэфер, не тревожь свой разум. Тебе не о чем беспокоиться, – мягко проговорил жрец.

– Тогда в чём причина, если не в обиде и не в страхе?

– Просто так лучше для всех.

– Я мог бы приказать вам показать её мне, однако же не делаю этого, – заметил Хэфер.

– И, смею надеяться, не сделаешь, потому что чтить наше гостеприимство, – спокойно согласился бальзамировщик и вдруг пристально посмотрел на наследника, точно сомневаясь, задать или не задать некий вопрос.

Мгновение – и взгляд его снова стал прежним, подёрнутым дымкой размышлений. Хэфер даже уточнить не успел, что же тот хотел спросить у него. А может, ему просто показалось?

– Тяжело не иметь возможности даже выразить благодарность, – вздохнул царевич, качая головой.

Поначалу Хэфер надеялся найти и узнать «свою» жрицу в маленькой общине служителей Ануи, но быстро понял, что ему попросту показывались не все обитатели храма. Его спасительница исполнила просьбу царевича и иногда приходила к нему во время тренировок или

прогулок, когда он задерживался до темноты. Но Хэфер никогда не видел её и не беседовал с нею – только чувствовал её присутствие. Это было и приятно, и невыносимо. Он пытался обращаться к ней, но она никогда не отвечала и исчезала, как только он спешил найти, где она скрывалась. В итоге Хэферу пришлось удовлетвориться лишь знанием, что она была где-то рядом.

Сейчас он не был уверен, что наблюдала за ними именно его жрица. Возможно, причина неуверенности была в самом ощущении от некрополя – многоликого, многообразного, исполненного дыханием древних.

– Пожалуй, нам пора возвращаться, господин, а не то опоздаем к вечерней трапезе, – проговорил Перкау.

– Ты прав, мудрый, хотя едва ли они начнут без своего Верховного Жреца, – Хэфер чуть улыбнулся.

– Тем более. После полного трудов дня негоже оставлять их голодными, – добродушно усмехнулся жрец.

Вместе они шли обратно к храму. Пёс-патриарх держался ближе к царевичу, то и дело задевая его ногу горячим боком, как бы обозначая надёжность своего присутствия. За это Хэфер был ему благодарен, тем более что спиной всё ещё чувствовал взгляд... казалось уже, что даже не один.

– Хватит шадить меня, мудрый. Я тоже хочу помогать при храме. Сезон Выходов никогда не бывает лёгким, так что ещё одна пара рук окажется не лишней.

– Но господин... твоё положение... ты ведь можешь найти это... унижительным... – Перкау смутился и даже остановился, подыскивая слова.

Хэфер не выдержал и рассмеялся. Камни некрополя отразили его живой голос призрачным эхом, но это не пугало, а скорее словно напомнило самому месту, что оно не было заброшено и забыто.

– Мой предок сам помогал крестьянам засеивать первые поля и рыть первые оросительные каналы. Так с чего бы мне считать труд унижительным? И разве ты не знаешь, что к наследнику трона Владыка наиболее требователен? – он улыбнулся, вспоминая. – Мне доводилось работать даже в каменоломнях, не то что в полях. Будущий Император должен знать, чем живёт его народ, причём не из книг. Так завещал Ваэссир, первый Эмхет.

Перкау смущённо улыбнулся:

– Мне введома традиция, но я не знал, что она ещё жива.

– О, поверь, мудрый, ещё как жива, – Хэфер тихо рассмеялся. – Когда-то, в юности, мне казалось, что отец ненавидит меня, иначе зачем бы он отсылал своего наследника по поручениям самым неподобающим. Ну а потом, когда ума промеж моих рогов стало несколько больше, я осознал, что к чему. Потому единственное, чем ты можешь оскорбить меня, это отказать в возможности помочь твоей общине хоть как-то. Я и так долго не вставал с ложа, прибавив вам забот.

Жрец задумчиво покачал головой:

– Ну что ж, здоровье твоё, пожалуй, позволит кое-какие занятия...

– От них оно только улучшится, – заверил царевич. – Бездействие приводит к унынию, и я устал от него.

– Ты не бездействуешь, – возразил Перкау несколько укоризненно. – Для меня не секрет, что ты возобновил тренировки.

– Возобновил – это слишком сильное слово для того, на что я пока способен, – со вздохом ответил Хэфер и, предупреждая слова жреца, добавил: – Знаю-знаю, мудрый... и не ропщу. Разве что не могу не сердиться на себя и собственную глупость.

– Всё вернётся к тебе, господин, дай только время.

– Дайте то Боги, чтобы время это у нас было.

Перкау ничего не ответил, но Хэфер чувствовал, что бальзамировщик был с ним более чем согласен.

Глава 8

Конец 1-го месяца Сезона Входов

Юго-восточная область Лебайи по большей части представляла собой пустыню, и границы её с Таур-Дуат были весьма условны. Небольшие отрезки плодородной земли существовали благодаря рэмейским ирригационным системам, пополнявшимся из речушек, бежавших с гор Маэлдаз к Великой Реке Апет. Население здешних мест в основном составляли люди, смуглые и золотоволосые, но встречались и рэмеи, по разным причинам решившие осесть среди своих человеческих соседей. Таковые, впрочем, не были редкостью – и не только в Лебайе, – как и браки между представителями двух рас, совершавшиеся несмотря на разницу в сроке жизни. В конце концов, от союзов людей и рэмеи всегда рождались рэмеи, а потому между этими расами не существовало такой пропасти, как у них обеих – с эльфами.

Эльфы в Лебайе тоже встречались – в основном торговцы и путешественники – но всё же реже. Жаркий климат пустыни их не особенно прельщал: наследникам фэйри не хватало их тенистых чащоб. Да и не везде по эту сторону гор Маэлдаз им были рады, несмотря на тридцатилетний мир.

Люди Лебайи всегда относились к уроженцам королевства Данваэннон теплее других народов, чьи границы пролегали рядом с могущественным рэмейским соседом. Многих удивило, что Владыка Секенэф согласился с условиями эльфов и оставил этой земле суверенитет. Лебайя лежала слишком далеко от стратегических центров Империи, чтобы являть какую-либо опасность, а вот для поддержания торговых и дипломатических отношений представляла интерес. Решение Владыки, хоть и рискованное, оказалось мудрым, ведь целью обеих великих держав континента, измученных долгой войной, было как раз укрепление дипломатических связей... по крайней мере, внешне. Жест доброй воли дорого обошелся Императору теперь, ведь именно из Лебайи был направлен удар по правящей семье. Все понимали, что эльфы не просто так настаивали на сохранении независимости своих людских союзников. В конце концов, и у рэмеи по ту сторону гор были свои друзья. Но такого вопиющего кощунства не ожидал никто.

Обо всём этом размышлял военачальник Нэбвен из вельможного рода Меннту, сопровождавший царевича Ренэфа согласно приказу Императора. Воины уважали младшего сына Владыки, потому что мыслил он как воин и много времени проводил в их среде. Впрочем, знали они и его горячность. Немало должно было пройти лет, чтобы из царевича вырос настоящий зрелый военачальник. Тем не менее, талантов ему было не занимать, и многие молодые солдаты тянулись к нему. Но, хотя общий язык он умел находить со всеми, дружбу Ренэф водил мало с кем, а в столице общался чаще со знатными рэмеи – сказывалось влияние матери. Правда, теперь это уже не казалось только лишь признаком гордыни и закрытости. Весть о том, что наследника Секенэфа предал именно Сенахт – тот, кого старший царевич возвысил от простого солдата до личного телохранителя, – неоднократно и подолгу обсуждалась в казармах. Двое других стражей Хэфера – Метджен и Павах – происходили из вельможных семей и дружили с Хэфером с детства. Сенахт же примкнул к ним значительно позже. Он-то и привёл весь их маленький отряд в засаду, правда, и сам при этом погиб. Метджен не выдержал эльфийских пыток – на его тело смотреть было ещё страшнее, чем на мумию Сенахта, ведь жуткие раны замученного телохранителя были оставлены не зверем. Павах выжил, но его тело медленно разрушал яд. Могучий прежде воин теперь с трудом держал в руках оружие – незавидная участь для героя, уж Нэбвен-то понимал. Кто-то предполагал, что останки Хэфера попали не к эльфам, потому-то они и пытали телохранителей царевича – хотели узнать. Другие считали зверства, совершённые над воинами, провокацией или же прямым оскорблением Владыке. Мнения что при дворе, что в народе расходились, но былую ненависть к эльфам эти события всколых-

нули у многих. Теперь гости из Данваэннона уже не чувствовали себя в безопасности нигде в Империи, будь то торговцы, путешественники или те, кто осел в Таур-Дуат после войны.

Не все детали в этой смутной и уже изрядно обросшей слухами истории были известны простым солдатам. Нэбвен, пользовавшийся особым доверием Императора, получил чёткий приказ лично от Владыки, и воля Императора не удивила его. Он надеялся только, что подозрения правителя окажутся напрасны. За свою богатую на события жизнь Нэбвен повидал немало, но в то, на что наводили его размышления после разговора с Владыкой, слишком сложно было поверить.

Два взвода беспрепятственно пересекли границы. В Лебайе не существовало единой пограничной стражи – лишь разрозненные отряды, охранявшие прилежащие к тому или иному городу земли. Первые поселения относились к Леддне, куда и лежал путь взводов царевича Ренэфа и военачальника Нэбвена.

Крестьяне – люди и рэмеи – прерывали работу в полях и провожали воинов удивлёнными взглядами, а потом приветственно махали. Дети с восторженными криками бежали следом, расхваливая чудесные оружие и доспехи, которыми славились имперские солдаты. Многие из этих мальчишек наверняка мечтали однажды попасть в армию Таур-Дуат, служба в которой считалась почётной и среди жителей Империи, не говоря уж о лебайцах. Несколько женщин, обворожительно улыбаясь, уже спешили к отрядам с кувшинами, наполненными тут же в ближайшем колодце, и предлагали воинам утолить жажду прохладной водой в знойный день.

Ренэф надменно взирал на эти проявления дружелюбия с высоты своей колесницы. Он не любил ни эльфов, ни тех, кто был с ними хоть сколько-нибудь связан, хотя немало людей даже из местных вполне искренне уважали рэмеи.

Царевич разрешил воинам напиться, но сам пил только из собственной фляги. Нэбвен, в свой черёд, не стал осекать тех солдат, которые излишне залюбовались красотой местных женщин и позволили себе поддержать какой-то весёлый ни к чему не обязывающий разговор. Военачальник знал, что у его воинов хватало ума промеж рогов, чтобы не обсуждать с красавицами цель прибытия отряда до того, как её объявит сам Ренэф.

Кого-то из крестьян порасторопнее уже послали за старостой селения. Нэбвен ожидал также, что вскоре должен был появиться небольшой патруль стражи. Кто-то ведь охранял эти земли – конечно, больше для вида, ведь противостоять армии соседа не сумела бы вся Лебайя вместе взятая. Это понимал каждый – и здесь, и в пока ещё дружественной Таур-Дуат.

Ждать пришлось недолго. Вскоре подошёл староста – сухощавый мужчина в летах, простой и доброжелательный. На рэмейских солдат он смотрел с явной опаской и понимал, что явились они не погостить. После обмена приветствиями – многие здесь прекрасно владели рэмейским языком, по крайней мере, устно, ведь священная письменность оставалась уделом избранных – староста обратился к Ренэфу, чей высокий статус сразу бросался в глаза. Его доспех был не только добротным, но и украшен искусными гравировками, а на панцире переkreщивались защищающие крылья Богини – знак, который имели право носить только Эмхет. Но даже без доспеха царевича сложно было не выделить, с такой статью и гордостью он держался.

– Чем мы обязаны твоему прибытию, сиятельный господин? Неужто новая война с эльфами грядёт? Но все эти годы мы жили в мире, как мне казалось...

– Так и было до недавнего времени, – холодно прервал его царевич. – А потом наёмники из Лебайи по эльфийской указке совершили вероломное нападение на знатного рэмеи, охотившегося в песках на территории Таур-Дуат. Он погиб, и наш Владыка, да будет он вечно жив, здоров и благополучен, весьма опечален этим обстоятельством.

Староста охнул и осел, но был вовремя подхвачен ближайшими к нему крепкими крестьянами. «Да, он прекрасно понимает возможные последствия, – с грустью подумал Нэб-

вен. – Что говорить о маленьких, пусть и процветающих селениях, если война сокрушает целые города?..»

Среди местных прокатился тревожный шёпоток.

– Клянусь, господин, мы ничего об этом не знали!

– Кто-то на границах *должен* об этом знать, – жёстко возразил Ренэф. – Пошли гонцов к градоправителю. Сообщи, что прибыл сын Императора Таур-Дуат, да будет он вечно жив, здоров и благополучен.

Нэбвен одобрял решение Ренэфа призвать градоправител в свой лагерь. Не пристало рэмейскому царевичу приходить к людям как просителю, тем более что устами царевича сейчас говорил сам Император. Кроме того, имперским отрядам не стоило удаляться от границы, по крайней мере, до получения более точных сведений об обстановке в этой области Лебайи.

– Господин царевич... – испуганно выдохнул староста и простёрся ниц перед Ренэфом.

Его примеру последовали и остальные крестьяне. Царевич поморщился и нетерпеливым жестом велел людям подняться. Он ценил почтение, льстившее его самолюбию, но до отвращения не любил, когда перед ним так откровенно унижались.

– Я и мои солдаты разобьём лагерь недалеко от твоей деревни, – сказал он и возвысил голос так, чтобы слышал каждый. – Я пробуду на вашей земле не больше месяца. За это время вы должны найти виновных. Те, кто укрывает убийц, будут наказаны по всей суровости и справедливости закона Таур-Дуат. Поспешите разнести эту весть – для вашего же блага.

Крестьяне продолжали испуганно перешёптываться. Даже когда подоспел небольшой патруль, это не вызвало у них видимого облегчения. Разве могли несколько стражников, способных разве что отпугивать зверьё да случайных воров, противостоять прекрасно обученным имперским воинам? Командир отряда отсалютовал Ренэфу, а потом староста отозвал его в сторону и о чём-то коротко переговорил – по всей видимости, о том, как лучше уведомить градоправителя о неожиданных гостях и их требованиях. Вернувшись к отряду, командир склонился в глубоком поклоне перед царевичем.

– Мы исполним твою волю, сиятельный господин, как можно скорее, – тихо заверил он.

– Надеюсь на то, – спокойно ответил Ренэф, но в его голосе, и без того не самом дружелюбном, зазвенели нотки скрытой угрозы.

Нэбвен одобрительно кивнул своим мыслям. Царевич справлялся достойно.

Гонцы были отправлены. Ренэф – нужно отдать ему должное – отдал приказ имперским воинам поменьше контактировать с местными и не вредить посевам и имуществу крестьян. Солдаты разбили шатры у реки, по другую сторону от глинобитных сельских хижин, аккуратно выбеленных, с выстеленными чистой соломой крышами.

К вечеру по приказу старосты люди поднесли царевичу и командирам угощения – сыр, свежее пиво и ароматный хлеб. Ренэф принял дары благосклонно, но к еде не притронулся – отдал всё воинам.

Нэбвен внимательно наблюдал за людьми. Что бы ни думал царевич, похоже, селяне действительно ничего не знали о трагедии. Едва ли эти простые люди могли так хорошо сыграть недоумение и страх. Скорее всего, заговор крылся где-то глубже в Лебайе. Ренэф принял мудрое решение не углубляться на эту территорию, а остаться ближе к границам, откуда, в случае чего, можно было позвать подмогу.

Военачальник молился всем Богам, чтобы их поход увенчался успехом.

Анирет старалась держаться с достоинством, несмотря на всё внутреннее волнение. Это была её первая самостоятельная миссия – прибыть куда-то и донести волю Владыки. Причём не просто куда-то, а в Обитель рода столь же древнего и прославленного, как и род Эмхет. О Таэху

среди рэмеи ходили легенды. Сколько Знаний сберегали и приумножали они с самого времени Первых Договоров! Древнее величие Таур-Дуат зиждилось на них в не меньшей степени, чем на потомках божественного Ваэссира.

Царевне пока ещё не приходилось бывать в Обители. И тем более никогда она не думала, что прибудет сюда с *такой* целью. Таэху выбирали себе спутников жизни лишь по собственной воле либо по божественному указанию, выраженному устами их Верховного Жреца. Владыка не имел права приказывать им, и в этом была их удивительная привилегия даже перед высочайшими вельможами из самых древних родов. Таэху служили Владыке, как и все рэмеи, но волю Богини Аусетаар они получали почти настолько же напрямую, как Владыка – волю Ваэссира. Их Обитель была центром культа Владычицы Таинств, дочери Амна Великого Зодчего.

История династии Эмхет знавала тяжёлые времена. Если род угасал, Таэху вливали в него свою кровь, чтобы правящая династия поднималась с новой силой. Не могло быть в Империи союза сильнее и прекраснее, чем между представителями двух величайших рэмейских родов. И всё же Таэху покидали род неохотно, предпочитая вводить своих избранников к себе, а не наоборот. Это было связано в том числе и с верованиями рэмеи о перерождениях. Души рэмеи перерождались в других рэмеи, но душа Эмхет или Таэху всегда возвращалась в свой род. Никто не был уверен, переродится ли Таэху, ушедший в род Эмхет, среди своих или впредь будет связан с родом Ваэссира. Божественный Замысел можно было трактовать по-разному, но сами Таэху в основном предпочитали оставаться Таэху.

Как удалось отцу договориться с ними, Анирет не представляла. Их согласие на союз одного из своих наследников с царевной было величайшим даром, в котором она к тому же отчаянно нуждалась, учитывая хрупкость её нового положения. Пусть ей не дано было выбрать себе супруга по любви – на право такого выбора она уповала ещё совсем недавно – но спутник из рода Таэху действительно способен был оказать всю поддержку, необходимую... Императрице. Думать о своём будущем девушке по-прежнему было странно и страшно. У неё захватывало дух, и вместе с тем она трепетала.

Власть и ответственность... Анирет никогда не желала этого для себя, но теперь она принимала волю отца не только разумом, но и сердцем. Эмхет вели свой народ и приносили ради него величайшие жертвы. Разве сам Ваэссир из любви к рэмеи не стал одним из них, отказавшись от своего божественного существования? Так *что* в сравнении с этим значила её жертва?..

Обо всём этом думала Анирет, когда ей помогли сойти с паланкина. Царевна расправила плечи и направилась к полуразрушенной крепости, стоящей среди песков. Девушка не была удивлена увиденным: отец предупреждал – именно так выглядит Обитель Таэху для непосвящённых.

Одинокий страж, охранявший ложные врата, склонился перед ней в глубоком поклоне.

– Вас ожидают, госпожа моя царевна Эмхет, – почтительно проговорил воин прежде, чем она успела что-либо спросить.

В следующий миг на ближайшем бархане показался мужчина-рэмеи в светлых одеждах. Его волосы цвета отполированного красного дерева были обриты на висках и уложены вокруг рогов в сложную ритуальную причёску. Взгляд тёмно-синих глаз, казалось, пронзал до глубины естества. Анирет узнала в его лице черты, характерные для рода Таэху, и приветливо улыбнулась. Невольно девушка подумала: «А кем будет *он*? Жрецом или посвящённым воином? А может быть, учёным или мастером какого-нибудь прекрасного ремесла?..»

– Привет тебе, царевна Анирет, и да укроет Владычица Таинств тебя своими ночными крыльями, – приветствовал её жрец, почтительно, но вместе с тем почти как равную.

Подойдя к девушке, он окинул приближённых царевны пронизательным взглядом, задержав его на Павахе. Анирет и бровью не повела, хотя пребывала в сильнейшем волнении.

– И тебе привет, достойный сын Таэху и слугитель Аусетаар.

Воины царевны отсалютовали жрецу, Павах – чуть запоздало в силу не то своих увечий, не то волнения.

Жрец тепло улыбнулся гостье и протянул руку. Неуверенно царевна вложила свою ладонь в его и ощутила вдруг, что пребывала *на своём месте*. Это было удивительное чувство духовной гармонии, некой внутренней целостности. В тот миг она совершенно точно знала: что бы ни ожидало её впереди, всё ей будет по силам.

Вместе с жрецом Анирет вступила в трепещущий воздух Каэмит, пересекая невидимую границу.

Отец говорил, что она ощутит некое сопротивление пространства, прежде чем окажется в *настоящей* Обители Таэху, невидимой простому глазу. Анирет не почувствовала ничего неприятного. На несколько мгновений она как будто погрузилась в прохладный источник, но в следующий миг уже стояла на мощёной дорожке, вдыхая свежий, наполненный запахами акаций и тамарисков воздух.

Сердце царевны замерло от открывшейся перед её взором красоты. Девушка стояла на берегу Священного Озера – прозрачная индиговая вода так и манила если не вступить в неё, то хотя бы прикоснуться к ней. Вокруг росли высокие раскидистые плодовые деревья, даровавшие драгоценную тень. На противоположном берегу возвышался величественный храм, напоминавший те, что Анирет видела в Апет-Сут, столице Империи. Высокие главные врата-пилоны²³ выходили к Озеру, как и требовала традиция, – это символизировало собой выход земли из вод вселенского небытия. В большинстве храмов было по три святилища и три основных молельных двора, посвящённых Владычице Таинств Аусетаар, Владыке Мёртвых Ануи и их сыну Ваэссиру, божественному Владыке Таур-Дуат, чья Сила воплощалась в Императорах. В каждом из дворов устанавливался высокий – выше храмовых стен – обелиск с покрытой электрумом²⁴ вершиной, отражавшей благословенные лучи Ладьи Амна. В этом храме было только два обелиска и два молельных двора. Как помнила Анирет по рассказам отца, святилища здесь принадлежали только самой Богине, ведь Обитель Таэху была Её городом-культом. Одна часть храма была отдана её ипостаси Владычицы Таинств, другая – Ей как Госпоже Очищающей Боли, преодолевающей пределы и закаляющей клинок своего существа бесконечно. Не увидела Анирет здесь и привычных тронных статуй Ваэссира, охранявших врата. Вход украшали два обелиска – ниже, чем те, которые отмечали святилища, но тоже испещрённые иероглифами и ритуальными изображениями. На стенах пилонов были высечены искусные рельефы, повествовавшие о времени Первых Договоров и рождении расы рэмеи.

Оазис Обители представлял собой небольшой город, обнесённый стенами из белоснежного камня, покрытыми сложным узором из иероглифических надписей и рельефными сценами из древних мифов. С внутренней стороны к стенам лепились жилые помещения и амбары. То, что извне представало взгляду непосвящённых как развалины в пустыне, существовало лишь для отвода глаз. Реальность была иной, но проникнуть в неё не мог никто без воли на то хозяев – наверное, даже Владыка Таур-Дуат.

Сама земля здесь пела Силой, защищавшей её обитателей. От этой Силы душа Анирет рвалась из клетки тела, распахивая крылья навстречу храму.

– Здесь так хорошо... – выдохнула девушка и тотчас же устыдилась, что для всех переполюнявивших её чувств у неё нашлись лишь эти простые слова.

– Добро пожаловать в Обитель Таэху, Анирет Эмхет, – сказал жрец, глядя на неё так, словно сейчас она была самым важным здесь. – Мы давно ждали тебя.

---

²³ Пилон – башнеобразное сооружение в форме усечённой пирамиды. Пилоны сооружались по обе стороны от входов в древнеегипетские храмы и, по сути, сами являлись вратами.

²⁴ Электрум – разновидность самородного золота, представляющая собой сплав золота с серебром.

– И я... мне кажется, я тоже очень долго ждала возможности оказаться здесь... – тихо ответила царевна.

Так странно было понимать это, но... *она была дома.*

Павах был сам не свой с самого начала путешествия, да и пеший переход по пескам Каэмит дался ему нелегко. Но когда они достигли наконец развалин в пустыне, воину стало совсем тяжело. Нечто подобное он испытывал, когда оказался в храме Стража Порога и чувствовал на себя взгляды статуй этого божества.

Потом появился рыжеволосый жрец Таэху с этим своим пронзающим взглядом, холодным, как у царицы Амахисат, только каким-то более... нездешним. Воину казалось, что Таэху выделил его среди остальных – как будто прочёл мысли – и бывший телохранитель почувствовал себя донельзя уязвимым. Что ж, сама Аусетаар, супруга Ануи, мать Ваэссира, наблюдала за живущими здесь, в Обители древнего жреческого рода. От Владычицы Тайнств ни у кого не могло быть секретов.

Когда жрец провёл прибывших сквозь невидимый портал, Паваху показалось, что он захлебнулся воздухом, словно само пространство отторгало его. Рёбра стиснуло как между мельничными жерновами, а ноги отказались слушаться. Обитель Таэху отталкивала его, выплёвывала... но потом ощущения истаяли, как предутренний морок, и он обнаружил себя рядом с царевной в огромном внутреннем дворе, точнее в небольшом городке, возведённом вокруг храма.

Украдкой Павах посмотрел на других воинов Анирет. Они озирались и перешёптывались с изумлением и восхищением, но, кажется, никто из них не чувствовал той тревоги и муки, которую ощутил при переходе он сам.

Потом со всех сторон к ним начали стекаться рэмеи – Таэху с волосами цвета запёкшейся крови и холодными глазами оттенка лазуритовой синевы, а также простые мужчины и женщины: местные слуги, послушники, гости храма и паломники. В честь прибытия царевны Эмхет по воле Верховного Жреца Джети Таэху, ожидавшего Анирет в храме, был объявлен пир на всю Обитель.

Рэмеи ликовали и радостно обсуждали новость, и только Павах чувствовал себя осколком, выпавшим из общей мозаики, до конца не принадлежавшим происходящему. Мысль же о разговоре с жрецами о возможном исцелении стала вызывать у него всё больше священного трепета, граничащего со страхом. Если бы Павах мог, то сбежал бы скорее, чем встретился с кем-то из целителей Таэху! Но он так хотел поддержать Анирет... К тому же, ему предстояло ещё узнать о целях царевны, чтоб хоть что-то рассказать Владычице и не вызвать у Амахисат ненужных подозрений.

2-й месяц Сезона Восток

Здесь пахло холодом... и смертью. Смерть царила здесь повсюду, тихая, шепчущая, напоминавшая о хрупкости плоти и всего видимого. Впрочем, видел он не дальше своей руки – слишком уж глубоким был мрак. Да и не на что было смотреть. Ладонями он чувствовал прохладные каменные плиты стен и пола, не сырые, как в темницах, а сухие и холодные. Из таких камней наследники демонов вытёсывали саркофаги для своих мёртвых. В Данваэнноне не было принято поклоняться смерти. Там не строили некрополей, похожих на целые города. Мёртвых уносили реки, впадавшие в Малахитовое Море, – уносили далеко, в Страну Вечного Лета, к новой жизни. Неупокоенные призраки селились лишь на местах сражений или убийств, и

вотчина их внушала не почтение, но ужас. Понять рэмейскую любовь к мертвецам и жуткому Псоглавому Богу эльфу было трудно, но он уважал их культуру – в меру своего разумения.

Уже не раз он ощупью исследовал место своего заточения, пытаясь прикинуть его размеры. Он был слеп во мраке, глух в шелестящей мертвенной тишине, запертый, как в огромном саркофаге. Здесь не было даже двери – лишь задвигающаяся плита. Его голос охрип от криков, на которые никто не отзывался. У него забрали оружие – оставили только флягу с водой и немного еды. Но ведь не могли же его замуровать здесь заживо! Или могли?..

Эрдан Тирири, младший сын Ллаэрвин Серебряной Песни, Пресветлой королевы Данваэннона, сел посреди темницы и опустил голову на руки, обдумывая своё положение. Посольство было встречено доброжелательно, однако рэмеи ничего не спросили и не объяснили. Принца отвели от остальных, попросили разрешения завязать ему глаза. Эрдан не удивился – эльфы тоже предпочитали хранить свои секреты – и доставили сюда. Его провожатые были учтивы и молчаливы. . . *мертвенно* молчаливы. Он помнил, как вошёл, как за его спиной раздался тихий скрежет камня о камень. . . и он остался один. Сдёрнув повязку с глаз, принц не ощутил разницы – так темна была окружающая его пустота. Сколько часов он провёл здесь, эльф не знал. «Время измеряется чувствами», – говорили в его народе, самом долгоживущем из всех рас земного плана бытия. Эльфы как никто знали: дни могли течь словно столетия, а годы – промелькнуть ничтожными мгновениями. А когда вокруг лишь смерть и тёмная пустота, когда не знаешь своей участи, и несколько часов могли обернуться неделями. Сыну зачарованных чащоб и полян, залитых пробивавшимися сквозь ветви солнечными лучами, тяжело было находиться в каменных застенках. Он был точно зверь в ловушке. Эта живая, дышащая темнота была так непохожа на колдовскую тьму звёздной ночи! Его, эльфа, привычного к свободе лесных чертогов, к воздушной архитектуре городов Данваэннона, эта темница, так похожая на гробницу, пугала и угнетала особенно.

Собрав всю волю и гордость высокорождённого аристократа, Эрдан поднялся, расправил плечи и хрипло воскликнул:

– Я должен доставить послание Её Величества Владыке Секенэфу Эмхет, да будет он вечно жив, здоров и благополучен!

Тишина шелестяще рассмеялась за спиной. Ей не было дела до письма, которое её пленник принёс с собой – того, что было написано рукой самой королевы, его матери, в знак уважения к союзнику и высочайшей поддержки. Не было ей дела и до даров, призванных хоть сколько-нибудь развеять печаль Императора – до заключённых в волшебные ларцы сладких голосов фейских птиц, до светильников, наполненных светом звёзд, хранивших в памяти след всех виденных небом, до чудесного, почти живого портрета потерянного наследника Эмхет, вытканного дворцовыми чаровницами на тончайшем гобелене. Как мать, королева Ллаэрвин, разделяла скорбь Императора. И всем сердцем она хотела развеять жуткие слухи, что могли пошатнуть или даже разрушить тридцатилетний союз.

Эрдан глубоко вздохнул. Он не верил, что смерть ожидала его здесь. Как бы ни глубока была скорбь Владыки Таур-Дуат, он не мог не выслушать сына своей союзницы, плоть от плоти, кровь от крови той, с которой он заключил такой желанный им обоим договор. Секенэф Эмхет был справедливым правителем. Он бы не казнил высокопоставленного посла, тем более без суда. А на поддержку и защиту Великого Управителя Хатепера, старшего царевича Эмхет, брата и первейшего советника Императора, Эрдан, как сказала королева, мог рассчитывать, даже если остальные рэмеи встретят его недоброжелательно.

«Но тогда в чём причина моего нахождения здесь?» – в очередной раз спросил себя эльф.

Смерть и тишина обнимали его тёмными крыльями. Во мраке мерещились призрачные голоса, и от них становилось ещё холоднее. В плену этих голосов эльф с трудом различил столь долгожданный звук отодвигающейся плиты-двери. Свет казался ослепительно ярким. Эрдан прикрыл глаза ладонью, а когда отвёл её, увидел перед собой рэмеи в тёмных одеждах, чьи

руки были обтянуты льняными перчатками, а лицо скрыто тенью капюшона. На его груди висел знак Псоглавого Бога.

«Бальзамировщик...» – содрогнулся принц.

Как и все эльфы, он не мог понять этой магии: копание в трупах, их вяление и консервирование... или что там бальзамировщики делали в своих храмах, чтобы сохранить мертвецов на долгие века. Поговаривали, что жрецы Псоглавого умели даже поднимать мёртвых – точно так же, как маги-осквернители гробниц. Всякая магия, связанная со смертью, в Данваэнноне каралась смертью же. Но в Таур-Дуат эти жрецы занимали высокое положение, хоть их и опасались и даже иной раз избегали.

– Ваше Высочество, – учтиво поклонился жрец, и голос его был подобен шелестящей тишине. Говорил он на чистом эльфийском. – Приветствую вас в нашем храме. Прошу простить за то, что пока условия не вполне подходят для долгого пребывания. Это скоро изменится. Воспримите это как своего рода... *покой подготовки*.

Последние два слова были сказаны уже по-рэмейски. Эрдан помнил, что покоем подготовки наследники демонов называли помещение, в котором трупы омывали, освобождали от внутренностей и высушивали. Его лицо осталось непроницаемым, как и подобает высокородённому, но внутри него всё сжалось от жуткого предчувствия.

– Я бы хотел объяснений, мудрый, – не менее учтиво ответил принц на языке рэмеи. – Если Владыка по каким-то причинам не может или не желает принять меня, я готов ждать. Могу я встретиться с Великим Управителем Хатепером? Или с кем я могу говорить прежде?

– Со мной. И с вечностью, для которой будет сохранена часть Вас, – тихо ответил бальзамировщик – снова по-эльфийски.

– Я не вполне понимаю тебя, мудрый.

Из темноты в круг света вступили ещё несколько фигур. Они учтиво взяли принца под руки. Пара жрецов внесла большой ларец, ещё пара – небольшой переносной стол и чашу с водой. Они двигались почти бесшумно, точно тени, – только одежды их чуть шелестели, касаясь плит пола.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.